www.devec.ru

Развитие и экономика

2

март 2012

Кризису органичен
социум-уродец

Запад-Восток
интеграция и развитие

www.west-east.org

ОБЪЕДИНЕНИЕ РОССИЙСКИХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ

Постоянно действующий Форум «Запад-Восток: интеграция и развитие» является площадкой для диалога с целью поиска моделей развития стран Востока и Запада

Генеральный партнер:
миллениум банк ЗАО

Партнер:
WORLD PUBLIC FORUM
DIALOGUE OF CIVILIZATIONS

СОДЕРЖАНИЕ

март 2012 | №2

обращение главного редактора

4 С.Н. Белкин
Неопределенный интеграл

интервью

6 М.Ю. Байдаков:
«У такого объединения, как Евразийский союз, есть и немалая духовная составляющая, которую рублем не измерить»
Интервью председателя правления «Миллениум Банка»

евразийское развитие

10 А.И. Неклесса
Русский мир: цивилизация многих народов

18 А.Г. Дугин
Евразийский союз: принципиальные мировоззренческие основания

26 Д.И. Выдрин
Евразийство – между проблемами Европы и ошибками России

34 В.И. Карпец
Евразийский проект и Русский вопрос

44 С.В. Хатунцев
Мысли вслух о Евразийском союзе

52 П.Б. Салин
Евразийский союз – геополитическое контрнаступление России

60 В.Л. Близнеков
Североазиатский союз

68 В.М. Коровин
Евразийский союз – единственный шанс России

Развитие и экономика

Научный и общественно-политический альманах

Учредители:
М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин

Адрес:
129010, г. Москва, Протопоповский переулок, дом 19, стр. 10.
Тел.: +7 (495) 788-98-68
Факс : +7 (495) 788-98-69
www.devec.ru
info@devec.ru

Главный редактор:
С. Белкин
Первый заместитель главного редактора:
Д. Андреев
Заместитель главного редактора:
В. Прозоров
Арт-директор:
О. Фирсов
Секретарь редакции:
М. Петухова

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77- 44936 от 4 мая 2011 г.

Печать: «Немецкая фабрика печати»
Тираж: 5 000 экз.
Дата выхода в свет: 31/03/2012

© М.Ю. Байдаков, С.Н. Белкин
Все права защищены.
Полное или частичное воспроизведение опубликованных в альманахе «Развитие и экономика» статей, фотографий, а также иных материалов возможно только с письменного разрешения редакции, ссылка на альманах «Развитие и экономика» обязательна.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, содержащейся в рекламных объявлениях.

теория развития

76 Ю.М. Осипов
Российское перестроение как неизбежная актуальность

84 О.Т. Богомолов, В.М. Симчера
Экономике нужны надежные показатели

96 А.В. Бузгалин
Распад СССР: уроки и вызовы новым интеграциям

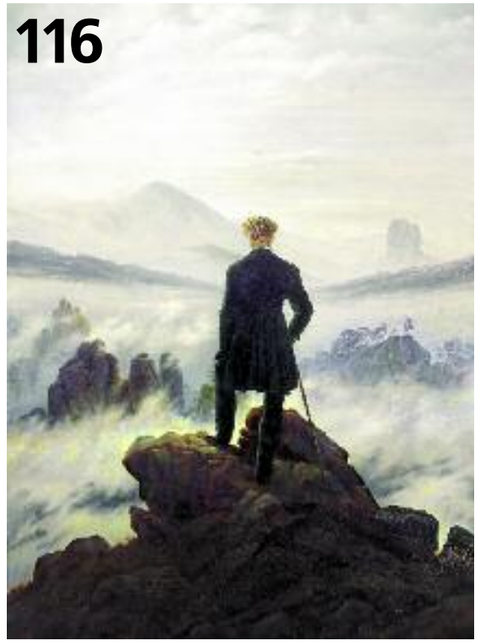
108 В.Е. Лепский
Субъектно-ориентированный анализ проблем интеграционного проекта для Евразии

116 В.М. Симчера
Почему буксует интеграция (опыт критической оценки ненаблюдаемых барьеров)

126 А.А. Олейников
К вопросу о создании евразийской теории национального хозяйства

134 Р.Р. Вахитов
Россия-Евразия и мировой рынок

140 А.Э. Айвазов
Периодическая система мирового капиталистического развития



проектный подход

148 Э.Г. Кочетов
Единение на евразийской платформе: геоэкономический замысел

156 А.Н. Белкин
Аравийское чудо

160 Ю.В. Крупнов
К дееспособному Евразийскому союзу на основе принципа соразвития

обозреватель

172 С.В. Лурье
Евразийский союз в оценках зарубежных обозревателей

гуманитарий

180 О.Г. Бахтияров
«Дикие карты» и отклонения от хода истории

190 Л.А. Булавка
Альтернативы глобализации отчуждения: поиск диалога культур

198 С.Н. Белкин
Разговор с «отставным советологом»

contents

206 Оглавление и сведения об авторах на английском языке

анонс

208 Итоги и перспективы

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха и портала «Развитие и экономика»,
член Союза писателей РФ,
кандидат физико-математических наук

Неопределенный интеграл

Неопределенный интеграл для функции f(x) – это совокупность всех первообразных данной функции.

Перед вами второй номер альманаха «Развитие и экономика». Получился ли он таким, каким хотелось его увидеть? Конечно, нет – один правильный вариант ответа, и – конечно, да – другой, тоже правильный. Рождение замысла альманаха, за которым следует процесс его практического воплощения, – процесс изменчивый, неустойчивый, подверженный воздействию многих факторов. Замысел изменяется и сам по себе, и под влиянием складывающихся обстоятельств. С одной стороны, не всех авторов, которых хотелось пригласить к участию, удалось привлечь, с другой стороны, появились авторы, о которых вначале и не думалось. Да и тема номера, взгляд на нее трансформируются, потому что сама жизнь, особенно ее политическое содержание, очень быстро и значительно изменяются. Неизменным, однако, остается наше основное направление: анализ, исследования и экспертные оценки такой сложной и многогранной темы, как развитие.

Россия с большими потерями, с немалыми муками и пока с удручающей результативностью вот уже четверть века занята собственным реформированием, больше напоминающим разрушение и мародерство. Между тем в ее интеллектуальной среде продолжалось созревание осознания изменяющейся действительности, постижение собственной сущности и предназначения, ни на один день не прекращался поиск адекватного, надлежащего способа жизнедеятельности и развития. К сожалению, результаты этого интеллектуального и духовного созревания оказывали очень слабое влияние на политические и хозяйственные решения, определяющие стратегические цели и пути их достижения.

Казалось бы, никто из российского политического класса и наших разнообразных «элит» – не говоря уж о народе – открыто не желает России гибели, мучений и утрат. Большинство не только провозглашают, но и осуществляют действия, якобы направленные на достижение высоких и всеми принимаемых целей – справедливости, свободы, высокого уровня жизни, защищенности, устойчивости... Несмотря на это Россия под именем СССР на наших глазах развалилась на части, каждая из которых, включая и самую большую, унаследовавшую историческое имя, все время оказывается то на краю гибели, то на грани последующего развала. Россия продолжает пребывать в том общественно-политическом и экономическом состоянии, которое не удовлетворяет большинство населения, придерживающееся самых разных взглядов и представлений о должном. Что бы при этом ни говорили политические лидеры и обслуживающее их «экспертно-аналитическое сообщество», очевидно, что устойчивой модели жизнедеятельности, обеспечивающей развитие страны и народа в реально сложившихся условиях и факторах внешней и внутренней среды, не было найдено ни на одном отрезке нашей истории последних десятилетий.

Сегодня, весной 2012 года, мы снова ощущаем себя стоящими на старте некоего «нового пути». Наш политический класс – все еще прежний в своем основном ядре, однако, постаревший, приобретший опыт и, хочется надеяться, понимание глубинных основ бытия и предназначения страны – вновь обозначает ориентиры дальнейшего существования, стратегии нашей жизни. Эти стратегические цели и пути их достижения сформулированы в осенне-зимних статьях председателя правительства Владимира Путина. Каждая из них посвящена действительно важным направлениям жизни страны, все они подверглись дружному и всестороннему обсуждению в СМИ и профессиональной литературе. Наиболее конкретной, уже нашедшей свое воплощение в масштабных практических шагах, которые при любом исходе – как успешном, так и неудачном – окажут прямое и очень сильное влияние на жизнь каждого человека, страны, региона, да и, пожалуй, всего мира, является программа создания Евразийского союза, принятая тремя странами – Белоруссией, Казахстаном и Россией. Именно этот проект и стал основной темой второго номера нашего альманаха.

Мы постарались представить разные точки зрения. Кроме того, мы заботились о том, чтобы не уйти целиком в политическую злободневность, а сохранили наше стремление быть изданием, апеллирующим к фундаментальной аналитике, – даже если рассматриваются самые свежие политические события.

Эта заметка озаглавлена «неопределенный интеграл», что подчеркивает два обстоятельства. Первое – речь идет об интеграционных процессах, которые состоят в суммировании и объединении не только усилий и возможностей стран-участниц, но и их проблем и недостатков, в том числе и весьма глубинного свойства. Второе обстоятельство – неопределенность исхода проектов подобного масштаба и сложности.

Авторы номера провели анализ оснований и перспектив Евразийского союза, рассматривая множество различных аспектов проблемы. Критическому разбору подверглись как базовые мировоззренческие основы возможного развития стран-участниц в этом направлении, так и практические стороны проблемы, включающие в себя экономические, политические и социоструктурные реалии. Можно условно выделить группу сторонников проекта, считающих евразийское направление естественным и благим для его участников и для всего остального мира. Есть аналитики, относящиеся к идее в целом позитивно, но усматривающие серьезные препятствия на пути ее реализации, их можно условно назвать скептиками. Имеются и те, которые считают евроазиатский вектор в судьбе страны пагубным, губительным заблуждением.

Вот уже лет сто пятьдесят или двести во многих публикациях, в которых речь заходит о евроазиатской сущности России, прибегают к более чем традиционной метафоре: «Россия – мост между Востоком и Западом». Хочется по этому поводу воскликнуть, что я и делаю: хватит талдычить про «мост между Востоком и Западом»! Россия не мост, не путь, не проходной двор и не «место встречи Востока и Запада». Россия не вспомогательная сущность или субстанция для каких-то иных миров. Россия – наша Родина: единственная, самоценная, содержащая в себе все смыслы, все цели и все ценности. Для кого-то, возможно, моя Родина – мост: ну что ж – идите... Только уважительно, с благодарностью, соблюдая правила движения. Хватит также гадать: «Россия – это Европа или Азия»? Россия – целостная и очень древняя сущность, ставшая таковой задолго до чьих-либо попыток систематизации пространств и культур.

Считаем важным представить разные точки зрения, тем более что это не просто «мнения», а аргументированные, обоснованные позиции вдумчивых аналитиков. При выработке «стратегии для всех» совершенно необходимо знать и уметь учитывать весь спектр аргументов, возникающих при анализе проекта. Речь не должна идти – как это, к сожалению, было и до сих пор чаще всего бывает – о победе одной «партии» над другой. Россия – страна многонациональная, многоконфессиональная, существующая в самых разных ландшафтах. Ее населяют люди с разными взглядами и разными ценностями. Поэтому очень важно уметь эти взгляды и ценности учитывать и охранять, обеспечивая непротиворечивый путь дальнейшего развития.

интервью

Интервью председателя правления «Миллениум Банка» **Михаила Юрьевича Байдакова** главному редактору альманаха «Развитие и экономика» С.Н. Белкину

М.Ю. Байдаков:

«У такого объединения, как Евразийский союз, есть и немалая духовная составляющая, которую рублем не измерить»

– Михаил, второй номер альманаха, как мы с тобой и планировали, посвящен проекту создания Евразийского союза. Есть разные взгляды на этот проект, предложенный лидерами России, Казахстана и Белоруссии. Наряду с поддержкой проекта экспертами высказываются как сомнения в его реализуемости или перспективности, так и уверенность в его ошибочности. Что видится позитивным и реалистичным в этом проекте, а что вызывает опасения?

– В последние двадцать лет мы наблюдали вполне определенные центробежные стремления на постсоветском пространстве и очень неопределенные – в стратегическом смысле – попытки объединений. Поэтому надо отметить как очень важный и позитивный факт то единство мнений, которое ныне продемонстрировали лидеры трех стран. Объединение, координация действий, общая стратегия – все это делает каждого участника союза более сильным, более устойчивым и более разумным. Это первое, что хочется подчеркнуть. Второе – это несомненная перспективность избранной стратегии и вектора развития. У этого, называемого сейчас евроазиатским, вектора есть фундаментальная база в нашей истории. Есть очень точно и достоверно определяемые экономические преимущества и перспективы дня сегодняшнего. И, наконец, есть именно процесс интеграции – процесс, ставящий целью формирование мощного регионального геоэкономического и, как следствие, геополитического центра. Такого центра, который сможет обеспечить нашим народам достойное будущее в глобализированном мире.

Опасения, как и в отношении всякого крупного проекта, конечно, имеются. Если идти от более простых аналогий – например, от реализации крупного бизнес-проекта, – то его успех или неудача определяются верностью анализа, сделанного при разработке проекта, в том числе и прогноза изменений внешней среды, ну и качеством, профессионализмом команды, которая этот проект реализует. Эти же проблемы – только гораздо более сложные, поскольку надо учитывать не только относительно простые измеряемые экономические параметры, но и ценности духовного порядка, – существуют и в Евразийском проекте.

– Критические оценки проекта можно условно разделить на политические, экономические и культурные. Среди политических опасений чаще всего можно услышать опасения в стремлении воссоздать советскую империю. И тут же возникает боязнь утраты суверенитета странами, входящими в Евразийский союз…

– Подобные «опасения» продиктованы, как мне кажется, лишь политической конъюнктурой и информационной средой, пишущей и говорящей о политике и экономике без опоры на фундаментальные знания – научные и практические. К разговорам о воссоздании «советской империи» это относится в полной мере, то же самое можно сказать и о такой политологической попсе как «либеральная империя». Нельзя дважды войти в одну реку. Изменилось все: мир, страны и народы, из которых складывался Советский Союз, возможности, ресурсы, цели, носители этой идеи как таковой – и многое другое. Так что воссоздание СССР – в буквальном смысле – невозможно, да этого никто всерьез и не хочет. А вот использование достижений, технологий, взаимосвязей, консолидированных позиций и т.п., имевших место в СССР, может оказаться вполне своевременным, выгодным и реалистичным.

– Есть и более сложные по своей внутренней природе опасения, вызванные неопределенностью образующейся структуры: станет ли она новым политическим субъектом для входящих в нее стран, или же будет укрупненным и более удобным для внешних манипуляций объектом в рамках процесса глобализации.

– Здесь все зависит от истинных стратегических целей политических элит наших стран и точности действий по их достижению. На это мы можем повлиять, формируя экспертно-аналитические оценки, доводя их до наших политических элит. Что мы с тобой и делаем, издавая и распространяя, например, этот альманах. А также через демократические институты, оказывая воздействие на органы власти. Наконец, существует и меха-

низм «уличной демократии», оказывающий несомненное влияние на политику стран.

– Среди экономических опасений нередко высказываются тезисы типа «зачем России кормить кого-то»: в результате евразийского расширения России, мол, придется дотировать присоединяющиеся страны и народы, обеспечивать рост их экономического уровня за свой счет.

– Это все относится к классу так называемых «счетных задач». То есть количественный показатель того, кому и сколько надо платить, поддается достаточно точной оценке. Предварительные оценки показывают, что политико-экономическое объединение стран выгодно каждой из них. Не надо только забывать, что не из одних денежных оценок и финансовых потоков состоит жизнь. Мы учитываем в своей жизни многое, что не измеряется одними деньгами. В древности в некоторых племенах состарившихся сородичей съедали или просто убивали. Современное человечество считает правильным оказывать пожилым людям поддержку, выплачивать пенсии и т.д. Пример покажется резковатым, но он уместен, потому что сведение всего в жизни к оценке «экономической эффективности» – печальная реальность наших дней. У такого объединения, как Евразийский союз, есть и немалая духовная составляющая, которую рублем не измерить.

– Ты затронул важный аспект. Среди критики культурных последствий проекта звучат предостережения разного рода, обусловленные, например, наблюдаемым в Евросоюзе крахом мультикультурализма и ожиданием возникновения аналогичных явлений у нас.

– Такая проблема у нас есть, да и всегда была, и ее нельзя просто однажды решить – и все. Это бесконечный процесс каждодневных усилий со стороны всех. Самые главные усилия должно прилагать государство, формирующее «правила общежития». Стоит ослабить внимание к этой стороне жизни – я имею в виду межнациональные отношения, взаимодействие культур, обычаев, – как наступает обострение. Что мы видим, например, в Москве в связи с наплывом так называемых гастарбайтеров и неготовностью власти, а как следствие и населения, правильно «разрулить» эту ситуацию. Только сейчас к этим проблемам повернулись лицом и стали искать условия, в соответствии с которыми надо приглашать иностранных рабочих, какую работу с ними надо проводить, какой должна быть ответственность работодателей и т.д. Проблема решаема, только подойти к ней надо со всей тщательностью.

– Давай коснемся специфического конкретного вопроса, связанного с созданием Евразийского союза, – финансовой сферы. При всей специфичности этой сферы мало что еще так сильно влияет на жизнь страны во все ее аспектах. Пока, например, неясно – по крайней мере, для широкой публики, – какой будет финансовая модель возникающего союза. Предполагается ли со временем введение единой валюты, единого эмиссионного центра, или же это существенно отдаленная перспектива? Каким будет или каким должен быть механизм установления внутренних валютных курсов и, соответственно, внешних? Будет ли он с неизбежностью определяться через кросс-курсы по отношению к доллару и евро, или следует стремиться к механизму, способному дать дополнительную выгоду для экономики стран?

– Это один из важнейших вопросов. На том этапе, на котором мы сейчас находимся (переход от Таможенного союза к Единому экономическому пространству), этот вопрос остается в перечне теоретических проблем. Но чем ближе мы будем приближаться к реальному надгосударственному объединению – Евразийскому союзу, – тем актуальнее будет проблема введения единой валюты. С этим согласны и лидеры стран, и их финансово-экономические аналитики.

Способность государства эмитировать собственную валюту и управлять не только процессом печати, но и установлением выгодных для страны обменных курсов со внешней средой – очень эффективный инструмент. Это наглядно доказывает опыт Китая. У России, Казахстана, Белоруссии и других стран, которые, возможно, со временем вступят в союз, есть реальная перспектива сформировать собственную региональную валюту, которая будет способствовать подлинному развитию экономики и культуры. Какой будет эта валюта, какой механизм будут положен в основу ее формирования, как она будет называться – сегодня неизвестно. Есть мировой опыт, хорошо известный профессиональным финансистам. Это и формирование инвалютного рубля в странах СЭВ, и процесс становления евро, и опыт использования так называемых специальных прав заимствования. Аналитическая работа по поиску современной, адекватной интересам всех участников валюты ведется и, думаю, в ближайшее время уже будет, что обсуждать публично.

– Михаил, спасибо. Я, в свою очередь, рассчитываю, что возникшая на страницах альманаха тема постсоветской интеграции не станет исключительно данью модной политической конъюнктуре и не забудется после мартовских президентских выборов в нашей стране. Во всяком случае, мы в «Развитии и экономике» будем и дальше отслеживать динамику экспертных оценок в этой области.

Приближаем к цели.

www.kbmil.ru

Александр Иванович Неклесса – председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, заместитель генерального директора Института экономических стратегий, заведующий Лабораторией геоэкономических исследований Института Африки РАН

Сотни лет мы шли навстречу вьюгам.
С юга вдаль – на северо-восток.
Максимилиан Волошин

Русский мир: цивилизация многих народов

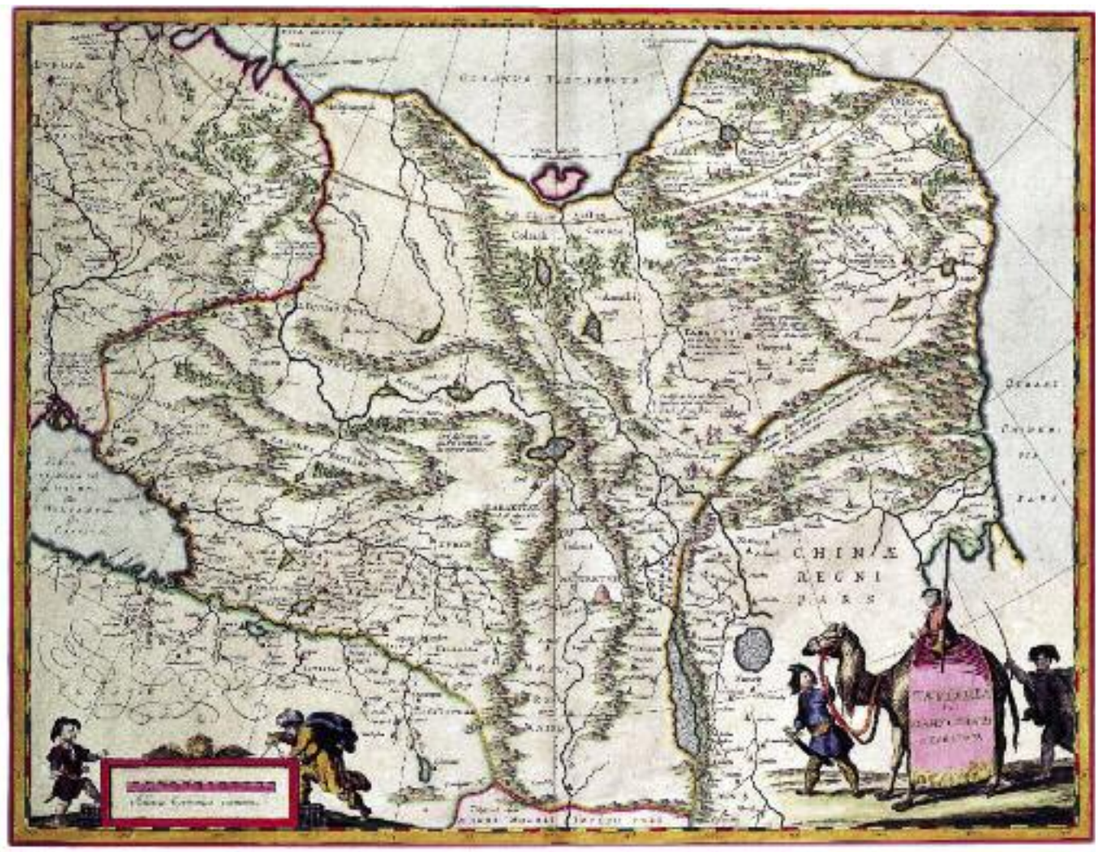
Предлагаемые размышления – взгляд на холмистый пейзаж Руси-России, на ее генезис и подспудную тектонику, имея в виду определение идентичности и цивилизационной стратегии страны с существенно изменившимся геополитическим, геоэкономическим и геокультурным содержанием, но вместе с тем – субойкумены, чьи корни имеют более чем тысячелетнюю историю.

Источником стратагем мне видится концепт Русского мира, прочитанный и переосмысленный применительно к ситуации XXI века. У продукта подобной логики возможны несколько форматов, реализация которых находится в прямой зависимости от интеллектуального и политического мастерства элиты, а также – пассионарности народа. Кроме того процесс геокультурного конструирования сам по себе способен придать импульс обновления за счет прояснения памяти, осмысления истоков. Но главное, за счет переноса акцента в грядущее, то есть списания исторических долгов и опознания скрытых активов.

В складывающейся на планете ситуации критически важно отыскать способ единения обширных пространств, умным образом сочетая их социальное и культурное разнообразие.

Что есть Россия?

Право на достойное будущее страны обеспечивается не только конкурентоспособностью экономики или боеспособностью вооруженных сил. Скорее, эти качества – производное от статуса общества, калибра правящего класса, его интеллектуального и властного мастерства. Ибо продукция, создаваемая элитой, если можно так выразиться, постиндустриального свойства: она – нематериальный, творческий геном, социальная энергетика, посредством которой выстраивается национальный организм с соответствующими достоинствами и недостатками.



Карта «Тартария, или Империя великого Хама» из атласа Виллема Блау. 1635

Другой фермент, определяющий положение страны – энтузиазм и самоощущение народа, сопряжение исторической идентичности с токами новизны.

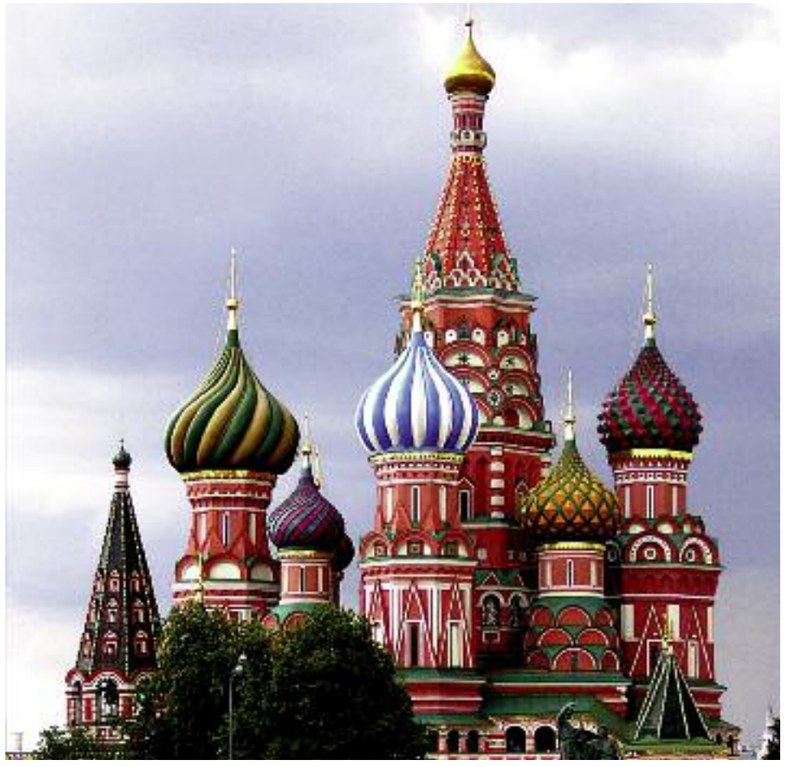
Интеллектуальный и культурный статус нации, ее миростроительный горизонт, способность к трансценденции обстоятельств, преодолению неурядиц – долг и добродетель не только правителей, но и граждан. Качество элиты, в конечном счете, есть производное от самосознания и активности народа: это проецируемый в окружающий мир и будущее образ страны.

Россия сегодня экономически используется окружающим миром, однако культурно им отторгается. Предъявление прежде себе самой, но также *urbi et orbi* современного прочтения загадочной русской души, ее ценностей, идеалов, мирополагания – задача, с очевидностью востребованная временем.

Исторический опыт свидетельствует об ипостасях и версиях Руси, России, о сосуществовании разных русских стран. Причем не только в диахронном русле, считая от мозаики Киевской Руси, Ордынского улуса (Тартарии на европейских картах даже сравнительно позднего времени), Московского царства, Российской империи до России-СССР и нынешней России-РФ.

Что же есть Россия? Действительно, сложный вопрос, на который вряд ли можно дать однозначный ответ. Исторический опыт свидетельствует об ипостасях и версиях Руси, России, о сосуществовании разных *русских стран*.

Причем не только в диахронном русле, считая от мозаики Киевской Руси, Ордынского улуса (*Тартарии* на европейских картах даже сравнительно позднего времени), Московского царства, Российской империи до России-СССР и нынешней России-РФ. Но также в пространственном прочтении темы: северо-восточной Московии, обширной северо-западной Новгородской республики, юго-западнорусского государства – Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского, а впоследствии Малой, Червонной и Белой Руси. Не говоря уже о легендарной юго-восточной Тмутаракани, других восточных землях и азиатских подданствах. А вглядываясь вглубь веков, можно припомнить отрывочные, смутные сведения о Порусье и Борусии, Рустингене и баснословном



В дискуссиях постсоветского времени происходит реабилитация исторической памяти. Речь идет о культурной, социальной и политической полифонии Русского мира, о многоцветном спектре «русской радуги».

острове Буяне/Руяне, о море Руссов и Росском каганате. И заодно вспомнить о различных казацких – реестровых, войсковых («полковых»), сечевых, кошевых, краинных, литовых-береговых – множествах и политиях.

Поиск ответа на вопрос о культурно-исторической конституции российского организма – век за веком обретавшего собственное миропонимание, оригинальную формулу миростроительства и колоссальную, непростую для освоения территорию – отчасти напоминает детективное расследование, когда фиксируются не только внешние обстоятельства, но и внутренние мотивации поступков. И в ходе социально-исторического процесса, в присутствии своего рода «присяжных заседателей» – народа, можно надеяться прозреть суть событий.

Русские страны

Когда-то о «русских странах» писали еще в средневековой Европе. Правда, имелись в виду скорее всего княжества, торговые города-республики и т.п. Историк и писатель Карамзин в начале XIX века по-своему аранжирует мелодику русских стран, подтверждая, однако же, присутствие темы в общественном сознании: «Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву <...> по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбачьих лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом».

В дискуссиях постсоветского времени происходит реабилитация-исторической памяти. Приоткрывается забытое/закрытое равно в СССР и Российской империи летописание о множественности родоначальников и наследников «всея Руси», о культурной, социальной и политической полифонии Русского мира. Речь идет о многоцветном спектре «русской радуги»: о Рутении (*Ruthenia*), Рустении, Тмутаракани и Белой Веже, о Руси Малой и Великой, Белой и Черной, Червоной и Полоцкой. О пространствах Семигалии и Краины, Галиции и Волыни, о Закарпатье, Подкарпатской Руси и Буковине, Подолье и Холмщине, Гетманщине и Слобожанщине, Сечи и Коше, о Полесье и Залесье, о Руси Нижней и Поморской, Северо-Западной – Псковской и Новгородской. О пестрой смеси этносов и народов.

Поводом для размышлений может служить генезис Новороссии (Новой России), малороссийского по населению разноцветия колонизируемых Великороссией земель – Малинового Клина (Кубани), Желтого Клина (среднего и нижнего Поволжья), Серого Клина (юга Западной Сибири и Северного Казахстана), Зеленого Клина (Забайкальского, Приморского, Хабаровского краев, Амурской и Сахалинской областей). Или такие экзотичные замыслы, как *Желтороссия* – наследие забытого проекта генерала Гродекова (и альтернативного по тактике, но аналогичного по стратегии проекта Витте). Не слишком известное определение «русской Маньчжурии» и отчасти Туркестана в перспективе могло объять пространства внешней Монголии, северо-

восточного Казахстана, Южного Урала. И, возможно, сопредельных степных территорий Поволжского левобережья, Калмыкии.

Буддийско-ламаистская этноконфессиональная множественность «русских бурят», а далее в прилегавших к Поволжью просторах «русских калмыков» смыкалась с этнокультурным пространством «русских башкир» и «русских татар», оплодотворенном, в частности, исходящими из Крыма идеями Исмаила Гаспринского о «русском исламе». При этом получали шанс на разрешение проблемные ситуации. По мере продвижения государства на территории удаленного и малозаселенного Дальнего Востока рождались такие проекты, как «прошивка» России Транссибирской магистралью. Или геополитически и геоэкономически мотивированное закрепление (техническое и правовое) идеи КВЖД.

В сумме пунктирно намеченная разноцветная сложность («Цветная Русь») могла выстроить совершенно иной каркас удержания полифоничного Русского мира на гребне исторической волны (или цунами) в формате новой русской интегрии или Сообщества русских стран.

По мере продвижения государства на территории удаленного и малозаселенного Дальнего Востока рождались такие проекты, как «прошивка» России Транссибирской магистралью. Или геополитически и геоэкономически мотивированное закрепление (техническое и правовое) идеи КВЖД.

Цивилизация многих народов

Выраженным признаком российского бытия является, пожалуй, его пограничность, прочерченная линиями старых и новых трансграничных, межцивилизационных трактов. Территория России последовательно очерчивалась в соответствии с географией «путепроводов» своего времени, перерастая в пространство расселения ее деятельного населения, которое проявляло себя как динамичное сообщество военно-торговых корпораций. Действительно, рубежи такого пространства (территориально-деятельного комплекса) обрамлены пунктирами значимых торговых маршрутов начиная со знаменитого днепровского «из варяг в греки». Но также существовал путь и «из варяг в булгары» – волжский тракт, переходящий в дорогу на Хвалынское (Каспийское) море, «к персам» («серебряный путь»). А подчас еще дальше – как след странствий, скажем, Афанасия Никитина. Был и «особливый янтарный путь», и транзитное «поволочье», и легендарная «троянова тропа»...

Южная граница России – фактически линия Великого шелкового пути. А вдоль Ледовитого океана, отмеченного форпостом русской цивилизации – морским монастырем Соловки, – проходил «соболиный тракт», уходивший за Урал, чуть ли не к водам другого океана – Великого.

Преодолев границы Евразии, российская государственность в своеобразном обличии, напоминавшем композицию Ост- и Вест-Индских компаний, вышла на просторы континента, расположенного по ту сторону океана. А пионерские суда

Южная граница России – фактически линия Великого шелкового пути. А вдоль Ледовитого океана, отмеченного форпостом русской цивилизации – морским монастырем Соловки, – проходил «соболиный тракт», уходивший за Урал, чуть ли не к водам другого океана – Великого.

устремились на юг, вплоть до берегов тогда неведомой, но вскоре открытой русскими мореходцами Антарктиды. Иными словами, в какой-то момент наметился контур даже не евразийской, но уникальной трансокеанической страны или, по словам «русского Колумба» Григория Шелихова, «вселенской океанической державы».

Горизонты восточной границы империи предполагали альтернативный – океанический – вектор развития, чудившийся в тенетах, казалось бы, сугубо континентальной державности. Образы, созданные на ее «внутренних» берегах, на неудержанных плацдармах, озаряются мыслью об иной – дальневосточной – столице и другой судьбе Русского мира. Но все это осталось не слишком внятным миражом, историософски не осмысленным и политически не реализованным российским мегапроектом. Между тем северная часть Великого (Тихого) океана получила-таки на время дерзновенное наименование «Русского моря».

Вектор России как «страны пространств», «страны пути» был прочерчен также ее культурно-исторической миссией свидетельства о Христе на Востоке, ролью альтернативного трансграничья Большой христианской цивилизации. Пронзив пространства Евразии, страна устремилась было в трансконтинентальную просторность, смыкаясь там с движением в противоположном направлении («посолонь») западноевропейской ветви этой же, то есть христианской, цивилизации.

На протяжении длительного периода миростроительные умонастроения питали Россию, являясь движущей силой как внутренней, так и внешней экспансии. Предельность и напряжение, наличествовавшие в ощущении метаисторической роли, предопределили претензии на универсальную, державную, имперскую роль. И, в конечном счете, на глобальное присутствие. Следует, однако, оговориться: подобное самосознание народа и власти, возвеличивание страны, уверенность в исполнении «совершенно особой воли провидения» предполагали возможность не только запредельного взлета, но и ужасного низвержения.

Страна пути

Размышляя над проблемой российской идентичности, самоидентификации, можно констатировать, что Россия, в сущности, это страна пути. Странствия, дороги, уходящие в предельную даль путепроводы, дерзновенность целей, обширность горизонтов, величественность миражей – и промысленных, и мнимых – являются для России совершенно особыми ориентирами деятельности. Потому, наверное, сопряженная с данными представлениями идея *развития как пути* опознается в качестве русской идеи.

Русскому характеру имманентно присуща внутренне мотивированная тяга к запредельности, устремленность к экстремальности, мечте, фантазии, дерзновению. Земное же ее воплощение являлось в свою очередь доминантным стимулом к освоению бескрайних просторов и строительству специфической государственности. В чем-то тут слышится эхо американской идеи *high frontier,* «великого трека», а заодно звучат обертоны монгольского, кочевнического идеала пути «к последнему морю».

Прорыв искусственной плацеты – собрания официозных концептов, институализированных «сверху», но не получивших развития, лишенных общественного признания, однако же и сегодня воспринимаемых в качестве судьбоносных идей, – преодоление подобных аберраций могло бы прояснить историософский горизонт, затянутый пеленой иллюзорных видений. В качестве аналога, позволяющего отчасти почувствовать вкус проблемы, можно предложить задачу по определению, скажем, «национальной идеи» Древней Греции. В подобном разговоре можно было бы услышать различные обоснованные построения, связанные с идеями демократии, полисной культуры, философии, подтвержденные убедительными тезисами и яркими афоризмами. Но к проблеме опознания генеральной идеи древнегреческого строя, его миропонимания и стилистики миростроительства можно подойти также с иной стороны. Постулировав, скажем, что таковой была идея упорядоченности, формализации, последовательной, тотальной организации ментальной/языковой сферы – то есть *промышления всего и вся*. И в этом подходе был бы свой резон. То же и с Россией.

Рассуждая о пространственных измерениях страны, мы порою забываем, что исторически это было не только и не просто евразийское пространство. Но шире – уникальное трансконтинентальное, многонациональное. А в пределе – и даже парадоксальным образом в сокровенном, автаркичном, «островном» замысле – «мировое» государство. (Вспомним очертания герба скрывшейся в водах истории России-СССР.)

Россия – архипелаг разноформатных заселений безбрежного «сухопутного океана» Северной Евразии. Это потоковая социальность, разъединенная обширнейшими пространствами, симбиоз разбойной вольницы и мало в чем ограниченного произволения администраций.

Саморазвитие общества сдерживалось «лоскутным», экстенсивным характером социальных коммуникаций, отдавая приоритет «скорлупе» централизованного аппарата, что заметным образом сказалось на конфессиональной, языковой, историко-поэтической связности: стимулируя социальную инертность и порождая стереотипы в общекультурных клише. В результате происходит драматичное расщепление сознания нации: динамичная и содержательная культурная инициатива с какого-то момента основательно расходит-

К проблеме опознания генеральной идеи древнегреческого строя, его миропонимания и стилистики миростроительства можно подойти, постулировав, скажем, что таковой была идея упорядоченности, формализации, последовательной, тотальной организации ментальной/языковой сферы – то есть промышления всего и вся. И в этом подходе был бы свой резон. То же и с Россией.

Савва Бродский. У значительного лица. 1978–1981

ся с идеологическими и политическими скрепами государственного обустройства. А затем становится конфликтогенной, критичной, оппозиционной, по отношению к формам бытия тучного Левиафана.

Однако тотальность российской власти – не только пресловутые «обручи», сдерживавшие центробежные энергии территориального гиганта. В своей патерналистской ипостаси это еще парадоксальный субститут неразвитого гражданского общества в его домостроительном аспекте. В частности, не только политэкономическая реальность, но горизонты и содержание культурной политики здесь привычно формируются не обществом, а государством.

Из-за подобного цивилизационного своеобразия гражданский прогресс и гуманизация общества оставались и остаются главной социокультурной задачей России. А также ее политическим императивом. Альтернатива – истощение пассионарности индивидов, девальвация российского этоса и архаизация ментальности народа, обитающего в обозначенных историей пределах, но уже в радикально изменившихся обстоятельствах – подвижном и трансграничном мире.

«Русский Бог»

Российская цивилизация несет в своем естестве оригинальные социокультурные коды, причем глубинного, фундаментального свойства. В чем именно их природа? На каком фундаменте возводилось Государство Российское, воспринявшее домостроительный импульс от Второго Рима, но также впитавшее в себя ордынские культурные и административные токи?

С наследием византийским вообще сложилась непростая ситуация. В обществе до сих пор господствует стереотип о преемственности Руси и Византии, выраженный, к примеру, в легенде о «шапке Мономаха» или в поздних толкованиях тезиса о Третьем Риме. Связь, действительно, существует, равно как наследие и преемственность, только вот в каком смысле? Если обратиться к событиям и документам XV–XVI веков, мы видим: дело обстояло подчас едва ли не противоположным по отношению к поздним прочтениям ситуации образом. И формула Третьего Рима осознавалась тогда, скорее, как опровержение Византии, отрясание ее праха, нежели как ощущение кровного родства и наследования. Однако обретение православного апофатического богословия, развиваемого в Византии, познание мира удивительных энергий, постигаемых и пестуемых в основном в исихастском кругу, а на русских просторах – нестяжателями, заволжскими старцами, каким-то образом – с изменениями, угасаниями, провалами вплоть до трагического надлома – было все же унаследовано Россией. И унаследовано во многом в сфере практики, а не богословия. Богословия же как такового в России, пожалуй, и не сложилось, а вот практика, «практическое богословие» сложилось.

В целом же Русское царство, обретшее собственный формат государственности, нащупав стержень оригинальной культуры и идеологии, аккумулировав при этом претензии на реконструкцию миропорядка, напоминало в то время сжатую пружину. В течение весьма короткого исторического срока энергия преобразований сказалась не только на размерности и статусе страны, но и на самосознании народа. Она ввела в мировой контекст деятельного персонажа, который с тех пор при всех исторических пертурбациях вплоть до последнего времени не покидал историческую сцену.

Саморазвитие общества сдерживалось «лоскутным», экстенсивным характером социальных коммуникаций, отдавая приоритет «скорлупе» централизованного аппарата, что заметным образом сказалось на конфессиональной, языковой, историко-поэтической связности: стимулируя социальную инертность и порождая стереотипы в общекультурных клише.

Апофатичность, прочитанная и воспринятая как особый культурный импульс, произвела ряд отличных от источника и от западноевропейских версий христианской культуры производных. Созвучных, однако, психологическому складу русских очарованных странников-первопроходцев, купцов и монахов, разбойников и воевод, обитавших – вспомним об этом обстоятельстве – на краю лишь частично познанной земли-ойкумены.

Русским чуждо чувство меры – повседневная «исчисляемая» умеренность. Но подобная запредельность и экстремальность психеи имеет не только внешние проявления. Она намекает именно на тип национальной идентичности – имманентное ощущение трансцендентального замысла, на подсознательную картографию и нелинейную умственную геометрию, которые, в свою очередь, связаны с особенностями миропонимания, самоощущением личностью и народом судьбы как миссии, наполненной дерзновенным содержанием. Русский закон – быть выше закона. Что проявляется и как рутина, и как доблесть, и как скотство.

Русская фронтирность отвращает индивида и общество от планомерного освоения повседневности, уводя то в подвиги, то в грезы, со всеми присущими подобному способу бытия заблуждениями, ошибками, провалами, сантиментами. Все это отзывалось в земной истории тяжкими, катастрофическими потрясениями. Но как Иона не смог отказаться от предъявленной ему миссии, так и для отказа от исторического промысла, от собственной идентичности (мечты) требуется, видимо, совершенно особое сверхусилие, не сулящее, однако же, ничего хорошего.

Есть между тем у русской психеи и более глубокий пласт – безудержная устремленность к идеалу, перфекционизм, заставляющий разрушать и отчасти презирать все земное как несовершенные копии недостижимого перфекта. Это особое прочтение творчества – и как «прокрустова ложа», и как искусства сокрушения несовершенств.

Борьба за будущее

Россия-РФ не может вернуться ни в страну под названием Россия-СССР, ни в легендарную Российскую империю. Но у нее сохраняется шанс на деятельное соприсутствие в «доме многих народов», выстроенном по забытым, однако же до конца не утраченным лекалам Русского мира.

У обширных пространств Русского мира, раскинувшегося от берегов одного «Руського моря» до другого, бывшего «Русского моря» – океанического, непростые соцветия, множественность измерений, сложносочетаемые векторы: восточноевропейский и евразийский, «руський» и российский, славянский и поволжский, центральноазиатский и кавказский, христианский и мультиконфессиональный, имперский и постсоветский... В этом сложном хозяйстве скручены жилы многих, порой слишком многих проблем и противоречий, но ощутимо также то, что в современном лексиконе определяется как *эмерджентность*.

Здесь, кстати, можно узреть параллель с «европейской сумятицей» – суммой культурных противоречий и разночтений образа ЕС, настойчиво преодолевавшихся в процессе его строительства. В Русском мире тема звучит полифоничней, с диссонирующими синкопами. Но при всех сложностях это мог бы быть вектор умного деяния. Без гарантий на успех, однако, и не без шанса достичь оного, если иметь в виду не возведение административного имперского здания, а созидание системы отношений на основе социокультурной гравитации и некой общей психологической доминанты, сопряжение которых осознается скорее при взгляде «извне», нежели «изнутри» многоликого сообщества.

Обретение православного апофатического богословия, развиваемого в Византии, познание мира удивительных энергий, постигаемых и пестуемых в основном в исихастском кругу, а на русских просторах – нестяжателями, заволжскими старцами, каким-то образом – с изменениями, угасаниями, провалами вплоть до трагического надлома – было все же унаследовано Россией.

И если на данном пути удается обрести позитивный результат, то выстраивается не столько Русский Дом, сколько восстающий из исторического беспамятства Русский Град в безграничной метаисторической Ромее. Град, прикоснувшийся к темным временам, хочется надеяться, отшатнувшийся от них – обитель многих народов, соборное «единство в многообразии».

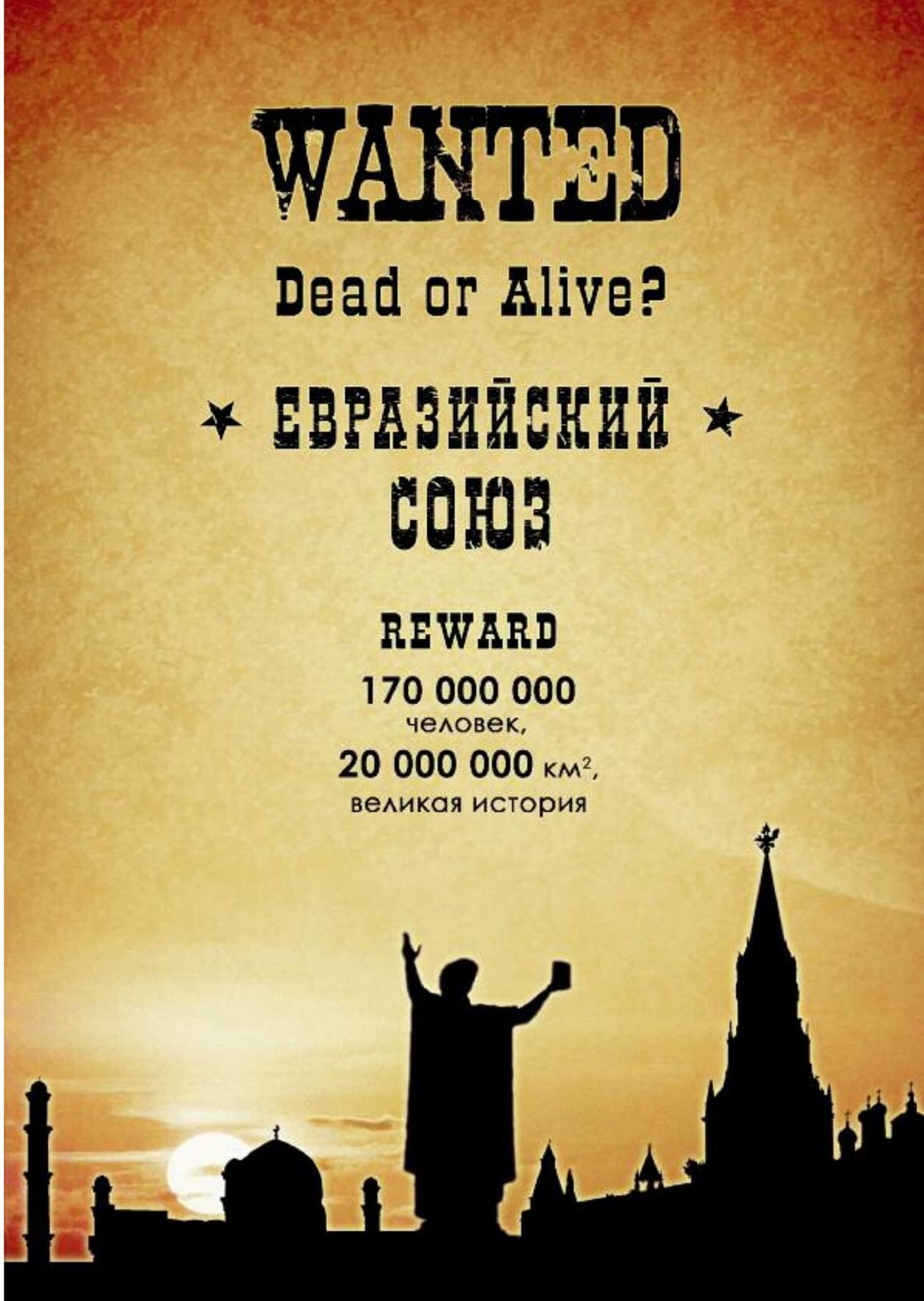
Александр Гельевич Дугин – философ, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии международных отношений и руководитель Центра консервативных исследований социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, лидер Международного Евразийского движения

Евразийский союз: принципиальные мировоззренческие основания

Прошло 18 лет с момента объявления Нурсултаном Назарбаевым идеи Евразийского союза и обозначения в целом евразийского вектора. Мы живем сегодня в ином мире, и в этом мире евразийство – уже не только блистательный замысел, но реальный, действующий фактор, с которым не считаться больше нельзя. Тогда – 18 лет назад – произошло поворотное событие в ткани евразийской идеологии. Подобная ткань – очень тонкая субстанция. Мировоззрение рождается, зреет, развивается и воплощается в реальность по замысловатым законам, как происходит становление живого существа. Организации, структуры, даже государства создаются и разрушаются, подчас исчезают, а формирование мировоззренческой ткани продолжается независимо ни от чего. Это тайные законы жизни духа.

В конце прошлого года вышла знаменательная статья Владимира Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня». Шаги, которые Владимир Путин и президенты Казахстана и Белоруссии – Нурсултан Назарбаев и Александр Лукашенко – предприняли после публикации своих программных статей о Евразийском союзе в «Известиях», показывают, что это не просто отдельные заявления. Ведь об интеграции постсоветского пространства говорилось много, и о том, что отношения со странами СНГ являются приоритетными, писалось

Мы живем сегодня в ином мире, и в этом мире евразийство – уже не только блистательный замысел, но реальный, действующий фактор, с которым не считаться больше нельзя.



Ключ к интеграции всего постсоветского пространства – это именно ось Москва–Астана – с крайне желательным привлечением к этой конфигурации Киева.

достаточно тем же Путиным и другими политическими деятелями. Но Путин не просто эту тему назвал – он начал последовательные шаги по реализации проектов Таможенного союза, по созданию в СНГ Зоны свободной торговли. То есть за дело строительства Евразийского союза Путин взялся всерьез. Речь идет о долгосрочной стратегии, мы имеем дело с программой.

Очень важно то, что именно Путин, Назарбаев и Лукашенко сделали свои страны локомотивами евразийской интеграции. Этого не произошло с Украиной, хотя без Украины трудно представить будущий Евразийский союз и с экономической точки зрения Украина выиграла бы от интеграционного проекта, как никто другой. Следовательно, дело не в экономике, или, точнее, не только в экономике, но и в политической воле. Кроме того, существуют особенности в политических системах России, Казахстана и Белоруссии, которые делают интеграцию желательным императивом для руководства этих стран.

Демократия и стабильность: русский фактор евразийства

Проблемы, которые сегодня стоят перед Россией, Белоруссией и Казахстаном, принадлежат к общему «семейству» вызовов. И Россия, и Белоруссия, и Казахстан строят демократию, но этот процесс вписан в конкретный географический, исторический и культурный контекст. Демократия и в России, и в Белоруссии, и в Казахстане находится в процессе становления. Поэтому периодически возникает опасность искажения этого процесса как в сторону рецидива авторитарных тенденций, так и наоборот – в сторону впадения в хаос и неуправляемость. Путин, Назарбаев и Лукашенко находятся в каком-то смысле в похожем положении. Каждый из них – популярный у себя на родине демократический правитель, стремящийся к долгосрочной стабильности в своей стране и к сближению со всеми государствами постсоветского пространства. Отмеченные сходства между Казахстаном, Белоруссией и Россией существенно способствуют приближению того момента, когда можно будет говорить о реальном создании Евразийского союза. В первую очередь это касается взаимоотношений между Москвой и Астаной, ведь ключ к интеграции всего постсоветского пространства – это именно ось Москва–Астана с крайне желательным привлечением к этой конфигурации Киева. Вхождение в Евразийский союз на правах одного из основоположников интеграционного проекта Белоруссии – проявление государственной мудрости президента Лукашенко, понимающего безальтернативность евразийской интеграции и озабоченного максимально продуктивным встраиванием своей страны в этот проект. Иными словами, становится все более очевидным, что Путин, Назарбаев и Лукашенко стоят на евразийских позициях и следуют евразийским курсом. Этим курсом невозможно следовать в одиночку, поскольку речь идет о сближении друг с другом разных стран, народов, культур, экономик, социальных систем. Эти процессы у нас идут по-разному, но их общий ритм и общий характер очень похожи.

Россия обладает экономическим, политическим, стратегическим, дипломатическим, социальным и культурным потенциалом, способным поддержать президента Назарбаева. То же самое можно сказать и применительно к президенту Белоруссии. Сближение Астаны с Москвой превращает русское население в Казахстане (которое при иных обстоятельствах могло бы стать дестабилизирующей силой, учитывая социальную роль и количество представителей этой группы) в фактор, который будет способствовать укреплению позиций Назарбаева внутри страны. Для Минска эта проблема практически отсутствует ввиду языковой, этнической, культурной и религиозной близости белорусского и русского народов. Кроме того, если Россия реализует общие с соседями экономические проекты, если российская элита до конца и полностью осознает необходимость стратегического партнерства с Казахстаном и Белоруссией даже ценой некоторых уступок в тарифной политике, по таможенным вопросам, то взамен Россия приобретет в лице обоих государств надежных стратегических партнеров.

Евразийский союз – это не только экономическая инициатива, хотя Путин настаивает на приоритете экономики. Если бы речь шла только об экономике, можно было бы ограничиться форматом ЕврАзЭС, Единого экономического пространства или Таможенного союза. Нет, Евразийский союз – это больше чем экономический проект: это настоящая политическая стратегия. Важно, что Путин принялся ее осуществлять в преддверии возвращения на пост президента страны. Если Медведев начал свое президентство с анонсирования проекта модернизации, то Путин отметит возвращение на первую роль с провозглашения курса на создание Евразийского союза. Важно и то, что эта идея была незамедлительно поддержана лидерами Белоруссии и Казахстана, давно выдвигавшими интеграционные инициативы для постсоветского пространства.

Интеграционный проект для Евразии должен опираться не только на экономический прагматизм, но и на полноценную идейную концепцию, приемлемую для всех народов бывшего СССР – исторической России. Такой концепцией является евразийство. Евразийство – не просто дань историографии, не просто ретроспективный анализ идей русских философов-белоэмигрантов, разработавших основы этого мировоззрения в 20–30-е годы прошлого столетия, и не только интерес и любовь к наследию великого историка Льва Гумилева. Евразийство гораздо шире. Это современное и актуальное явление, имеющее уже даже в наше время свою собственную историю. Вместе с тем и первые евразийцы, и сегодняшние последователи этого учения представляют собой единое целое, единую цепь с почти столетней историей, что необходимо учитывать. Как же определить сущность евразийства в нескольких

Алексей Венецианов. Петр Великий. Основание Санкт-Петербурга. 1838

Евразийство – это социальная модернизация, экономическое развитие при сохранении культурной и национальной идентичности.

к теме

Владимир Путин, председатель правительства РФ

Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. В том числе это означает, что на базе Таможенного союза и ЕЭП необходимо перейти к более тесной координации экономической и валютной политики, создать полноценный экономический союз. Сложение природных ресурсов, капиталов, сильного человеческого потенциала позволит Евразийскому союзу быть конкурентоспособным в индустриальной и технологической гонке, в соревновании за инвесторов, за создание новых рабочих мест и передовых производств. И наряду с другими ключевыми игроками и региональными структурами – такими как ЕС, США, Китай, АТЭС – обеспечивать устойчивость глобального развития.

Из статьи «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня». «Известия», 3 октября 2011

Однополярная глобализация означает новую форму колониализма. Евразийство на современном этапе предполагает своего рода «третий путь» – сочетание открытости и динамизма с традицией и консерватизмом.

словах и наиболее общим образом? Можно предложить следующую формулировку: евразийство – это социальная модернизация, экономическое развитие при сохранении культурной и национальной идентичности.

Вызов глобализации: евразийский ответ

Современное евразийство приобретает особую актуальность в ситуации глобализации. Глобализация – явление комплексное. С одной стороны, она способствует динамичному технологическому развитию, экономической модернизации. Но с другой стороны, такое развитие осуществляется ценой утраты идентичности, подвергает эрозии культуру, историческую самобытность, конфессиональную и этническую уникальность.

Те общества, которые некритически и сполна втягиваются в глобализацию, теряют свою индивидуальность, становятся стандартизированными и безликими. Традиции исчезают, начинаются теневые процессы – терроризм, наркомания, демографический спад. Копятся издержки, которые в определенный момент могут стать критическими и привести к исчезновению целых народов, государств, национальных культур. Страны становятся объектами манипуляций, утрачивают геополитическую субъектность. В пределе однополярная глобализация означает, по сути, новую форму колониализма. При однополярной глобализации существует только одна метрополия – США. А все остальное – колонии, куда, увы, попадают и Казахстан, и Белоруссия, и Россия, а также другие страны СНГ.

Есть государства, которые отвергают глобализацию, отстаивая принципы «закрытого общества». Так они стараются спасти собственную идентичность. Но это удается лишь отчасти – начинается стагнация, исчезает социальный динамизм, все постепенно разлагается. «Закрытое общество» – не выход. Евразийство на современном этапе предполагает своего рода «третий путь» – сочетание открытости и динамизма с традицией и консерватизмом. Чтобы осуществить этот евразийский проект, надо пройти между Сциллой и Харибдой.

Необходимо подчеркнуть, что современное евразийство – в целом новое явление. Оно творчески развивает идеи своих предшественников и основателей (Трубецкого, Савицкого, Алексеева, Гумилева), по-новому расставляет акценты. Современное евразийство – демократическое, просвещенное, открытое, прагматичное, ставящее особый акцент на экономическом развитии – напрямую сопрягается как с предложениями Путина, так и с более ранним проектом Назарбаева.

Философия евразийства исходит из приоритета ценности традиционного общества, признает императив технической и социальной модернизации (но без отрыва от культурных корней) и стремится адаптироваться к ситуации постиндустриального общества, называемого Постмодерном.

В Постмодерне снимается формальное противопоставление между традицией и современностью. Евразийство в отличие от Постмодерна атлантистского типа видит возможность альянса традиций с современностью. Альянса, способного дать созидательный оптимистический энергичный импульс, побуждающий к творчеству и развитию. В евразийской теории обретают новую легитимацию феномены, казалось бы, задавленные эпохой Просвещения, но заявляющие о себе все громче именно сейчас. Речь идет о ценностях религии, этноса, империи, культа, предания. Модерн преодолевается не путем простого отвержения, но диалектического снятия, то есть именно преодоления. Из Модерна берется технологический рывок, экономическое развитие, социальная справедливость. Так в преодолении противоположностей

к теме

Нурсултан Назарбаев, президент Казахстана

Евразийский союз – это мегапроект, соизмеримый со сложными вызовами настоящего и будущего. Он имеет все шансы стать органичной частью новой мировой архитектуры, формирование которой началось под воздействием самого мощного в истории глобального финансово-экономического кризиса. Для этого всем участникам евразийской интеграции необходимо иметь ясную и четкую стратегию действий.

Из статьи «Евразийский союз: от идеи к истории будущего» . «Известия», 26 октября 2011

рождается единая гармоничная и оригинальная теория. Важно отметить, что философия евразийства не является набором догматических концептов. Она открыта и развивается в тесном сопряжении с конкретными научными дисциплинами, стараясь опереться на максимально широкий объективный базис. В качестве таких дисциплин можно назвать историю религий, социологические и этнологические исследования, геополитику, экономику, страноведение, культурологию.

Современное евразийство ставит под вопрос универсальность и безальтернативность глобализационной западной парадигмы. Евразийство напоминает, что планету населяет множество народов с историческим и культурным опытом, отличным от западного. И диалог этих национальных культур, их сближение – вопрос очень тонкий и деликатный, неодномерный, требующий внимательного учета разных позиций. У каждого есть свои особенности и традиции, и люди смогут понять друг друга, только если внимательно прислушаются к духовным особенностям соседей. Вот единственная возможность действительно сблизить между собой народы и государства.

Региональная глобализация евразийского проекта

Современное евразийство готово к интеграции и объединению близких культур и цивилизаций. Это «теория автаркии больших пространств», или «региональной глобализации», примером которого является Евросоюз. За несколько десятилетий до того, как европейская интеграция стала экономической и почти политической реальностью, подвижники европейской идеи – такие, как Жан Монне или граф Куденхове-Калерги, – провозгласили ее как цель. Экономика чрезвычайно важна, но «вначале было Слово». На каких мировоззренческих принципах должен строиться интеграционный проект на евразийском пространстве?

Первое. Сочетание императива стремительной модернизации общества с сохранением исторических констант, модернизация и традиция, прогрессизм и консерватизм. Это очень плодотворный синтез, он будит воображение.

Второе. Евразийская интеграция должна проходить на новых идейных основаниях – на принципах сохранения и укрепления суверенитета и демократии. Не стоит опасаться:

Евразийство в отличие от Постмодерна атлантистского типа видит возможность альянса традиций с современностью, дающего созидательный оптимистический энергичный импульс, побуждающий к творчеству и развитию.

это не возврат к «колониализму» или «советизму». Мировоззренческая, идейная основа интеграции в нашем случае совершенно иная.

Третье. Утверждение плюрализма ценностных систем против общеобязательной доминации какой-то одной идеологии. В настоящее время такой идеологией-противником выступает американская либеральная демократия.

Четвертое. Опора на традиционные, консервативные ценности, бережное отношение к религиозным и культурным обычаям всех этносов и народов Евразии. Их сохранение, борьба против уничижения культур, догматов и обрядов традиционных обществ. Принцип межконфессионального диалога и активного взаимодействия традиционных религиозных организаций на пространстве Евразии.

Пятое. Представление об интеграционном проекте как о «государстве-мире», «государстве-континенте», «государстве-материке», если использовать терминологию ранних евразийцев. Интеграция в рамках культурно и стратегически объединенных «больших пространств» как альтернатива стремительно теряющим суверенитет национальным государствам и глобалистским планам создания «мирового правительства».

Шестое. Развитие концепции «прав народов», начало разработке которой положил великий немецкий геополитик, политолог, политический философ, социолог, юрист Карл Шмитт. «Права народов» как органических социальных объединений должны стать концептуальной основой сопротивления всемогуществу «золотого миллиарда» и неоколониальной гегемонии «богатого Севера».

Седьмое. Этнос как ценность и субъект истории против обезличивания народов и отчуждения в искусственных социально-политических конструкциях.

Восьмое. Ценности социальной справедливости и солидарности людей труда, традиционно поддерживаемые народами будущего Евразийского союза, против эксплуатации и культа грубой наживы.

Многополярная альтернатива

Что же с учетом этих тезисов должна собой представлять евразийская политическая философия?

Во-первых, строительство многополярного мира. Не однополярного мира, то есть не американской гегемонии, которую Путин критиковал в

2007 году в своей мюнхенской речи, и не бесполярного мира, некоего глобального пространства с несуществующим центром, который на самом деле прикрывает доминацию транснациональных корпораций и власть мировой закулисы. Путин и евразийцы говорят о многополярном мире, где существует несколько конкретных региональных полюсов влияния. Из их баланса складывается справедливая система распределения сил и зон интересов. А один из полюсов такого справедливого мира – Евразийский союз.

Во-вторых, интеграция постсоветского пространства. Россия в одиночку не может быть полюсом многополярного мира – самостоятельным и законченным. Для того чтобы создать такой полюс, России нужны союзники, нужны интеграционные процессы на постсоветском пространстве, нужны Казахстан, Белоруссия, Украина, Молдова, нужны Армения, желательно и Азербайджан, нужен и выход в глубину Центральной Азии – Киргизия, Таджикистан, в перспективе Узбекистан и даже Туркмения. Это все очень далекая перспектива, но работать в указанном направлении надо, потому что необходимо создавать полюс многополярного мира. Объединив энергетические, экономические, военно-стратегические потенциалы бывших советских республик, территории с природными ресурсами и маршруты по их транспортировке, блок названных государств превратится в настоящую мировую силу, в настоящего глобального игрока, с помощью которого мы возвратимся на историческую арену. Сегодня евразийство в институциональном отношении воплощено в трех важнейших структурах, объединяющих постсоветское пространство:

- ЕврАзЭС как модуль экономической интеграции и та структура, на основе которой вырастет будущий политический Евразийский союз;
- ОДКБ как военно-политический союз;
- Международное Евразийское движение как структура, призванная способствовать интеграции гражданских обществ стран Евразии, как пространство активного диалога интеллигенции наших стран, экспертного сообщества, интеллектуальной, научной элиты и – шире – простых людей.

В-третьих, переход России от той либерально-демократической модели, которая в 1990-е годы была скопирована с Запада, на совершенно особый русский путь развития. Специфика российского общества состоит в том, что у нас не сложилось полноценной буржуазной нации, не оформилось единого гражданского общества, основанного, как на Западе, на принципах индивидуализма, либерализма. Система ценностей России радикально иная. Эта система основана на синтезе русского ядра и полифонии этносов (не наций, а именно этносов), которые живут в России и на постсоветском пространстве, образуя цивилизационное единство. Это – евразийство во внутренней политике, то есть единое стратегическое управление, единое государство и множество этнических групп, каждая из которых не представляет собой национального или какого-то политического образования, но является частью духовного сокровища нашего общего государства.

Не так давно Владимир Путин уже высказывался о необходимости проведения различия между нацией и этносом. «Нация» в классическом понимании этого термина означает граждан, объединенных политически в единое государство. Поэтому во французском языке есть устойчивый политологический термин etat-nation («государство-нация»), показывающий, что нация неразрывно связана с политической системой государства, объединяет в особое образование граждан этого государства. Не всякое государство есть «государство-нация». Государствами-нациями (или национальными государствами) являются современные государства европейского типа, чаще всего светские и основанные на политической доминации буржуазии. Только к гражданам такого современного светского (секулярного, нерелигиозного) буржуазного государства мы можем с полным основанием применить определение «нация». В других случаях это будет неправомочным смешением одного смыслового значения с совершенно другим. Нация – одна, как единое государство, а этносы различны, и здесь очень важно не допускать ни национализм сепаратистский, или малый национализм, ни национализм большого народа. Эти националистические модели несовместимы с евразийской природой нашего общества и вступают в противоречие с его многовековыми традициями. Если мы хотим сохранить, укрепить и расширить зону нашего влияния, мы должны быть евразийцами и основывать нашу политику на этой евразийской политической философии.

Последние заявления Путина свидетельствуют о том, что евразийский проект начал получать воплощение – пускай медленно – и во внутренней политике России. Этот процесс займет какое-то время и уже через несколько лет потребует серьезной переделки нашей политической системы, изменения определенного баланса сил между центром и регионами, причем в обе стороны. С одной стороны, речь пойдет о ликвидации такого понятия, как национальная республика внутри России. Но одновременно произойдет расширение полномочий этносов, будет проводиться сознательная политика по укреплению и культурному возрождению языковых, религиозных, культурных общностей на территории России. То есть процесс пойдет в направлении не только централизации, но и децентрализации, только по другому – евразийскому – сценарию, противоположному проекту создания единого гражданского общества, основанного на индивидуалистическом представлении о человеке. Мы входим в эпоху совершенно новой политической реальности. Это не либеральная модернизация – это строительство евразийской державы, интегральной, мощной, мировой, с социальными особенностями, со специфическими принципами и ценностями, которые составляют особенность всей нашей евразийской общности.

Евразийство во внутренней политике – это единое стратегическое управление, единое государство и множество этнических групп, каждая из которых не представляет собой национального или политического образования, но является частью духовного сокровища нашего общего государства.

к теме

Александр Лукашенко, президент Беларуси

Построить такой союз – дело непростое. Ведь достигнув максимально возможного уровня экономической интеграции, мы вплотную подойдем к необходимости создания прочной социально-политической надстройки – с общими ценностями, правовой системой, жизненными стандартами и ориентирами. Здесь не обойтись без постепенного консенсусного формирования неких наднациональных органов, в том числе, возможно, политических. Допускаем, что в таком случае в практическую плоскость перейдет и вопрос о введении новой единой валюты.

Интеграция Беларуси, России и Казахстана – не против кого-то. В создании Евразийского союза не следует усматривать попытку некоего раздела Европы.

Евразийский союз я вижу как неотъемлемую часть общеевропейской интеграции. Наш союз призван стать ключевым региональным игроком, который поможет выстраивать отношения с ведущими мировыми экономическими структурами.

Именно отсюда исходит предложение «тройки» о таком взаимодействии с Евросоюзом, которое привело бы в конечном итоге к созданию общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока.

Из статьи «О судьбах нашей интеграции». «Известия», 17 октября 2011

Дмитрий Игнатьевич Выдрин –
писатель, политолог (Киев)

Евразийство – между проблемами Европы и ошибками России

Перефразируя известное изречение классика, скажу, что все несчастливые страны одинаково искренне тянутся к союзу со счастливыми и по-разному лукаво строят отношения с другими несчастными. Украинская разношерстная элита, измученная внутренней борьбой, истощенная изнурительным состязанием за власть, уставшая от взаимного недоверия, непонимания и подлости, вдруг перестали излучать немыслимое счастье, благодать, оптимизм и спокойствие.

Казалось бы, это должно было широко распахнуть окно возможностей для новых форм сотрудничества со старыми партнерами, вдохнуть новую энергетику в старые мехи Единого экономического пространства, Таможенного союза – евразийства в целом. Но этого почему-то не произошло. Можно, конечно, обвинять в этом украинскую власть, коря ее за непоследовательность, невыполнение предвыборных обещаний нерушимой дружбы с братским российским народом и преодоления «посторанжевого синдрома». Но я бы лично не торопился это делать. Лично я думаю, что проблема значительно глубже, чем просто недальновидность, непоследовательность и

Все несчастливые страны одинаково искренне тянутся к союзу со счастливыми и по-разному лукаво строят отношения с другими несчастными.

вполне искренне консолидированно стремится в Европу, мечтая найти в ней тихую гавань. И власть, и оппозиция мечтают о глобальной передышке, о гарантиях спокойной и счастливой старости, о надежных счетах в банках, которые не обваливаются, не исчезают и не меняют вдруг владельцев.

Сейчас эта мечта оказалась поколеблена тем, что европейские страны

необязательность нынешней украинской власти.

Если происходит процесс той или иной интеграции (экономической, политической, культурной и т.д., и т.п.), всегда есть интегрирующая и интегрируемая стороны. И главное все же зависит от того, что собой представляет, как себя ведет, как выглядит и как размышляет страна интегрирующая.

Безусловно, на евразийском пространстве именно РФ является таким движителем, идеологом и интересантом. Ну, как, скажем, Германия в начале евросоюзовского проекта. Поэтому я думаю, что все-таки здесь нужно искать основные истоки успехов или провалов интеграционного процесса.

Недавно мне пришлось побывать в Беловежье, где проходила большая конференция своеобразного подытоживания результатов первого двадцатилетия постсоюзного существования. Были представлены известными сильными докладчиками практически все бывшие советские страны. И странным выглядело то, что все причины распада Союза сводились к субъективным актам предательства, измены и продажности последнего советского руководства. Горбачев в этих докладах выступал этаким невероятным былинным богатырем, который чуть ли не в одиночку развалил, растоптал, покрошил нерушимое братство народов, единое духовное пространство, казалось бы, неразрывную экономику и технологическую взаимозависимость.

Наверное, были субъективные моменты – чья-то личная недальновидность, подлость, предательство, просто тупость, некомпетентность. Но как философу мне известно, что никакие субъективные причины не срабатывают, если они не ложатся на объективные основания. И такие основания наверняка тоже были.

Задуматься об этих причинах мне как-то помогла реплика одного моего старого американского друга. Он недавно переселился в Европу, поскольку считает, что в США могут возникнуть крупные проблемы, которые раздавят его маленькую, хрупкую личную обустроенную жизнь. И на мой вопрос, а что же его все-таки побудило конкретно на смену места жительства, он абсолютно по-нашему сказал: «Они меня, сволочи, кинули!» «В чем?» – спросил я. «А в том, – ответил американский друг, – что множество лет у нас между властью и народом существовал негласный договор – мы ведем себя лояльно, ра-

ботаем ударно, а власть обеспечивает нам за это две элементарные вещи. Первая: инвестиции в образование всегда являются лучшим капиталовложением, и именно поэтому я пять лет содержал своего сына в Гарварде, платя по пятьдесят тысяч за семестр. Вторая: недвижимость всегда будет расти, и поэтому, покупая в 30 лет в рассрочку дом, ты его в 60 продаешь и на полученные деньги имеешь возможность купить жилье поскромнее, но иметь громадное количество свободных денег – на яхту, путешествия и новых молодых подруг. И вот они всех нас кинули! Мой сын после Гарварда не может устроиться на хорошую работу – все места заняты желтыми ребятами – менеджерами из Японии, IT-шниками из Китая или программистами из Индии. А мой дом за последние три года не вырос в цене, а обесценился в три раза. Развалимся мы с такой политикой».

Эта реплика натолкнула меня на размышления о том, какой же негласный или полугласный договор между властью и людьми был у Советского Союза. То, что он был, – это несомненно, он существует в каждой стране. А вот каковы пункты – навскидку не всегда и скажешь. По здравому размышлению я пришел к выводу, что настоящий «союзный договор» включал как минимум три пункта.

Первый – благосостояние будет медленно, но неуклонно расти. Я еще застал времена, когда все мы с нетерпением ждали 1 апреля – тогда не только для дураков, но даже для умных понижали цены и повышали зарплаты. И все свои юношеские фотоаппараты, от «ФЭДа» до «Киева», я без шуток покупал именно 1 апреля.

Второй (как ни странно, он был такой же, как у американцев) – инвестиции в образование – лучшее вложение. И я знал бабушек в селе, которые продавали коров-кормилиц, чтобы отправить сыновей в город поступать в университет.

Третий – труд, пусть медленно, но будет обогащаться и становиться все более насыщенным – интеллектуально, эмоционально, мотивационно, содержательно и пр. То есть будет происходить непрерывный процесс повышения высокотехнологичности труда.

И вот в конце восьмидесятых все это обрушилось. Лично я возненавидел Горбачева, когда узнал, что сантехник, который чинил мой унитаз, зарабатывал больше, чем я – к тому времени завкафедрой. А мой сосед-лаборант тогда уже зарабатывал больше, чем мой директор института – академик.

Обесценилось все: образование, зарплаты, престиж работы. Пожалуй, лучшим символом этой всеобщей девальвации были громадные, нищие и бессмысленные «шарашки»-НИИ, которые когда-то «затачивались» под создание новой советской технологической элиты. Как, например, киевский пятитысячный институт кибернетики, который в конце восьмидесятых неожиданно из «флагмана» превратился в «отстойник». И вот это-то и обвалило до основания «великий» и «нерушимый».

Сейчас я с удивлением наблюдаю, что никаких уроков из краха Союза сделано не было. В России сегодня фактически те же проблемы, которые разваливали Союз на закате перестройки. Но самое поразительное, что явные симптомы этих губительных проблем на глазах возникают и в Европе.

Можно предположить, что «гонка союзов» между западным и восточным векторами будет продолжаться в мире и дальше. Хотя бы потому, что уже четко артикулирована и почти доказана формула, что в новом беспокойном мире выживут только те конгломерации, которые будут включать в себя не менее двухсот-трехсот миллионов человек. Но я уверен, что геополитические союзы будут возникать не там, где более хитрая внешняя политика, более изощренные дипломаты, более хитрые спецслужбы. А там, где вдруг проявится более рельефный, более мускулистый, более потрясающий воображение Великий Договор между властью и народом.

Не думаю, что украинская власть **мыслит** таким же образом. Но то, что она интуитивно это **ощущает** – для меня бесспорно. Как ощущает рыба, где глубже, а последний чиновник – где лучше.

Поэтому для меня выглядит странным, что российская элита подобные вещи не то что не мыслит, но даже не чувствует. Притом что для российской власти, повторяю, открылось уникальное окно возможности вступить в состязание с самой Европой в ходе «гонки союзов».

Громадной, на мой взгляд, ошибкой власти РФ явилось то, что Стабилизационный фонд закачивали и закачивают в американские деньги, а не в доверие собственных российских граждан. В принципе возможности РФ уже сегодня достаточны для того, чтобы не просто имитировать повышение уровня жизни – по крайней мере, «реперным», «якорным» социальным слоям, – а сделать такое повышение реальным и более значимым, чем у европейских коллег (раз уж идет такая конкуренция по этому вектору). Ничего не мешает, например, сделать зарплату российскому учителю с безупречным стажем выше, чем получает учитель в Польше. Или зарплату квалифицированному врачу выше, чем тот же врач получает в Эстонии (это к тому, что многие россияне сейчас ездят лечиться в Эстонию в связи с более высоким качеством квалификации медицинских услуг). А еще лучше – сделать зарплату топ-преподавателям лучших российских ВУЗов раза в два выше, чем получают их коллеги в Сорбонне. Ничего также не мешало российской власти потратить последние десять лет на технологическую революцию. (Неплохо бы помнить всем правите-

Если происходит процесс экономической, политической, культурной и т.д. интеграции, всегда есть интегрирующая и интегрируемая стороны. И главное зависит от того, что собой представляет, как себя ведет, как выглядит и как размышляет страна интегрирующая.

Геополитические союзы будут возникать не там, где более хитрая внешняя политика, более изощренные дипломаты, более хитрые спецслужбы. А там, где проявится более рельефный, более мускулистый, более потрясающий воображение Великий Договор между властью и народом.

к теме

Юрий Щербак,
экс-посол Украины в США

От слияния темноты с темнотой не родится свет; от слияния евро-азиатских коррупций не возникнет благоденствие; от объединения отсталых технологий изделия и товары не станут более конкурентоспособными. Абсолютно очевидно, что Украина, – хоть прямо и не названная в статье Путина, – играет ключевую роль в его имперских планах. С мягкостью настоящего оперативника КГБ, который заманивает лоха в ловушку, Путин пишет, что «мы <...> не собираемся кого-либо подгонять или подталкивать», – как будто украинские государственные деятели не знают настоящей практики выламывания рук и ног партнерам России при построении «братских отношений». <...> Невзирая на всю априорную провальность этого проекта, он, учитывая персону Путина и его злую, деструктивную энергию, является очень опасным для нынешнего руководства Украины. <...> В данном случае интересы Украины совпадают с частными интересами донецкой команды, ведь в лице Путина – будущего президента России – Янукович приобрел очень опасного врага.

к теме

Михаил Чечетов,
депутат Верховной Рады от Партии регионов

Мы не против создания Евразийского союза. Это их право. И Путин поступает как настоящий лидер государства. Но Украина имеет своего настоящего лидера – это президент Янукович, который проводит внутреннюю и внешнюю политику Украины, исходя из наших интересов. А это ЕС. Курс на ЕС для Украины безальтернативен.

Иероним Босх.
Наперсточник.
Около 1500

лям, что разные типы революций, как правило, не совпадают. И там, где происходят технологические революции, особенно научно-технологические, обычно не случаются революции социальные.) Сырьевые деньги, конвертируемые в деньги высокотехнологичные, могли бы за десять лет полностью преобразить и российскую экономику, и российское общество. И тогда не пришлось бы ВВП лихорадочно под выборы озвучивать в блогах забытых «Известий» в принципе правильную, но явно запоздалую программу создания «высокотехнологичных мест»...

Базовая парадигма российской власти – **прагматичное правительство** – идея хорошая, но глупая. А в нынешней ситуации даже бредовая. Поскольку на глазах происходит «распрагматизация» общества. Особенно так называемого креативного класса. Эта «распрагматизация» как раз и заключается в том, что общество, разбуженное жгучим поцелуем глобальных электронных медиа, начинает требовать от властей не выхолощенных, сухих, предельно прагматичных отношений. (В одном из своих романов я это назвал «программой “сезам”» – секс за ам-ам.) Оно требует полных отношений, которые затрагивают и желудок (рост благосостояния), и интеллект (рост высокотехнологичности труда), и сердце (чувства максимальной самореализации своих возможностей). Поэтому большой негласный договор между властью и обществом может быть сегодня реализован либо в полном объеме, либо не реализован никак. Хитроватая, прожженная, крученая-верченая украинская элита интуитивно чувствует, что в России у элиты с обществом что-то не так. Диалог наших элит сегодня напоминает телефонный разговор двух негативных героев из культового фильма «Брат-2». Где один, зная проблемы второго, лицемерно спрашивает: «У тебя все в порядке?» А второй, зная, что первый знает про все его проблемы, тем не менее так же лицемерно и сладко отвечает: «Файн!»

Одно из самых главных стремлений нынешней украинской власти, которая полной чашей испила всю горечь и все проблемы поражений, – не оказаться в одной компании с «лузерами».

Одно из самых главных стремлений нынешней украинской власти, которая полной чашей испила всю горечь и все проблемы поражений, – не оказаться в одной компании с «лузерами». Поэтому с такой неистовостью она стремилась в Европу – образцово-показательный скаутский лагерь успешных стран. Поэтому с таким испугом и тревогой она восприняла европейские проблемы – сутью которых как раз стала трещина в негласном договоре между властями и обществом. Поэтому с такой надеждой она смотрела на Россию, веря самоуверенной российской власти, что у нее все «файн». Поэтому для нее такой неприятной неожиданностью стала Болотная, в которой завязли, если не утонули, все «файны».

Соответственно проблема будущей конфигурации мира, по крайней мере евразийской ойкумены, заключается сегодня в возможностях российской власти сделать некое богатырское сверхусилие и создать все же модель Договора Победителей – победившей власти и победившего общества.

На мой скромный взгляд, это можно было бы сделать в России, если бы российская элита поняла, что Россия и Запад находятся по разные стороны кризиса. Следовательно, и методы преодоления кризиса у них диаметрально противоположные.

Для Запада это сокращение свобод, увеличение госконтроля, сужение прав и т.д., и т.п. Для России это, напротив, взрывное расширение свобод, сокращение госконтроля, расширение прав и т.д., и т.п.

Для Запада это создание вырождающегося капитализма, который описывается оскопленной формулой «деньги–деньги». Для России это работа «по классике» – «деньги–товар–деньги», – в ходе которой отдается отчет, что в качественной товарной составляющей заключен политический компромисс – между товаропроизводителями и потребителями, между работодателями и исполнителями. Компромисс, который в просторечье называется просто «демократия».

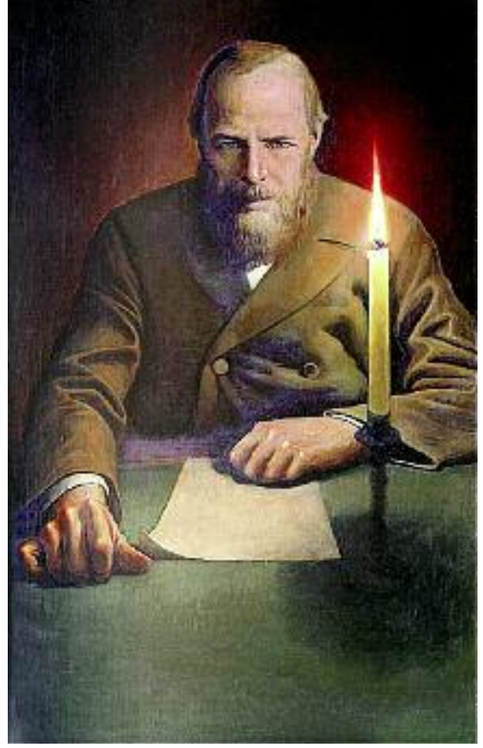
Вот при таком сценарии не только Украина, но и другие дружественные (а искренне дружат только с сильными, богатыми и успешными) страны будут мечтать о разного рода альянсах, союзах, кооперациях.

И тогда, кстати, российской власти не придется вынужденно делать пугающие и контрпродуктивные психологические ошибки. Сегодня главной из таких ошибок, если уже из сферы политики перейти в сферу психологии, на мой взгляд, является постоянное зазывание российской властью соседей в свои интеграционные проекты.

Настоящий геополитический союз, как любой элитный клуб, всегда – хотя бы из психологических соображений – не призывает к членству, а всячески обставляет его условиями, запретами, рекомендациями и взносами (как собственно образовывался Евросоюз, взяв за идеальную модель своего создания приобретение членства в престижном гольф-клубе). А разного рода евразийские интеграционные инициативы больше напоминают заманивание в проблемно-трудовой лагерь союзных времен.

Не скажу про чужие элиты, но украинская устроена так, что ломиться будет только в закрытые двери. А привилегированность всегда будет ценить выше, чем коммерческую выгоду. Подобную специфику можно было бы назвать

Федор Достоевский:
«У России и мысли не должно быть никогда, чтобы расширить насчет славян свою территорию, присоединить их к себе политически, наделать из их земель губерний и проч. Все славяне подозревают Россию в этом стремлении даже теперь, равно как и вся Европа, и будут подозревать еще сто лет вперед».



Не скажу про чужие элиты, но украинская устроена так, что ломиться будет только в закрытые двери. А привилегированность всегда будет ценить выше, чем коммерческую выгоду.

очень точно «синдромом картошки».

Помнится, когда Петр I обязал всех сеять картошку, возник жуткий саботаж, особенно на Украине. Но когда он объявил, что картошка – это элитный продукт, оградил картофельные поля высокими заборами, все стали лазить за картошкой и воровать ее для своих огородов. Получается, что Петр намного лучше знал психологические механизмы мотивации интересов, чем нынешние пропагандисты новых «картофельных зон и союзов».

Владимир Федорин,
главный редактор журнала Forbes-Украина

к теме

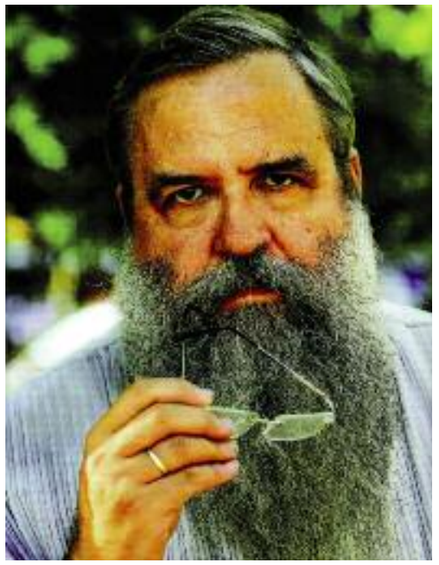
Я не встречал ни одного украинского политика и почти не встречал украинских бизнесменов, которые бы оспаривали курс на Европу. В краткосрочной перспективе Таможенный союз, возможно, выгоднее. В долгосрочной – союз, в который загоняют силой, – только первый шаг к империи, где нет ни свободы, ни безопасности, ни процветания.

А если уж вспоминать прошлое, то самую блестящую технологию создания общих геополитических пространств с участием России сформулировал Федор Михайлович Достоевский. Можно взять целый кусок из его дневника, без особых изменений, как прямое руководство к действию для нынешней российской элиты: «У России <...> и мысли <...> не должно быть никогда, чтобы расширить насчет славян свою территорию, присоединить их к себе политически, наделать из их земель губерний и проч. Все славяне подозревают Россию в этом стремлении даже теперь, равно как и вся Европа, и будут подозревать еще сто лет вперед. Но да сохранит Бог Россию от этих стремлений, и чем более она выкажет самого полного политического бескорыстия относительно славян, тем вернее достигнет объединения около себя впоследствии, в веках, сто лет спустя. Доставив, напротив, славянам с самого начала как можно более политической свободы и устранив себя даже от всякого опекунства и надзора над ними и объявив им только, что она всегда обнажит меч на тех, которые посягнут на их свободу и национальность, Россия тем самым избавит себя от страшных забот и хлопот поддерживать силою это опекунство и политическое влияние свое на славян, им, конечно, ненавистное, а Европе всегда подозрительное. Но выказав полнейшее бескорыстие, тем самым Россия и победит, и привлечет, наконец, к себе славян; сначала в беде будут прибегать к ней, а потом, когда-нибудь, воротятся к ней и прильнут к ней все, уже с полной, с детской доверенностью. <...> Правда же в том, что, конечно, что-нибудь произойдет в этом роде несомненно, но не ранее ста, например, лет, а пока, и может быть, еще целый век, России вовсе нечего будет брать у славян ни из идей их, ни из литературы, и чтоб учить нас, все они страшно не доросли. Напротив, весь этот век, может быть, придется России бороться с ограниченностью и упорством славян, с их дурными привычками, и с их несомненной и близкой изменой славянству ради европейских форм политического и социального устройства, на которые они жадно накинутся».

Сайда Афонина. Преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские

Сегодня актуализируются замечательные слова о великом объединительном смысле ранее «бессмысленных» для власти вещей – бескорыстия, искренности, терпения и милосердия.

Да, накинулись жадно. Но первое насыщение – а может, и в чем-то пресыщение – уже есть. Особенно по отношению не к европейскому быту и правам человека, конечно, а к европейской унылой прагматичности, нехаризматичности, чиновничьей заангажированности и пр. И поэтому только сегодня актуализируются вышеназванные замечательные слова о великом объединительном смысле ранее «бессмысленных» для власти вещей – бескорыстия, искренности, терпения и милосердия.



Владимир Игоревич Карпец –
член Союза писателей России, кандидат юридических наук

Евразийский проект и Русский вопрос*

Евразийство – это не только воссоздание России, но и проект мироустройства, основанного на национально-религиозных традициях, правах народов, многообразии культур, типов правления, образов жизни, на подлинной свободе.

В свое время Андрей Николаевич Зелинский, сын великого русского химика и большого мыслителя Николая Дмитриевича Зелинского, пересказывал автору этих строк, посещавшему вечера в музее ученого, слова Николая Дмитриевича о том, что после неизбежного крушения коммунизма только евразийство сможет стать той идеей, которая объединит страну. Конечно, в то время говорилось об СССР, но ведь СССР, если отбросить марксистскую риторику, и был «Большой Россией», только сменившей, говоря словами Волошина, «знаки и возглавья».

В начале 1990-х, когда Советский Союз рухнул и Россия осталась в кущих, геополитически не оформленных границах РФ, идеи евразийства разделялись практически всеми патриотами – от Великого Князя Владимира Кирилловича (вне зависимости от отношения к «правам Кирилловичей» на Российский Престол) до руководства «новой Компартии» – КПРФ. В этом был путь к национальному согласию. Группа молодых тогда интеллектуалов-нонконформистов во главе с Александром Дугиным (сегодня – профессором МГУ и автором фундаментальных работ по постфилософии и постсоциологии) начала разрабатывать «новоевразийский проект», в котором идеи князя Трубецкого, Савицкого, Алексеева, а также Льва Гумилева обретали философскую опору в тончайших построениях европейского традиционализма. Возникшая на основе «новоевразийства» геополитическая школа обрела поддержку в Генштабе Российской армии, не говоря уже о самых широких слоях государственно-патриотически настроенной общественности. Это был первый масштабный Русский – именно Русский – проект, на основе которого воссоздание исторической России было возможным уже тогда. В начале «нулевых», с приходом к власти президента Владимира Путина, началось постепенное – слишком постепенное, слишком медленное, как сегодня очевидно! – внедрение евразийской идеологии в мышление кремлевской верхушки, прерванное в 2008-м... Однако осенью 2011-го премьер-министр и кандидат в президенты России Путин прямо выступил с проектом создания – пока что в пределах экономики – Евразийского союза на основе единого пространства России, Украины, Белоруссии и Казахстана, которые одновременно являются членами более широких евразийских структур – ЕврАзЭС и ШОС. Евразийский союз должен быть открыт и взаимодействовать также с государствами Европы, где в принципе возможно образование «неоголлистской оси» Париж–Берлин–Москва.

Не случайно враги исторической России (назовем их прямо – англо-американский глобализм и мировой транснациональный – преимущественно сионистский – капитал) с середины «нулевых» обрушивают именно на евразийство главный диверсионно-идеологический удар. Ведь евразийство – это не только воссоздание России, но и альтернативный *их* проекту мировой диктатуры проект мироустройства, основанного на национально-религиозных традициях, правах народов (а не только атомарного «человека»), многообразии культур, типов правления, образов жизни, на подлинной свободе. Кроме того, евразийство – это прежде всего геополитика – геополитика сопротивления нашего континента заморскому порабощению. Под давлением этих сил Путин в 2007–2008 гг. «ушел в тень», уступив свой пост «приемлемому» для них юристу Дмитрию Медведеву. Сегодня Владимир Путин возвращается. Однако вспомним: именно тогда, когда стал действительно возможен – причем на уровне, превышающем примитивный политический дуализм «власть–оппозиция», – Русский прорыв как внутри страны, так и вовне, был нанесен удар по самому больному месту – поднимающемуся национальному самосознанию русского народа.

Первой вехой начавшегося раскола русского националь-

Павел Рыженко. Благословение Сергием Радонежским Дмитрия Донского на Куликовскую битву

* Статья публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации. *Ред.*

Борис Ольшанский. Русь великая

ного движения стал так называемый Правый (или Русский – правомерны оба названия) марш, организованный Евразийским Союзом молодежи (ЕСМ) под лозунгом, включающем обе составляющих национального сознания – государственную и этническую: «Слава Империи! Русский, вставай!» На марш в стало необратимым. Раскол проявился прежде всего в определении «образа врага», без которого, как писал еще Карл Шмитт, вообще невозможно «политическое». Для «имперцев», как и вообще русских патриотов и националистов начиная с XIX века и особенно после распада СССР, противники России персонифицировались главным образом англосаксонскими державами и их внутренней агентурой, а также транснациональным капиталом. А «этнонационалисты» объявили врагами «кавказцев» с «мусульманами» и само, как они говорили, «ментовско-поповское государство», поддерживающее и тех и других (справедливости ради надо признать действительное сращивание чиновничества с этнопреступностью, особенно в крупных городах). Совершенно неожиданно для многих либеральные круги, связанные как раз с англосаксонским глобализмом и интернациональным капиталом, стали поддерживать русских «этнонационалистов». Примерно с 2005–2006 гг. начинает оформляться «либерально-националистический блок», который все более и более поддерживается не только в публичном пространстве, но и прозападно ориентированной частью чиновничества, в том числе в администрации президента, особенно уже нового. Русский вопрос внезапно оказался тем, что разделило русских людей. «Имперство» – так принялись называть стремление к сохранению России в ее границах нынешних и намерение вернуть страну в границы исторические – было объявлено «полукровчеством», то есть подвергнуто такому способу дискредитации, который сами либералы всегда ранее называли «фашизмом». При этом неожиданно выяснилось, что как раз среди руководителей

Русский вопрос внезапно оказался тем, что разделило русских людей. «Имперство» – так принялись называть стремление к сохранению России в ее границах нынешних и намерение вернуть страну в границы исторические – было объявлено «полукровчеством».

День народного единства 4 ноября 2005 г. были приглашены также представители чисто националистических движений – Движения против нелегальной иммиграции (ДПНИ) и Славянского союза. Если в самом начале все колонны марша шли вместе, то уже на завершающем его митинге стороны выказали непримиримые противоречия в своих позициях. С этого момента разделение на «имперцев» и «этнических националистов»

«этнонационалистов» так называемых полукровок оказалось значительно больше, чем среди «имперцев». Однако их самих такое обстоятельство нисколько не смущало. «Правозащитники» откровенно «неполиткорректных» выступлений «этнонационалистов» как будто не замечали. Очевидно, что за новым проектом замаячил ресурс, и немалый. Значительные средства вкладываются в «этнонационалистические» интернет-СМИ, наиболее влиятельным из которых становится портал Агентство политических новостей (АПН), возглавляемый «человеком Березовского» в Москве – политологом Станиславом Белковским. Через него прокручивается весь новый идеологический проект, основанный на противопоставлении «нации» и «народа». О «русской нации» начинают говорить как о чем-то еще не существующем, только еще могущем родиться, причем именно в противостоянии «имперскому государству» и связанному с ним «евразийству». Своеобразной модой в этих кругах становится хула на геополитику как на нечто ненужное (что вполне совпадает с представлениями советского марксизма о геополитике как «лженауке»). «Нас интересуют люди, а не территории!» – вот позиция «этнонационалистов». Вместе с такой «сменой вех» возникает и солидарность с либеральными кругами по вопросу о «правах человека», а затем и дальнейшее сближение «национальных ценностей» с «либеральными ценностями». Этот процесс завершается – завершается ли? – оформлением «национал-демократии» как едва ли не главного «тренда» русского национализма. Целью «национал-демократического проекта» является раздробление даже уже и нынешней РФ на самостоятельные «русские республики» – Сибирь, «Ингерманландию», «Залесье», «Уральскую республику» и проч. Такой шаг преподносится как средство спасения от «инородцев» и «ментовско-поповской Москвы».

«Евразийство – это рай для метисов, скрывающих фамильные преступления предков. В расовом отношении евразийство – это метис. Евразийцы скрывают происхождение деда с бабкой и при этом заявляют, что любят Льва Гумилева, – это их тактика. Евразийство – это гностицизм наследственности. Евразийство распыляет силы нации. Оно ослабляет потенциал русского этноса, – утверждает воссоздатель “русской расовой теории”, любопытный исследователь, но совершенно близорукий, на наш взгляд, публицист Владимир Авдеев. – Посему мы, представители русской элиты, ни левой, ни правой, ни новой, ни старой, а просто русские, должны отказаться от теории евразийства раз и навсегда. Наша концепция – это русский этноэгоцентризм». То есть – да, территория государства не имеет значения. «Язычнику» Авдееву вторит «христианский националист» Егор Холмогоров: «В чем состоит христианский реализм русского национализма? Да в том, что единственная видимая цель земного существования человеческих сообществ с точки зрения Христианской Церкви – это умножение числа спасаемых. Ни за чем больше народы и государства Христу не важны». А идеолог «национал-демократов» Алексей Широпаев те же самые мысли доводит уже до их логического завершения. Полемизируя с евразийством и «ордынством», вначале будто бы в интересах «русского этноса», он, будучи, пожалуй, единственным последовательным и честным «этнонационалистом», откровенно признается: «Россию не переделать. Ее можно лишь упразднить – конечно, безкровно и цивилизованно. Она никогда не станет европейской и демократической. Как бы ни прикрывалась Россия флером европеизма, она всегда будет нести в себе зло тирании и агрессии, дикую гикающую степь. Пессимисты утверждают, что не переделать и большинство русских. Массовый психотип сформирован, он необыкновенно устойчив. Народ опять

Александр Дугин:
«Русский народ, в отличие от многих других народов, сложился как носитель особой цивилизации, имеющей все отличительные черты самобытного и полноценного планетарно-исторического явления. Русский народ – та цивилизационная константа, которая служила осью в создании не одного, а многих государств: от мозаики восточнославянских княжеств до Московской Руси, Петровской Империи и Советского блока».

хочет любить Сталина и праздновать 9 мая. А, значит, он снова готов быть рабочей скотиной и пушечным мясом. Спрашивается, надо ли "спасать" такой народ? Достоин ли он каких-либо усилий по его "спасению"? Да и нуждается ли он в нем? После всего, что было в XX веке, пора трезво взглянуть на Россию и русских, которые изначально были жертвами России, а потом стали соучастниками ее кровавой фантасмагории».

Все точки над i расставлены. Антиевразийство с позиций «русского национализма» оборачивается призывами к «упразднению» России и русского народа. Отрицание евразийства «националистами» – это стремление лишить русский национализм его геополитического измерения, оставить русский народ без земли. Чтобы ответить на стоящий политико-исторический и идеологический вызов, следует понять: Русский вопрос не имеет ничего – или практически ничего – общего с национальным вопросом применительно к другим народам и этносам. «Русский народ, в отличие от многих других народов, сложился как носитель особой цивилизации, имеющей все отличительные черты самобытного и полноценного планетарно-исторического явления. Русский народ – та цивилизационная константа, которая служила осью в создании не одного, а многих государств: от мозаики восточнославянских княжеств до Московской Руси, Петровской Империи и Советского блока. Причем эта константа и определяла преемственность и связь между образованиями, столь различными политически, социально, территориально и структурно. Русский народ не просто давал этническую базу для всех этих государственных формаций, он выражал в них особую цивилизационную идею, непохожую ни на какую другую», – пишет основатель «новоевразийства» Дугин в «Основах геополитики». Это может нравиться или не нравиться («новым националистам» это, безусловно, не нравится), также можно спорить, что есть суть этой «цивилизационной идеи» – например, идея Премудрости Божией, или православной миссии, или идея справедливости, – но отрицать наличие органической связи русских именно с цивилизационной идеей невозможно. Отказаться от этого – значит стать уже иным народом – лучше или хуже, мы не обсуждаем, но иным. Возможно, действительно, «залесцами» или «ингерманландцами», или даже «белыми либертарианцами» (так себя называют некоторые «национал-демократы»), но не русскими.

Далее профессор Дугин указывает: «Русские расширялись как носители особой миссии, геополитическая проекция которой состояла в глубинном осознании необходимости объединения гигантских территорий евразийского материка. Политическая целостность евразийского пространства имеет для русской истории совершенно самостоятельное значение. Можно сказать, что русские чувствуют ответственность за это пространство, за его состояние, за его связь, за его цельность и независимость. Макиндер справедливо считал Россию главной сухопутной державой современности, которая наследует геополитическую миссию Рима, Империи Александра Великого, Чингисхана и т.д. Это "географическая ось истории", которая просто не может не осуществлять своего геополитического предназначения независимо от внешних и преходящих факторов. Русский народ настолько связан с геополитической реальностью, что само пространство, его переживание, его осознание, его духовное восприятие сформировало психологию народа, став одним из главнейших определений его идентичности, его сути».

Таким образом, евразийство есть сама сущность русских, точнее, важнейшая ее составляющая наряду с вполне определенным этническим гено- и фенотипом, религиозным и культурным измерениями. Ошибка некоторых современных евразийцев в пренебрежении «этническо-расовым» началом. Что есть, то есть. Однако куда более серьезной и опасной ошибкой является пренебрежение «националистов» началом геополитическим. Евразийство можно и нужно определять прежде всего как русскую геополитику, геополитику русского народа. Тогда все встает на свои места.

Примерно об этом еще в начале 1990-х писал и говорил выдающийся литературовед и историк Вадим Кожинов: «Евразийское государство – это не та "империя", которую мы всегда имеем в виду. Ну, хотя бы потому, что все-таки Россия существует как государство почти 1200 лет – это сейчас точно установлено (некоторые исследователи называют значительно более долгие сроки, но суть не в этом. – *В.К.*). Ведь все туранские народы, за исключением поволжских, то есть сравнительно многочисленные, вошли в состав Российской империи не более 200 лет назад. А большинство – в XIX веке. Если вы обратитесь к истории присоединения мусульманских народов – будь то Средняя Азия или Кавказ и Закавказье, – то выяснится, что они присоединились к России немногим более 100 лет назад. И я думаю, что когда мы говорим о евразийской сущности России, то мы должны иметь в виду именно русских людей, вне каких-то других: именно и прежде всего русские – евразийцы. <...> Русь с самого начала, с рубежа VIII–IX вв., в равной мере обращена и к Европе, и к Азии. Вполне достоверно и детально это выявляется в эпоху Ярослава Мудрого и позднее: браки детей и внуков Ярослава (а княжеские браки имели, понятно, самое прямое государственное, в конце концов, непосредственно историческое значение и смысл) заключаются и с королевскими домами Франции, Англии, Германии, скандинавских стран и – одновременно – с детьми половецких ханов и осетинских князей, между тем как обручение, скажем, парижского принца и донецкой хатуни, в сущности, непредставимо. Конечно, это только один пример, но он, если вдуматься, о многом говорит. Главное – это то, что, во-первых, евразийская "двойственность" – именно русское свойство, а во-вторых, дело идет не о соединении, не о "сумме" европейского и азиатского начал, но о самобытном феномене, который способен вступить в связь, родниться и с Европой, и с Азией».

Вадим Кожинов:
«Евразийское государство – это не та "империя", которую мы всегда имеем в виду. Когда мы говорим о евразийской сущности России, то мы должны иметь в виду именно русских людей, вне каких-то других: именно и прежде всего русские – евразийцы».

Кожинов абсолютно прав. Евразийство – это и есть внутренняя сущность русских именно как этноса. И это связано с природой самого имени *Рос*, *Рош*, *Рус* – ностратическим корнем, обозначающим Солнце, царя, главу, а также свет, золото, кровь (*раса*, *роса*, *род*, *руда*). То же самое – при древнем обратном чтении, сохранившемся в некоторых языках – *sur*, *syr*, а также и собственно *царь*. Отсюда «сирский язык», называемый довавилонским у некоторых Отцов Церкви. Отсюда и древнейший, упоминаемый в Ведах *род царей*, *surya vamsa*. Отсюда и Рюрик – *Ру-рик*, *Рус-Царь*, правитель (*rik* – обозначение принадлежности к царскому роду, как Хильде-рик, Хильперик и др.) – родовой и архетипический основатель Русского Царства, *Руси*. В книге «Путин и Евразийская Империя» французский геополитик и писатель Жан Парвулеско говорит о сохранении «предопределенных родов» в глубине России и прямо о «возвращении единой и единственной священной крови, единой и единственной полярной и солнечной расы, *surya vamsa*». О возвращении, которое он связывает с восхождением России, то есть *Руси*. Это тема изначальной прародины, из которой вышли и Восток, и Запад, то есть то же самое, о чем было сказано в связи с «историческим смыслом княжеских браков». *Русский*, *русич*, *русин* (в «Русской Правде» Ярославичей) – это то же самое, что *царский*, княжеский, то есть подданный Рюрика – *Руса-Царя*. Кстати, святой Григорий Нисский точно так же истолковывал и слово *христианин* – *царский*. Русь действительно скрепляет Восток и Запад. Русские – евразийцы по определению. Перестав ими быть, русские перестанут быть русскими. В этом именно суть, а не в выдуманной «метисизации», которой так страшатся «этнонационалисты» и «национал-демократы». В то же время и люди иных этносов становятся русскими – по факту подданства, в том смысле, в каком об этом говорилось еще в «Русской Правде»: «Ащеже боудет русин, или словенин, или варяг, или колбяг».

Естественная область обитания русского народа – все пространство от Карпатских гор до Тихого океана, от Северного полюса – согласно исследованиям ученых начиная с Евгения Елачича, Балгангадхара Тилака и Германа Вирта, изначальной точки распространения ариев по Земле – до Памира и Гималаев. Если посмотреть на карту, легко видеть, что эта область – шестая часть суши – представляет собой образ большой чаши. Академик Борис Рыбаков приводит предания о том, что некая чаша, которую хранили калики перехожие – особое религиозное «сословие» раннесредневековой Руси – была передана Великому Князю Ивану Калите (само слово *Калита* также означает не только кошель и короб, но и чашу). Это и образ Царской (Русской) крови, и воспроизводимый на карте образ Русской земли. Это же и образ Евразии.

Здесь следует напомнить: народ не есть «гражданская и политическая нация», как это вытекает из идей Французской революции XVIII века. Это не наличность сегодняш-

Виктор Васнецов. Варяги. 1909

Русь действительно скрепляет Восток и Запад. Русские – евразийцы по определению. Перестав ими быть, русские перестанут быть русскими.

них жителей, тем более не «городской средний класс», на который сделали ставку «национал-демократы» в союзе с либералами-западниками. Народ есть совокупность всех ушедших, живых и еще не пришедших сюда поколений, существующий в единой «точке вечности», которая разворачивается в истории. «Уменьшительный национализм» (как назвал его Сергей Кургинян) есть прежде всего *антиметафизика нации*, «ампутации» ушедших и еще не пришедших, а, значит, и рассыпание, рассеяние настоящих. «Посылка их (“национал-демократов”. – *В.К.*) рассуждений состоит в том, что существует “Русский вопрос в России”, – пишет председатель Движения Развития Юрий Крупнов. – Саму такую постановку следует считать чудовищной, поскольку уже из этой формулы “Русский вопрос в России” следует, что “Русский вопрос” может быть и вне России, и без России, и после России. Но без России не было и никогда не будет никаких русских. Или им, в самом деле, нужен только Русистан и неважно где именно – в Московии или в Танзании, например». И далее: «Россия всегда была, есть и будет державой: особым “великим островом Руси”, Третьим Римом по монаху Филофею и Ивану Грозному, Вселенской монархией по Федору Тютчеву, единственным и первым в мире “социализмом в отдельно взятой стране” по Иосифу Сталину и мировой державой в XXI веке. <...> Сегодня я не вижу никакой другой доктрины, кроме доктрины *мировой державы*, которая бы давала возможность восстановить нашу страну в статусе СССР и выше и которая бы была в состоянии не дать вычеркнуть русских из истории».

В то же время «национал-демократия» выросла не на пустом месте. После того, как на XX съезде КПСС был «разоблачен сталинизм», «возврат к ленинским принципам» нанес удар по русскому самосознанию и русской культуре, возобновлена (пусть не в полном объеме) антирусская политика 20-х годов прошлого века. Это привело к разорению деревни, падению рождаемости, алкоголизму. Русский народ начал постепенно вымирать. Либеральные «экономические реформы» эти процессы, которые в свое время можно было остановить, резко усилили. Именно это плюс сознательная идентификация с «образом врага» кавказцев и мусульман (тогда как речь шла о сепаратизме, а не об исламе, а причиной миграции были прежде всего «рынок» и «демократия») породили ощущение точки невозврата в Русском вопросе, из которого первоначально субъективно и выросла «национал-демократия», поддержанная затем уже и внешним врагом, и «пятой колонной» в самом Кремле.

Интересно, что это, кажется, теперь понято и местными элитами, в том числе чеченскими кланами. «С недавних пор Россия официально вступила в новую фазу взаимоотношений с бывшими союзными республиками, объявив и ратифицировав проект Евразийского экономического союза, – указывает Ислам Сайдаев (Чечня). – Однако данная инициатива является лишь началом пути, для успешного прохождения которого необходимо решить ряд серьезных вопросов. Прежде всего – поднять статус русского народа как народа-носителя Имперской идеи. Решение “Русского вопроса”, – а именно так можно его назвать, – должно стать приоритетным для русского народа и российской власти, так как положение русских в современных условиях крайне тяжелое. Это не просто несправедливо, но и крайне опасно, ибо внешние силы, эксплуатируя данную проблему, пытаются руками самих же русских ввергнуть страну в хаос гражданской войны – чтобы обречь их и Россию на самоуничтожение». Утверждения некоторых «нацдемов» о том, что в случае создания Евразийского союза как первого шага к Империи (Евразийской или Русской – как угодно) «имперским этносом» чуть ли не неизбежно станут чеченцы или вообще «кавказцы», смехотворны, если не прямо провокационны. Важно также и то, что если до сего дня официального голоса Кремля либо вообще не было слышно на эти темы, либо он звучал в унисон с атлантической проповедью «мультикультурализма» и «всемирного антифа», то сегодня лед, кажется, тронулся.

Владимир Путин 23 января этого года опубликовал в «Независимой газете» статью «Россия: национальный вопрос». Естественным для «местодержателя» Кремля в условиях нынешней республиканской формы правления образом обходя вопрос о собственно *Руси*, Путин тем не менее обозначает очевидный – и давно требующий конститу-

Борис Ольшанский. Тени забытых предков

Народ есть совокупность всех ушедших, живых и еще не пришедших сюда поколений, существующий в единой «точке вечности», которая разворачивается в истории.

ционного оформления – факт: «Русский народ является государствообразующим, – пишет он, – по факту существования России. Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, "всемирной отзывчивостью", по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар. <...> Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет "нацменов", а принцип распознания "свой–чужой" определяется общей культурой и общими ценностями. Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности.

Император Александр III:
«Русской народности подобает всеобъединяющая и всеподчиняющая сила, но каждой народности да будет свобода во всем, что этому объединению и этому подчинению не препятствует».

Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать». И далее – очень важная мысль: «Стержень, скрепляющая ткань этой уникальной цивилизации, – русский народ, русская культура. Вот как раз этот стержень разного рода провокаторы и наши противники всеми силами будут пытаться вырвать из России – под насквозь фальшивые разговоры о праве русских на самоопределение, о "расовой чистоте", о необходимости "завершить дело 1991 года и окончательно разрушить империю, сидящую на шее у русского народа". Чтобы в конечном счете – заставить людей своими руками уничтожать собственную Родину». Достаточно смело Путин обозначил и предшественников идей «самоопределения» – «от Владимира Ленина до Вудро Вильсона». «Национал-демократы» как последователи Ленина (мы знаем об их яростной ненависти к «совку» и «сталинизму») – это жестко и абсолютно точно.

Конечно, Путин очень многого не договаривает. По «гуманистической инерции» отвергая принцип «расовой чистоты», он не выводит вопрос за рамки позитивистского толкования расы как чего-то сугубо внешнего, не подводит к вопросу о том, что Юлиус Эвола называл «внутренней расой». В определенном смысле это ритуальное поругание некоторых сторон бытия, без совершения которого даже политик такого уровня не может довести свои соображения до более широкого круга – все это «накрепко сторожат». Отсюда и слабости путинского текста, которые сразу же заметили русские блогеры. «По анализу сегодняшней статьи нашего премьера-президента пришла в голову коротенькая такая цитата: "Русской народности подобает всеобъединяющая и всеподчиняющая сила, но каждой народности да будет свобода во всем, что этому объединению и этому подчинению не препятствует" (Император Александр III). Так вот – Владимир Владимирович о "всеобъединяющем" вспомнил (помнит), а вот о "всеподчиняющем" забыл (в тему о статусе русских)», – пишет, например, блогер bezgolov. Действительно, власть, пусть мирная, сугубо созидательная, действительно связана с определенными внутренними (родовыми) свойствами, конечно же, к простой «биологической расе» не сводимыми.

Анализируя статью Путина несколько в иных категориях, Юрий Крупнов и директор Института опережающих исследований имени Е.Л. Шифферса Юрий Громыко вспоминают, что два замечательных мыслителя – рано умерший Вадим Цымбурский и Владимир Малявин – с разных сторон выразили архетипическую идею российской цивилизации – «островность» и «пустотность». Идея России как острова говорит о принципиальном социокультурном отличии нашей страны от остальной цивилизации (в контексте сказанного выше это связано с прапамятью о «полярном острове». – *В.К.*). Идея «пустотности», незаполненности огромного пространства России ставит русского человека перед необходимостью в это пространство входить и его заполнять. «В этой ситуации, – пишут Крупнов и Громыко, – нам необходим не рассуждающий о русских Путин, а Путин, ставящий планетарные цели по-русски, в соответствии с тысячелетней традицией. Нам нужен Путин, инициирующий формирование класса Razvitiye». Причем, дело на данный момент даже не в самом Путине, а именно в «классе». Этот «класс» может стать архетипическим воспроизведением уничтоженной русской аристократии, «князи со дружины» (изначально – собственно *Руси*) и получить от нее преемство в созидании планетарного архипелага на основе множественности народов и культур и «многополярности» как антитезы «новому мировому порядку» – вместо нынешней рептильной «мировой элиты», приведшей мир в тупик.

Разумеется, чтобы выполнить свое назначение, не повторив ошибок предшественников, и не кануть, подобно им, в историческую бездну, этот новый «русский класс» должен будет получить весьма определенную – и достаточно жесткую – аскетическую закваску. Как писал еще в конце 80-х годов прошлого столетия в тогдашнем Самиздате публицист Вячеслав Демин, в новой России мужчины должны будут носить или военную форму, или черные ризы. Конечно, это преувеличение, но ориентиры ясны. Расхлябанности потребительского общества будет положен конец – в противном случае его положат войны или природные катастрофы. «Права человека» неизбежно будут подчинены «правам народов». При этом должны «расцветать сто цветов». Все это нисколько не противоречит тому, что ставки будут сделаны на сверхсовременные технологии и подходы, на элементы технократии и на использование ресурсов космического происхождения.

Встав и возвысившись, Русь-Россия призвана исполнить свою противоглобальную миссию как глобальную. Единство во множественности – таков смысл Русского порядка, который призван быть ответом на Русский вопрос, заменить его и отменить.

Встав и возвысившись, Русь-Россия призвана исполнить свою противоглобальную миссию как глобальную. Единство во множественности – таков смысл Русского порядка, который призван быть ответом на Русский вопрос, заменить его и отменить. Таков и смысл Евразийского проекта. Одно без другого невозможно.

к теме

Владислав Иноземцев, директор Центра исследований постиндустриального общества

Владимир Путин утверждает, что нас ждет «тесная интеграция на новой ценностной основе». Но какими общими ценностями связаны Беларусь и Казахстан, кроме отвращения их властей к демократии? Что объединяет Россию и Киргизию, кроме близких мест в рейтинге коррупции? Можно ли назвать требования, предъявляемые к потенциальным кандидатам, как это четко и ясно сделано в ЕС? Все это наводит на мысль о том, что новый проект постсоветской интеграции основан на ощущении слабости и маргинализованности каждого из ее участников. Нас сплачивает ощущение (в основном надуманное, но все же) угроз и опасности – и союз должен помочь его членам почувствовать себя сильнее. Но почувствовать силу – не значит стать сильным.

«Известия», 1 ноября 2011

к теме

Михаил Прохоров, президент инвестиционного фонда «Группа ОНЭКСИМ»

В будущем мир разделится на три мощных экономических центра. Первый центр будет включать в себя США и Латинскую Америку. Второй центр охватит Китай, Индию и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Третьим центром станут Европа и Россия. Отдельно Европа и Россия не смогут на равных конкурировать с двумя другими экономическими центрами. В обозримом будущем российско-европейских отношений возможно создание единого экономического пространства и введение единой валюты с двумя эмиссионными центрами – в Европе и России. Такой стратегический концепт позволит и Европе, и России не только выжить, но и очень успешно конкурировать.

Портал «Евразия.орг», 1 февраля 2012

Станислав Витальевич Хатунцев – кандидат исторических наук, автор работ по истории, философии и геополитике, в том числе монографии «Константин Леонтьев: интеллектуальная биография (1850–1874 гг.)»

Мысли вслух о Евразийском союзе

Евразийский союз, как и остальные проекты евразийской интеграции, является проектом цивилизационным. В отдаленной перспективе он может привести к созданию государства-цивилизации с конфедеративным или даже с федеративным устройством – равно как и Евросоюз. Успешными оба эти проекта могут быть лишь в том случае, если объединят народы и территории, обладающие цивилизационной идентичностью.

Одним из самых заметных трендов нашего времени является тенденция к формированию различного рода международных организаций, в частности – региональных и надрегиональных торгово-экономических объединений, «политических клубов» и т.д. Это Евросоюз (ЕС) и Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) в Старом Свете, североамериканская НАФТА, УНАСУР (а также МЕРКОСУР и Андское сообщество) в Южной Америке, АСЕАН в Юго-Восточной Азии, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПС), Африканский союз (АС), Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) и множество других. Например, Боливарианский союз некоторых стран Южной Америки и Карибского бассейна.

В том же ряду находится и действующий ныне Таможенный союз России, Казахстана и Белоруссии, выросший из Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и превращающийся ныне в Единое экономическое пространство, которое, в свою очередь, со временем может «дорасти» до Евразийского (экономического) союза.

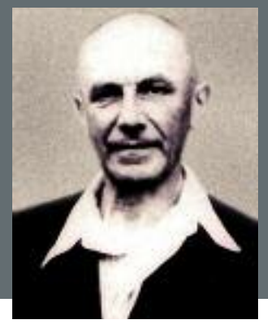
В связи с этим возникают вполне резонные вопросы – каковы перспективы этого Евразийского союза, каким он может или же должен быть (например, где лучше всего расположить его рубежи, каковы его оптимальные территориальные параметры)?

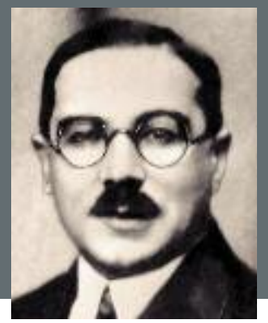
Всякую цивилизацию можно описать как концентрическую структуру. Такая структура состоит из полосы земель, представляющей собой культурно-географическую границу, отделяющую одну цивилизацию от другой, или лимеса. К лимесу примыкает пояс территорий, в пределах которых происходит зарождение, активная борьба, вытеснение, интеграция и синтез культур, присущих контактирующим цивилизациям.

Никола Пуссен. Танец под музыку времени. 1636

Предтечей евразийства можно считать – впрочем, косвенно и скорее в отрицательном смысле – очень неоднозначного мыслителя Петра Чаадаева, который от идеи, что Россия не принадлежит ни к Востоку, ни к Западу, на склоне лет приблизился к мысли, что она является особым, самостоятельным культурно-историческим миром. Евразийцы связаны со славянофильством и неославянофильством, в частности, с Николаем Данилевским, говорившим об «особости» России и отличии ее от Европы, с талантливым консервативным публицистом Константином Леонтьевым, а также с крупным историком-славистом Владимиром Ламанским. Последнего можно считать лингвист и философ Николай Трубецкой, географ Петр Савицкий, историк Георгий Вернадский, правовед Николай Алексеев. Суть евразийства сводилось к утверждению, что Россия представляет собой особую цивилизацию, находящуюся между Востоком и Западом и являющуюся своеобразным «мостом» между ними. Этот мир евразийцы называли Россия-Евразия.

Георгий Вернадский


Петр Савицкий


Николай Алексеев

Николай Трубецкой

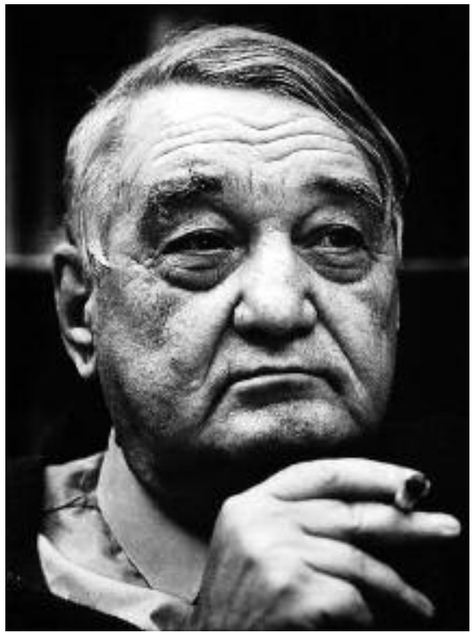
но было бы назвать непосредственным предшественником этого общественно-политического учения, как, впрочем, и приближенного к престолу издателя и журналиста Эспера Ухтомского. В современной России евразийство известно прежде всего благодаря трудам Льва Гумилева и Александра Дугина. Практического воплощения евразийских идей – в виде интеграции государств, образовавшихся после распада СССР, – с начала 1990-х годов добивается бессменный лидер Казахстана Нурсултан Назарбаев.

Евразийский союз, как и остальные проекты евразийской интеграции, является проектом цивилизационным. В отдаленной перспективе он может привести к созданию государства-цивилизации с конфедеративным или даже с федеративным устройством – равно как и Евросоюз. Успешными оба эти проекта могут быть лишь в том случае, если объединят народы и территории, обладающие цивилизационной идентичностью.

Всякую цивилизацию можно описать как концентрическую структуру. Такая структура состоит из полосы земель, представляющей собой культурно-географическую границу, отделяющую одну цивилизацию от другой, или лимеса. К лимесу примыкает пояс территорий, в пределах которых происходит зарождение, активная борьба, вытеснение, интеграция и синтез культур, присущих контактирующим цивилизациям. Все вместе это составляет зону, которую можно назвать лимитрофными землями.

Следующий элемент цивилизационной структуры – пояс территорий, находящихся за лимитрофными землями. В их культурах заимствования из соседних цивилизаций играют заметную роль, но «коренная» субъектность все же преобладает. Этот пояс назовем лимбом, который, в отличие от лимитрофных земель, имеет лишь некоторые – второстепенные – признаки «контактности», «пограничности».

Лев Гумилев



Наконец, основополагающий, стержневой элемент структуры любой цивилизации – территории, находящиеся за лимбом. В их культурах иноцивилизационные комплексы существенного значения не имеют. Такие земли составляют платформу цивилизации, ее устойчивое ядро, или же «опорный ареал» – по терминологии скончавшегося несколько лет назад яркого мыслителя-геополитика Вадима Цымбурского.

В приложении к постсоветскому пространству вся эта зональность может быть представлена следующим образом.

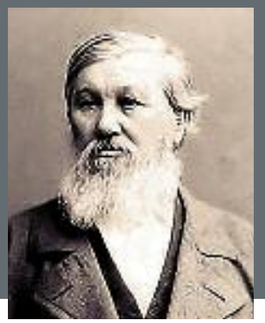
Прибалтийские республики и Молдова целиком относятся к поясу лимитрофных земель, представляя собою область, переходную от российско-евразийской цивилизации к цивилизации европейской.

В состав лимитрофов входят и республики Закавказья – Грузия, Армения и Азербайджан. Однако здесь имеет место транзит от российско-евразийской цивилизации к цивилизации афразийской. Туркмения и Таджикистан также целиком относятся к поясу лимитрофных земель, равно как и большая часть Узбекистана с югом Киргизии; северные же регионы двух последних республик входят в полосу лимба.

При этом Закавказье, как и весь Северный Кавказ, вместе с Туркменией, Таджикистаном, переходными землями

Владимир Ламанский

Константин Леонтьев


Николай Данилевский

Петр Чаадаев

Киргизии и Узбекистана – не просто лимитрофы, а часть так называемого Великого лимитрофа – так можно обозначить своеобразные «территории-проливы», где межкультурные противоречия, «столкновения цивилизаций» проявляются еще более остро и непримиримо, нежели в простых лимитрофах.

Основная часть Казахстана принадлежит к лимбу, а северная его часть относится к платформе российско-евразийской цивилизации.

Приднестровье, в отличие от Молдовы, лежит в зоне лимба, равно как восточные и центральные области Украины и Белоруссии. Лишь западные регионы этих восточнославянских стран, а также Крым входят в полосу лимитрофов.

В составе Российской Федерации есть (на ее окраинах) и лимитрофные, и лимбовые земли, но преимущественная часть РФ принадлежит к ядру, платформе российско-евразийской цивилизации.

Думается, что продуктивной в кратко- и среднесрочной перспективе может быть глубокая интеграция лишь тех территорий, которые обладают выраженной российско-евразийской культурно-исторической идентичностью, то есть пока (ориентировочно – где-то до середины века) в полном объеме в нее следует включать лишь Российскую Федерацию, Казахстан, Белоруссию, Украину и Приднестровье. В отношении других постсоветских территорий и государств, особенно находящихся в области Великого лимитрофа, нужно придерживаться политики сотрудничества, исходящей из стратегических интересов интегрируемого евразийского большого пространства.

Только на пути глубокого взаимодействия перечисленных стран, являющихся основными центрами силы первого (Россия) и второго (Украина, Казахстан, Белоруссия) порядков, могут быть решены многие как экономические, так и политические проблемы и самих этих государств, и их окружения.

Для разного же рода лимитрофных образований речь должна идти лишь о некоем ассоциированном членстве в ЕЭП на определенных условиях.

Только тогда, когда евразийский проект действительно состоится, когда он прочно встанет на ноги, можно будет думать о более форматном

к теме

Азербайджан

Азербайджану не место в Евразийском союзе. Государства, которые Путин может привлечь в Евразийский союз, известны: это Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и Армения. Эти государства и без того в той или иной степени всегда находятся возле России. Вхождение в этот союз Азербайджана, Грузии, Украины, Молдовы и даже Туркменистана и Узбекистана, весьма проблематично: если Москва оказывает военную поддержку Армении, оккупировавшей 20 процентов территории Азербайджана, официально признала сепаратистов, захватив земли Грузии, затягивает решение проблемы Молдовы и Приднестровья, то как эти государства могут войти в единый союз с Россией? Пока Кремль не откажется от политики «Разделяй и властвуй!», его предложения об интеграции не найдут отклика. Относись Россия к своим соседям одинаково, Азербайджан был бы членом Договора о коллективной безопасности. Интересно, как представляет себе Путин членство Азербайджана и Армении в Евразийском союзе при нерешенности карабахского конфликта?

Исследовательский центр Atlas

Солдаты афганской армии

Необходимо должным образом обустроить и превратить в высокоэффективный защитный кордон границу Казахстана с Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном. Эта граница нужна из-за наркотрафика из Центральной Азии, а также транзита оттуда же радикального ислама.

подключении к нему лимитрофных государств и территорий бывшего СССР. В противном случае они этот проект торпедируют, взорвут изнутри, сыграв, таким образом, роль троянского коня XXI века. Если говорить конкретно о «персоналиях», то пока и Киргизию, и тем более Таджикистан – страны, исполненные внутренней нестабильности, – следует держать за порогом Евразийского союза. Вспомним, какие проблемы нынешнему ЕС доставляют сейчас государства, имеющие тот или иной дефицит «евроидентичности» – должна же, в конце концов, история хотя бы кого-то чему-то научить!

Со временем необходимо и создание валютной системы ЕЭП – как бы она ни называлась. Это опять-таки отвечает современным глобальным трендам: в условиях кризиса мировой финансово-экономической «пирамиды» и американского доллара как мировой валюты просматривается тенденция к формированию целого ряда региональных валют или же валютных систем. Это, помимо сложной судьбы и не вполне предсказуемого будущего евро, действующий в Западной и Центральной Африке франк КФА, проекты «золотого динара», восточноазиатской АКЮ и др.

Кроме того, Евразийский союз – группа стран с «унифицированным законодательством, свободным передвижением капиталов, услуг и рабочей силы» (Владимир Путин) – должен иметь надежную границу с Центральной Азией – границу, совпадающую на данном участке с государственной границей Республики Казахстан. И если в условиях полноценного функционирования ЕЭП, как отмечал Путин, «не потребуется техническое обустройство 7 тысяч километров российско-казахстанской границы», то совершенно необходимо должным образом обустроить и превратить в высокоэффективный защитный кордон типа знаменитого римского лимеса границу Казахстана с Узбекистаном, Киргизией и Туркменистаном – и чем быстрей, тем лучше. Эта граница нужна из-за тех вызовов, с которыми уже сейчас сталкивается ЕЭП и с которыми оно столкнется в самом ближайшем будущем. Речь прежде всего идет о наркотрафике из Центральной Азии – «Великом героиновом пути», начинающемся на территории крупнейшего в мире производителя опиатов – Афганистана, а также о транзите оттуда же и из Таджикистана, Узбекистана и Киргизии радикального ислама. Обстановка в этих странах имеет долгоиграющую тенденцию к обострению. А после близкого уже вывода из Афганистана войск западной коалиции (он должен завершиться не позже конца 2014 г.) ЕЭП может столкнуться с качественно новым уровнем тесно связанных, подпитывающих друг друга наркотической и исламистской угроз, которые могут превратиться в мощную волну, способную захлестнуть и Россию, и Казахстан, и Украину, и Белоруссию. Своим географическим положением, а также природными условиями (пустыни и полупустыни, сравнительно малое количество труднодоступных горных участков) южная граница Казахстана достаточно удобна для того, чтобы превратить ее в труднопреодолимый рубеж для наркокурьеров и салафитских шакалов любого происхождения. Контролировать ее гораздо удобнее, нежели бывшую границу СССР, проходившую по высокогорным районам Центральной Азии. На южноказахстанском рубеже, помимо традиционной системы пограничного контроля и охраны, усиленной подразделениями быстрого реагирования, было бы целесообразно создать службу постоянного наблюдения, слежения и патрулирования ударными беспилотными летательными аппаратами, способными оперативно уничтожить целый караван или же отдельного нарушителя сразу по обнаружении оных.

Безусловно, крайне желательным было бы подключение к Таможенному союзу и к Единому экономическому пространству Украины, которая сегодня смотрит в сторону ЕС, надеясь, в частности, на создание с ним «зоны свободной торговли». На этом настаивают влиятельные украинские деятели – политики и олигархи, чьи счета и семьи находятся в других странах. К тому же среди простых граждан Украины, особенно в западных ее областях, относящихся к лимитрофу между российско-евразийской и европейской цивилизациями, очень сильны иллюзии, связанные со встраиванием в Европу. Украина проникнута этими наивными сиропно-розовыми «евромечтами». К тому же евразийская интеграция введет Киев в клуб сильно зависящих от мировой конъюнктуры сырьевых экспортеров, а не передовых держав с высокоразвитыми инновационными наукой, технологиями и производствами. Политически же евразийский проект втянет Украину в сообщество авторитарных государств, в то время как уровень парламентской демократии в ней заметно выше, нежели в России, не говоря уже о Казахстане и Белоруссии.

Восточные и южные регионы Украины потянутся в Единое экономическое пространство, а западные попытаются усилить «евроориентацию».

Все это мешает Украине перестать смотреть на Запад и на ЕС как на вожделенную панацею. Однако уже в нынешнем 2012 году Евросоюз может «посыпаться» – начнутся банкротства и дефолты на уровне государств, уменьшится «еврозона». На таком фоне принятие в европейские структуры в целом виде страны, которая по площади превосходит Францию, а по числу жителей близка к ней, но при этом обладает несовершенной и расстроенной экономикой, неразвитой и отсталой, по европейским меркам, инфраструктурой, станет просто нереальным. И если к тому времени к северо-востоку от Украины будет успешно развиваться интеграционный проект – остров стабильности и развития в море беспросветного кризиса, – тогда наш юго-западный сосед может «сменить вехи» и сделать ставку на вхождение не в Европейский, а в Евразийский союз. Правда, скорее всего, подобная ситуация приведет к расколу Украины. Восточные и южные регионы этой страны (Слобожанщина, Новороссия, Крым, Донбасс) потянутся в Единое экономическое пространство, а западные попытаются усилить «евроориентацию», причем Галичина образует некое самостоятельное государство, а Закарпатье войдет в состав Словакии – в качестве автономной области воссоединится с землями местных русинов, специфического лимитрофного этноса, или попытается создать Русинскую республику.

В то же время чисто геополитически слабое участие в евразийской интеграции Украи-

к теме

Тарас Стецкив,
депутат Верховной Рады

Путин абсолютно четко очертил свою стратегию. Это воссоздание СССР. Будет это Таможенный союз или Евразийский союз, это не столь важно. Цель понятна. До 100-й годовщины Октябрьской революции, до 17 года, Путин поставил цель воссоздать СССР. Путин этого не скрывает. Для Украины это значит – огромная опасность и вызов. Для Украины такая стратегия противоречит национальным интересам, нашей независимости и суверенитету.

У российско-евразийской цивилизации имеется естественный центр тяжести, который находится на Южном Урале.

ны делает практически невозможным полноценное участие в этом процессе Приднестровья.

Исполнительные органы Евразийского экономического пространства Назарбаев предлагает разместить в Астане, которую называет городом, находящимся в географическом центре Евразийского субматерика. Это, по его мнению, «стало бы справедливой данью признательности Казахстану как инициатору идеи евразийской интеграции». Такое решение, по мысли президента Казахстана, «избавит новое интеграционное объединение от подозрений, имеющихся как внутри наших стран, так и за пределами нашего объединения».

Думается, и в самом деле, лучшее место для размещения исполнительных органов ЕЭП – отнюдь не «торфяная» Москва. Равно как и не «целинная» Астана, которая располагается поблизости от географического центра Евразийского континента, но не российско-евразийской цивилизации как таковой. Да и вообще размещать структуры ЕЭП в Казахстане, на мой взгляд, было бы нецелесообразно. В системе российско-евразийской цивилизации Казахстан занимает, в сущности, периферийное место: подавляющая часть его территории принадлежит к цивилизационному лимбу, то есть это своего рода окраина российско-евразийского мира. Окраина, доступная различным инокультурным веяниям, «дующим» из Китая и со стороны мусульманских стран дальнего зарубежья.

У российско-евразийской цивилизации имеется естественный центр тяжести, который находится на Южном Урале. Здесь необходимо пространное пояснение. Российско-евразийскую цивилизацию образуют два крупных этнических и природно-географических бассейна – Сибирский и Восточно-Европейский. Назовем их метакультурами. Демаркирует эти метакультуры Уральский хребет. С запада к нему примыкают земли, которые имеют значительное число восточноевропейских природно-культурных черт, а с востока – территории, обладающие множеством сибирских особенностей. Эти переходные земли сливаются в единый меридианный пояс, составляющий подлинную сердцевину России, ее внутренний цивилизационный Хартленд. Он простирается от Волги до Ишима и от северных берегов Каспийского и Аральского морей до приполярного Урала. Именно эти районы обеспечивают целостность и единство всего российско-евразийского мира как такового.

Метакультуры, образующие российско-евразийскую цивилизацию, двухсоставны, бинарны. Их бинарность выражается в историко-культурной, экономической и, отчасти, этнографической специфике лесных и степных пространств как Европейской России, так и Сибири. Соединяет их лесостепь – контактная зона между лесом и степью. Поэтому лесостепная зона в пределах российского цивилизационного Хартленда является его ядром, фокусом. И находится она как раз на Южном Урале.

Издревле этот регион – очаг мощных, исторически значимых этногенетических процессов. Южный Урал – прародина племен арийской, то есть индоиранской, культурно-языковой общности. Оттуда эти первые в истории объединители нашего субконтинента начали осваивать бескрайние пространства Евразии. Здесь формировались североиранские народы, до начала нашей эры преобладавшие в степной полосе от Дуная до Хингана, в частности – сармато-массагетские племена, внесшие огромный вклад в летопись российско-евразийской цивилизации и примыкающих к ней земель. В первом тысячелетии нашей эры там возникли племенные союзы гуннов, авар, венгров, сыгравшие важную роль в истории не только российско-евразийского, но и европейского культурного мира. Наконец, во втором тысячелетии нашей эры эта область стала очагом этногенеза множества небольших тюркских и угро-финских народностей, и на протяжении всего периода истории человечества именно через Южный Урал осуществлялись многообразные связи сначала племен, а затем народов и государств Восточно-Европейской равнины с Сибирью и с культурно-географическим бассейном Центральной Азии. Именно здесь пролегали их важнейшие культурные, военные и торговые коммуникации.

Поэтому Южный Урал – это сердцевина российско-евразийского центра. Он имеет достаточно развитую инфраструктуру, хорошо обеспечен природными и человеческими ресурсами, и размещать исполнительные органы ЕЭП нужно здесь, и ни в каком ином месте.

Симптоматично, что исполнительные органы ЕС находятся в аналогичной культурно-исторической зоне европейской цивилизации. Штаб-квартира Евросоюза отнюдь не случайно располагается именно в Брюсселе (на что, кстати, обращал внимание Назарбаев), а Совет Европы, Европейский суд и Европарламент – в Страсбурге. И Брюссель, и Страсбург располагаются на территории европейского цивилизационного Хартленда – на переходных землях между кельто-романской и германской метакультурами, которые и образуют цивилизацию Западной Европы. Европейский Хартленд включает в себя страны Бенилюкса, Эльзас, Лотарингию, а также прирейнские провинции Германии, Баден-Вюртемберг, Швейцарию, Лихтенштейн, Баварию, Австрию и итальянский Тироль. В то же время никто не собирался размещать штаб-квартиру ЕС, Европарламент и Европейский суд, скажем, в Португалии, Испании, Словении или Восточной Германии – то есть на лимбовых, окраинных территориях Европы, овеваемых «ветрами» иных цивилизационных миров.

Создание на Южном Урале нового центра – потенциальной столицы ЕЭП и Евразийского союза – могло бы стать новым перспективным проектом не только для Российской Федерации, но и для всех остальных участников этих объединений. Реализация такого проекта с размещением заказов, обслуживающих его нужды, на фабриках России, Казахстана, Белоруссии, Украины и Приднестровья, возведение суперсовременного города Третьего тысячелетия строителями, подрядчиками и совместными предприятиями из всех этих стран само по себе способствовало бы развитию и углублению их интеграции друг с другом. Южноуральский проект может оказаться на порядок более значительным и полезным, нежели все вместе взятые «распильные» инициативы типа «Москва с границами до Калужской области», «Сколково», «сочинская олимпиада» и «чемпионат мира по футболу».

Появление южноуральского центра в нынешнем XXI веке может привести к таким же тектоническим сдвигам, как усиление Новгорода Великого в IX веке, Киева – в X веке, Москвы – в XIV веке, как возведение Петербурга в XVIII веке, как возвращение столицы из города на Неве обратно в Москву в прошлом столетии.

Появление южноуральского центра в нынешнем XXI веке может привести к таким же тектоническим сдвигам, как усиление Новгорода Великого в IX веке, Киева – в X веке, Москвы – в XIV веке, как возведение Петербурга в XVIII веке, как возвращение столицы из города на Неве обратно в Москву в прошлом столетии. Кто знает – не станет ли результатом южноуральского проекта перенесение центра тяжести всей нашей жизни к Востоку, на границу внутренних, российских Европы и Азии?

Павел Борисович Салин –
директор Центра политологических исследований Финансового университета при правительстве РФ, эксперт Центра политической конъюнктуры, кандидат юридических наук

Евразийский союз – геополитическое контрнаступление России

Теоретические основания

О создании нового интеграционного образования на постсоветском пространстве вновь заговорили в начале октября прошлого года, когда была опубликована программная статья Владимира Путина с предложением создать Евразийский союз. Поскольку это произошло спустя короткое время после выдвижения политика на президентский пост, многие наблюдатели поспешили объявить публикацию предвыборным ходом и заявить, что ее «срок годности» закончится 4 марта 2012 года. Действительно, опубликованная статья имела ярко выраженный программный характер и на тот момент могла рассматриваться как старт избирательной кампании премьер-министра. Путин предложил на базе Таможенного союза создать новое образование – Евразийский союз, к которому в перспективе могли бы, по его мнению, присоединиться Киргизия и Таджикистан. При этом ясно видна внутриполитическая направленность инициативы. Во-первых, российский премьер несколько лукавил, называя в качестве наиболее вероятных кандидатов на присоединение названные центральноазиатские республики. Реализация идеи Русского мира невозможна без включения в интеграционное объединение Украины. Во всяком случае российские власти последние пару лет активно работают в данном направлении. Однако Путин не называет эту бывшую советскую республику, не желая обострения отношений как с украинскими властями, так и с Западом, который за последнее время очень много сделал для вывода Украины из российской сферы влияния. Во-вторых, политик подчеркивает, что это объединение будет иметь исключительно экономический характер, а его участники полностью сохранят политический суверенитет. Наконец, российский премьер специально указывает, что Евразийский союз – не конкурент Евросоюза, а способ более выгодной интеграции его членов в ЕС, что также вряд ли является истиной.

Путиным разворачивается сценарий «осажденной крепости».

Однако в целом внутриполитический расчет Путина весьма точен и соответствует настрою большинства населения России, которое испытывает постимперский синдром и приветствует воссоздание СССР хотя бы в ограниченном масштабе. Такая карта в той или иной форме разыгрывается Путиным практически с самого начала его президентства. В 2005 году прозвучало его резонансное заявление о том, что распад Советского Союза стал «крупнейшей геополитической катастрофой века». Идея эксплуатации постимперского синдрома населения не является оригинальной находкой Путина. Например, в свое время власти Франции, уже не имея ресурсов удерживать контроль над заморскими территориями, предложили на смену идее Французской империи проект Французского мира. В соответствии с ним Париж рассчитывал сохранить значительную долю влияния в своих бывших колониях, но не с помощью военной силы, а на основе единства культуры, языка и экономических связей. В целом Франция справилась с реализацией этого проекта. Программные предложения Путина были обнародованы в достаточно позитивном контексте, что было обусловлено совокупностью субъективных и объективных факторов. Во-первых, незадолго до этого фактически провалом закончился очередной саммит «Восточного партнерства» в Варшаве. В «Восточном партнерстве» участвуют Украина и Белоруссия. И хотя европейские власти не отказываются от обещаний постепенной интеграции членов партнерства в «единый дом», очевидно, что процесс расширения ЕС в силу развития кризисных явлений заморожен на годы, если не на десятилетия. Во-вторых, почва для выступления Путина была подготовлена и серией жестких высказываний в неоимперском духе ряда российских чиновников, что свидетельствовало о начале розыгрыша конфронтационной карты во внешней политике России. В частности, тогда еще полпред РФ при НАТО Дмитрий Рогозин заявил, что российский президент может и не приехать на следующий саммит Рос-

евразийское развитие

сия–НАТО в Чикаго. Одновременно с этим была обнародована информация, согласно которой диалог Москвы и Вашингтона по ПРО окончательно зашел в тупик и Россия будет наращивать свои вооружения и совершенствовать средства преодоления противоракетной обороны «вероятного противника».

Таким образом, Путиным и его окружением разворачивается сценарий «осажденной крепости». Такой сценарий, очевидно, стал одним из стержней его президентской кампании (укажем хотя бы на апелляции к «цветной» и заокеанской угрозам), а возможно, и нового президентского срока. Помимо решения сугубо предвыборных задач, предпринятый ход направлен на достижение еще нескольких целей. В частности, при следующем президенте будет проведен целый ряд непопулярных реформ, которые приведут к снижению уровня жизни части населения. Путин уже начал готовить к этому россиян. Образ «осажденной крепости», по расчетам премьера, должен сделать граждан готовыми «затянуть пояса». Однако далеко не факт, что подобный политтехнологический прием, срабатывавший в России в прошлом веке, сработает и в веке нынешнем, к тому же в гораздо более потребительски настроенном обществе.

к теме

Збигнев Бжезинский, американский политолог, бывший советник президента США по вопросам национальной безопасности

Несмотря на то, что Россия сама не имеет определенного видения собственного будущего, она хочет привлечь Украину в экономический союз, но одновременно с этим она пытается сочетать этот понятный процесс с абсурдной концепцией евразийской России.

Вы удивитесь, когда узнаете, что есть Евразийский союз на самом деле, и призадумаетесь, насколько вообще реалистичен взгляд Путина на мировой процесс. Некоторое время назад Путин по собственной воле заявил, что наибольшей бедой XX века был распад Советского Союза. Представляете? И это сказано про век, в котором была Первая мировая война с миллионами убитых, Вторая мировая война с десятками миллионов убитых, холокост, огромные человеческих страдания и «ежовщина» в Советском Союзе – увы: оказывается, исчезновение Советского Союза было крупнейшей катастрофой современности.

Теперь он загорелся идеей Евразийского союза. Интересно узнать, кто проинформировал его о происхождении этого понятия. Вероятно, он узнал об этом от бывшего русского православного священника (так в тексте. – *Ред.*) Александра Дугина, который придал популярность этой концепции в последнее время.

Это понятие возникло после большевистской революции в антикоммунистической русской «белой» эмиграции, когда стало ясно, что царская империя не может быть восстановлена в качестве альтернативы Советскому Союзу. Вместо этого они ввели как альтернативную концепцию понятие Евразийского союза, союза различных народов, но по-прежнему с русской короной в верхней части.

Ирония судьбы: Путин теперь заимствует концепции антисоветской «белой» эмиграции. Но он забывает один важный момент, что некоторые из евразийских государств уже стали независимыми в течение 20 лет, в том числе и Украина.

Дело в том, что новые элиты, и не только на Украине, но и в других постсоветских государствах, не хотят быть частью любого союза со столь и явно определенным капиталом и единым лидером. Одним словом, эта идея не имеет абсолютно никакого смысла.

Из выступления «Глобальные преимущества Европы, свободной и процветающей» на XII круглом столе «Украина в поисках зрелой государственности: вынужденные двусторонние отношения / Польша–Украина и Турция–Украина». Вашингтон, 20 октября 2011

Реальная работа

Однако если проанализировать политику власти на постсоветском пространстве в системном ключе, то становится ясно, что предвыборный ход – одно, но далеко не единственное предназначение статьи. Скорее, она является теоретическим обоснованием того курса, который проводится российскими властями на протяжении нескольких лет – сначала ситуативно, но в последнее время в нем все больше просматриваются стратегические черты.

В частности, на белорусском направлении российские власти последовательно поддерживают режим Лукашенко, понимая, что любая альтернатива ему с точки зрения интеграции будет явно хуже. Практически вся существующая в Белоруссии оппозиция ориентирована на евроинтеграцию (даже в свете усугубляющегося кризиса европейского проекта). Более того, к этому же во многом стремятся значительная часть белорусского бюрократического корпуса, государственный и окологосударственный бизнес. Поскольку, в отличие от Украины, где реальная власть принадлежит олигархам, в Белоруссии Лукашенко является единственным политическим актором, ставка на диалог с ним является вполне оправданной.

Расчет российской стороны заключается в том, что рано или поздно Лукашенко утратит свободу маневра и вынужден будет отдать власть прокремлевскому кандидату в обмен на гарантии личной неприкосновенности и сохранности авуаров. В принципе раньше белорусский лидер мог рассчитывать получить такие гарантии от Запада, но судьба Каддафи стала наглядным подтверждением того, что ему доверять нельзя – если ты попал в список «плохих парней», то рано или поздно тебя «дожмут», даже если публично простят, как это произошло в случае с бывшим ливийским лидером. В принципе эта аксиома проницательным наблюдателям была ясна и раньше – достаточно посмотреть на судьбу многих высокопоставленных участников конфликта на территории бывшей Югославии, которые также получали гарантии американских и европейских дипломатов в 1990-е годы в обмен на свой уход с политической сцены. Но судьба Каддафи, особенно способ его «казни», произвели гораздо более внушительное впечатление.

Преследуя свои цели, Москва постепенно сокращает степень свободы и пространство возможного маневра для Лукашенко. Примерно до 2007 года страна де-факто жила за счет скрытых субсидий российской стороны, поставлявшей нефть по низким ценам. Формально это была нефть для внутреннего потребления, однако значительная часть ее перерабатывалась и уже в виде нефтепродуктов поставлялась в другие страны – уже по рыночным ценам. Получаемой в результате этого маржи хватало и для неформальной ренты белорусской элите, включая Лукашенко, и для поддержания минимальных потребительских стандартов социального государства.

Поскольку Лукашенко является единственным политическим актором, ставка на диалог с ним является вполне оправданной.

Понимая, что такая ситуация может продолжаться сколь угодно долго, Москва форсировала события и начала загонять Лукашенко в угол. Де-факто было прекращено системное субсидирование белорусской экономики, что за последние годы уже несколько раз ставило ее на грань коллапса. Москва каждый раз приходила на выручку (самолично или формально действуя через интеграционные структуры на территории СНГ), но уже под конкретные гарантии.

В итоге ей удалось добиться чрезвычайно важного прецедента – перехода под ее контроль (пусть и по высокой цене) «Белтрансгаза». Данная сделка критически важна даже не столько с точки зрения получения контроля над идущим через территорию страны транзитом российского газа, сколько из-за схемы ее совершения. Впервые Минск расстался со стратегически важным активом без дополнительных условий. До этого, даже в случае приобретения иностранцами контрольного пакета акций, власти сохраняли за собой так называемую золотую акцию, причем толковали предоставляемые ей права гораздо шире, чем принято в европейской практике. По сути, они говорили: «Вы заплатите нам рыночную цену сейчас, а мы посмотрим, как вы будете активом управлять. Если нам что-то не понравится, то актив мы заберем, а деньги не вернем». Сделка по продаже остававшихся под контролем Белоруссии 50 процентов акций «Белтрансгаза» прошла на рыночных условиях, и у российской стороны теперь появилась возможность ссылаться на этот прецедент при покупке других стратегических активов.

Кроме того, Лукашенко теряет свободу маневра и по другим причинам. Раньше он успешно лавировал между Россией и ЕС, обещая первой участие в приватизации ключевых активов, а второму – политические реформы. Теперь же и Евросоюз, даже в обмен на обещания реформ, требует приватизации белорусских активов европейскими компаниями, справедливо замечая, что Белоруссия пока может обойтись и без кредитов – достаточно будет продать активы. Кроме того, в Европе растет разочарование политикой белорусских властей, которые имитируют политические реформы, которые, как только начинают угрожать позициям Лукашенко, сразу сворачиваются. Брюссель рассчитывал, что рано или поздно количество обернется качеством, но это прекрасно понимает и Лукашенко, поэтому он никогда не переступит красную черту.

Противники интеграции с Россией ссылаются на опросы общественного мнения, которое якобы настроено на интеграцию с ЕС, а не с Россией. Однако они в значительной степени лукавят. Дело в том, что большинство жителей страны проживают в сельской местности или малых городах, а поэтому представляют

Кадр из фильма «Гамлет». Постановка Лоуренса Оливье. 1948

Стратегический интерес украинских элит предельно прозрачен: лавируя, сохранять независимость и от Брюсселя, и от Москвы.

собой весьма конформистски настроенный электорат, чрезвычайно подверженный пропаганде, распространяемой через официозные СМИ, в первую очередь, телевидение (в России существует такая же закономерность). Соответственно, когда отношения между властями двух стран обостряются, это сразу находит отражение на белорусских телеэкранах (заодно и помогает белорусским властям переложить ответственность за плохую экономическую ситуацию на Москву), что негативно отражается и на готовности населения вступать в одни интеграционные объединения с Россией. При потеплении отношений тенденции меняются на прямо противоположные. Именно этим и объясняется тот факт, что в течение короткого времени число выступающих за интеграцию с РФ колеблется значительно – с 20–30 процентов до 60–80.

На Украине, которая не названа Путиным в его статье, но без которой невозможно никакое эффективное интеграционное образование в рамках Русского мира, ситуация с точки зрения евразийского проекта более сложная. В ситуации с Белоруссией реально существует лишь один актор – президент, который, конечно же, вынужден учитывать мнение элиты. Однако эта элита находится еще на положении позднесоветской номенклатуры – она пользуется, но не владеет и не распоряжается подконтрольными ей материальными ресурсами. То есть в Белоруссии еще не произошел де-юре переход контроля над активами от «народа» к элитам – власть еще не конвертирована в собственность. По некоторым данным, белорусский президент уже принял принципиальное решение о подобном шаге, и в настоящее время составляется список кандидатов в «олигархи от Лукашенко», но пока такая информация циркулирует на уровне слухов.

На Украине же, в отличие от Белоруссии, переход собственности, как и в России, состоялся – олигархат в стране сформировался к началу «нулевых», но самостоятельную политическую роль стал играть ближе к концу десятилетия, сумев пролоббировать приход на пост президента

Карл Брюллов. Последний день Помпеи. 1830–1833

вместо проамериканского Ющенко протеже наиболее влиятельных кланов Украины – Януковича. Таким образом, интеграционные задачи на украинском направлении усложняются более значительным по сравнению с белорусским направлением количеством акторов, которые в силу местной специфики имеют множество постоянно меняющихся приоритетов, заключают и расторгают друг с другом ситуативные альянсы.

В целом стратегический интерес украинских элит вне зависимости от их принадлежности к той или иной группе предельно прозрачен – лавируя, сохранять независимость от региональных центров влияния, которые прежде всего представлены Брюсселем и Москвой. Украинский истеблишмент, в отличие от российского, более реалистично смотрит на перспективу отношений с европейскими элитами, понимая, что масштаб украинской экономики не позволяет ему иметь такие сделочные позиции, чтобы претендовать на интеграцию на равных в европейскую элиту, как на это претендовали и до

Культурный раскол между Украиной и Россией – проект стратегический, который должен привести к тектоническим геополитическим сдвигам в этой части Евразии.

сих пор по инерции претендуют элиты российские. Соответственно задача украинского правящего класса – лавировать между центрами влияния, извлекая из этого максимальную выгоду. Весьма показательны с этой точки зрения неоднократные заявления Януковича о том, что Украина намерена создавать зоны свободной торговли как с ЕС, так и СНГ. До недавнего времени это ей удавалось, однако позднее окно возможностей стало закрываться, так как и Брюссель, и Москва приспособились к такой многовекторной политике Киева. Правда, изменение геополитического баланса в мире предоставило Украине еще одну возможность в лице Китая, и Киев возлагает на нее серьезные надежды, что стало видно по итогам первого визита Януковича в КНР осенью 2010 года (правда, еще неизвестно, кто кого здесь будет использовать).

Поскольку украинские элиты не настроены интегрироваться в восточном направлении, справедливо опасаясь, что их поглотит российский бизнес, располагающий бо-

На казахстанском направлении по вовлечению в орбиту своего экономического влияния практически ничего не сделано. В итоге позиции в республике заметно укрепил китайский капитал.

лее внушительными ресурсами, то следует рассмотреть возможные инструменты их «добровольно-принудительного» склонения к такому решению. Прежде всего это экономическая взаимозависимость обеих стран, которая начала выстраиваться во времена даже не СССР, а Российской империи. Вся экономика Украины основана на использовании дешевых энергоносителей с Востока, и их закупка по рыночным ценам заметно снижает рентабельность крупных промышленных предприятий, принадлежащих олигархам.

Достаточно сильный с точки зрения перспектив интеграции ход российские власти в лице премьера Путина сделали в 2009 году, пролоббировав подписание контракта на поставки газа на Украину в его нынешней конфигурации. Москва воспользовалась тогдашней слабостью украинской стороны, так как существовавшее в «посторанжевой» реальности украинское правительство имело гораздо более слабые сделочные позиции и более короткий горизонт прогноза, чем его российский контрагент. В итоге Москва получила очень весомый аргумент, который она может обменять только на существенные подвижки в интеграционном процессе.

Еще один потенциальный аргумент, способный склонить украинские элиты к участию в интеграционном проекте, – сохраняющееся культурное и языковое единство России и преимущественной части Украины (за исключением ее западных областей). Следует отметить, что основная активность Ющенко в период его президентства была направлена на уничтожение не столько экономических, сколько культурных связей между нашими странами. Его западные советники понимали, что культурный раскол между Украиной и Россией – проект стратегический, который реализуется медленно, но должен привести к тектоническим геополитическим сдвигам в этой части Евразии. Именно поэтому активно насаждалась альтернативная система культурных координат – учреждались другие праздники (не только давался противоположный смысл известным с советских времен памятным датам, но просто замещалась сетка культурных координат) и т.п. Активная фаза указанного процесса закончилась вместе с уходом Ющенко, но и к политике Януковича на данном направлении имеются вопросы.

Что касается Казахстана, то, на первый взгляд, ситуация здесь гораздо более простая и оптимистичная с точки зрения реализации интеграционного проекта. Во-первых, бессменный лидер страны Назарбаев не только на словах, как его коллега из Белоруссии, но и на деле активно поддерживает интеграционные процессы в Евразии. Во-вторых, с точки зрения самостоятельности элит, ситуация скорее напоминает белорусскую. В стране отсутствует олигархат, а ключевые активы находятся под контролем государства, то есть Назарбаева и его окружения, которое он постоянно своевременно тасует, не давая «застояться» и обрасти устойчивыми союзами и интересами. Однако не исключено, что именно казахстанское направление станет самым проблемным для формирования Евразийского союза. Россия до последнего времени не уделяла ему достаточного внимания. Во-первых, отмеченные выше факторы способствовали самоуспокоению Москвы, которая считала, что страну крепкой рукой ведет в союз лояльный идее Евразийского союза лидер. Во-вторых, Россия не видела до последнего времени на восточном направлении конкурентов в качестве центра регионального притяжения, в отличие от западного, где таким центром выступал ЕС. В результате, в отличие от рассмотренных шагов по вовлечению в орбиту своего экономического влияния Белоруссии и Украины, на казахстанском направлении практически ничего не сделано. В итоге позиции в республике (как и в Центральной Азии в целом) заметно укрепил китайский капитал. И КНР предсказуемо попытается трансформировать экономический капитал в политический, особенно после ухода нынешнего казахстанского лидера.

Мини-империя или союз национальных государств?

В настоящий момент сложились исключительно благоприятные условия для интеграции на части постсоветского пространства. Во-первых, оказались сохраненными экономические связи, выстраивавшиеся веками. Объективно белорусская и в меньшей степени украинская системы народного хозяйства являются «сборочными цехами», ориентированными на Восток. А Восток, в свою очередь, обеспечивает их дешевыми энергоносителями. То же самое касается языкового единства и культурных связей – они также во многом остались прочными, несмотря на два десятилетия формально независимого существования.

Во-вторых, в настоящий момент для России налицо удачная конъюнктура для интеграции на западном направлении, так как Евросоюз если и не находится на грани развала, то по крайней мере заморозил свой интеграционный проект на долгое время. Именно поэтому он пытается подписать хотя бы ничего не значащие документы с Киевом, чтобы формально все выглядело так, что Украина продолжает двигаться в европейском направлении. На самом деле привлекательность интеграции с ЕС для стран, рассчитывавших на «эффект безбилетника» (а Украина, как и большинство постсоветских стран, к ним относится), заметно снизилась. Теперь ясно, что даже если Евросоюз и сохранится, то цена «входного билета» в него будет гораздо выше и Киев и тем более Минск вряд ли потянут ее заплатить. Правда, для России такое улучшение конъюнктуры на западном направлении интеграции может быть компенсировано симметричным ухудшением на Востоке. Там вырастает новый центр силы в лице Китая.

Наконец, в-третьих, противники интеграционного проекта заявляют, что он является старомодным и архаичным, поскольку якобы выдержан в логике возрождения империи, что не отвечает текущим мировым трендам. Отчасти это так – в мире действительно наблюдается процесс эрозии различных интеграционных государственных образований (взять хотя бы распад Югославии и почти состоявшийся раскол Бельгии), хотя наверняка уже в текущем десятилетии они будут заменены новыми формами интеграции. Однако никто и не постулировал, что Евразийский союз – это имперское образование. Союз вполне может стать и объединением национальных государств, осознающих, что у них общие интересы в мире. В таком случае в данном проекте не посчитают для себя зазорным участвовать и русские националисты, которым может быть предложена задача по воссоединению разделенного после распада СССР Русского мира, что вполне созвучно их программным установкам.

к теме

Виталий Бураковский, политолог (Украина)

Альтернативы, по большому счету, тому, что называется «евроатлантическая интеграция», «евроатлантические ценности», нет. И мне кажется, что мы также должны просто ставить практические вопросы. Давайте возьмем богатейших людей России и Украины. Капитала они держат много на Западе, в западных банках, дети учатся там. Я, честно говоря, не слышал, чтобы они очень быстро покупали недвижимость в каком-то Брянске или в Ивано-Франковске, при всем уважении к этому городу. Они покупают где-то в Монако.

Владимир Леонидович Близнеков – философ (PhD), юрист-международник, публицист

Североазиатский союз

Идея постсоветской интеграции «на добровольных началах» бывших советских республик, обретших независимость после распада СССР, до сих пор прельщает немалое число бывших советских граждан, в первую очередь просоветски настроенных представителей старшего поколения. Эти люди привыкли гордится политической мощью бывшей красной империи – СССР, а теперь им остается только грезить восстановлением Советского Союза и рассчитывать с помощью этого решить все политические, экономические и социальные проблемы. На фоне перипетий последних двух десятилетий они, похоже, запамятовали тягчайшие преступления советской эпохи. А таковых было немало. Вспомним хотя бы красный террор, разжигание классовой ненависти, преднамеренное развязывание гражданской войны, массовый голод сельского населения, коллективизацию, уничтожение Русской православной церкви, ГУЛАГ, сталинский террор, насильственные переселения целых народов бывшего СССР в Сибирь и Среднюю Азию. Наконец, из последних преступных решений можно назвать развязывание бессмысленной войны в Афганистане. Политические и экономические издержки советского режима (диктатура КПСС и культ ее вождей, жесткое подавление любого инакомыслия, массовая политическая цензура, экономическая отсталость государства и крайне невысокий жизненный уровень подавляющего большинства населения бывшего СССР) также не принимаются во внимание апологетами возрождения красного колосса. Люди наивно полагают, что сила государства заключается в его «единстве» и все проблемы тут же решатся сами собой, как только это мифическое единство будет восстановлено.

Подобные настроения электората, естественно, пытаются использовать в своих интересах политики, делающие ставку на идею постсоветской интеграции. Среди них, в первую очередь, бывший президент и нынешний премьер-министр России Владимир Путин, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев и президент Белоруссии Александр Лукашенко. В декабре 2010 года в Москве на саммите международной экономической организации «Евразийское экономическое сообщество» были достигнуты договоренности о создании Евразийского союза на базе Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии. Проект Евразийского союза предполагает создание наднациональных структур нового союза государств в форме различных комиссий для координации и контроля над единым политическим, экономическим, военным и таможенным пространством, что, по сути, является неким аналогом современного Европейского союза.

У обозначенного политического «базиса», конечно же, быстро нашлась идеологическая «надстройка» в лице философов и политологов Александра Дугина, Сергея Гаврова, Игоря Панарина и др., придумавших для идеи постсоветской интеграции красивое название «евразийство» и выдающих это выражение за национальную идею постсоветской России. После распада СССР, в ельцинский период, среди интеллигенции велись жаркие споры о новой национальной идее России, призванной заменить оказавшуюся несостоятельной идею советского «светлого будущего» в форме построения коммунизма. Тогда никакого внятного решения так и не было найдено. К настоящему же моменту идеи евразийства получили широкое распространение. С учетом же политической поддержки таких взглядов влиятельными политическими силами можно говорить о рождении «новой» российской национальной идеи, наконец-то обретенной после распада бывшего СССР, но по иронии судьбы не содержащей по своей сути ничего нового, кроме интенции восстановить утраченное единство бывших советских республик в рамках СССР. Таким образом, идеологи новой национальной идеи России говорят исключительно о возрождении утраченного, о возрождении формы былой империи, вынося за скобки ее идейное содержание. В этом проявляется либо слабость, либо неискренность тех, которые претендуют быть создателями новой официальной идеологии Российской Федерации. Между тем и Советский Союз, и Российская империя не стеснялись открыто провозглашать свои официальные идеологии – соответственно марксистскую и православно-самодержавную, – что являлось важным фактором привлечения большого количество их сторонников. Нынешняя якобы национальная идея РФ говорит только о форме и предпочитает стыдливо умалчивать о своем идеологическом содержании. Такое положение

Икона «Торжество самодержавия»

Российская империя не стеснялась открыто провозглашать свою официальную идеологию – православно-самодержавную, – что являлось важным фактором привлечения большого количества сторонников. Нынешняя якобы национальная идея РФ говорит только о форме и предпочитает стыдливо умалчивать о своем идеологическом содержании.

вещей представляется довольно странным. Поэтому стоит прояснить, что же скрывается за понятием «евразийство»?

Евразийство – идеология имперскости

Евразийство – это философско-политическое движение, возникшее в 20-х годах прошлого века в кругах русской эмиграции на Западе и поставившее своей целью найти приемлемое позитивное истолкование смыслу и значению для России большевистской революции и марксистской идеологии, уничтоживших тысячелетнее Российское государство и империю дома Романовых. Подавляющим большинством русских эмигрантов большевистская революция и гражданская война воспринимались однозначно трагически (в политическом отношении в качестве национальной катастрофы и гибели России, а в духовном смысле как Апокалипсис и захват власти в России слугами Антихриста). Поэтому у группы русских философов-государственников, не принявших апокалипсическое истолкование Октября 1917 года, возникло стремление найти провиденциально-историческое объяснение этого события.

Поставленная цель была достигнута – сложилось представление, что провиденциальная роль России в качестве континентальной империи сводится к фундаментальному противостоянию миру англосаксонского атлантизма. Хотя подобные воззрения обычно выводят из славянофильской традиции, классическое евразийство отвергло этнокультурные парадигмы славянофильства и панславистский политический проект. Фактор «крови» не играл для евразийцев, как и для большевиков-интернационалистов, никакой роли. В то же время евразийцы не разделяли грез большевиков-ленинцев-троцкистов о мировой революции. Но у этого интеллектуального сообщества русских эмигрантов было много общего с большевиками-сталинистами: они мечтали о восстановлении державы в границах до Первой мировой войны с включением в ее состав – что особенно характерно – Монголии. Россия рассматривалась евразийцами в качестве «срединного» места между Европой и Азией, что не вступало в противоречие с интеграционно-экспансионистской идеологией большевиков. Традиционализму евразийцев была свойственна ярко выраженная имманентная направленность, игнорировавшая значимость трансцендентно-религиозных политических проектов, что также, по идее, должно было бы быть терпимо советской властью.

Эмигрантское евразийство стало антизападным имперским проектом, игнорировавшим глубинное трансцендентное противоречие между Российской и советской империями. Весь марксистский пафос большевиков представлялся евразийцам лишь ширмой, пустой болтовней, данью официальной идеологической советской «вывеске». Но такой взгляд отнюдь не вызывал восторга у большевистского руководства, и многие из лидеров евразийцев стали жертвами политических репрессией. Так, один из основателей евразийства Петр Савицкий был в 1945 году схвачен в Праге советской контрразведкой, переправлен в Москву и за «контрреволюционную» деятельность осужден на 8 лет лагерей. После отбытия срока он отказался остаться в СССР и вернулся в Чехословакию. Активный деятель левой пробольшевистской группы евразийцев, муж Марины Цветаевой Сергей Эфрон добровольно вернулся в СССР, где был расстрелян в 1941 году как «враг народа». Активный евразиец, крупный русский религиозный философ Лев Карсавин именно за участие в «антисоветском» евразийском движении в 1949 году был арестован, приговорен к 10 годам лагерей, где и скончался.

В Советском Союзе крупным представителем евразийства был выдающийся историк Лев Гумилев, отсидевший в ГУЛАГе в общей сложности более 10 лет, который развивал идеи восстановления утраченного союза между славянами и степными кочевниками Центральной Азии и Дальнего Востока.

В конечном итоге классическое евразийство, главным образом, по причине отсутствия единой идеологии, выраженной в рациональных понятиях, а также вследствие внутренних расколов и трагических судеб его приверженцев уже в 40-е годы прошлого века практически прекратило свое существование.

Наследие евразийской философии невозможно использовать в непосредственно политических целях, поскольку оно не содержит никакой конкретной политической программы, в отличие, например, от того же марксизма. Это философское движение оперирует скорее эмоциональными образами, как, например, ощущением суши или континента – ощущением, приписываемым евразийцами монгольскому восприятию окружающей действительности. Такое восприятие, по мнению евразийцев, было заимствовано впоследствии духовными преемниками монгольской традиции – русскими землепроходцами и строителями империи. Но главное, что это ощущение явилось противоположным западноевропейскому и англосаксонскому ощущению моря, подвигшему европейских конкистадоров на покорение всех остальных частей света в результате морских экспедиций. Подобного рода образы можно только при помощи богатой фантазии трансформировать в какую-либо политическую идеологию. Эмоциональность и неконкретность евразийства, а также отсутствие у него связи с трансцендентными ценностями, несомненно, свидетельствует о слабости этого мировоззрения именно как политической идеологии. Очень метко охарактеризовал евразийство Николай Бердяев: «Евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на произошедшую катастрофу (то есть Октябрьскую революцию)».

Классическое русское евразийство 20–30-х годов прошлого века в эмиграции – это ярко выраженная релятивистская и оппортунистическая идеология имперскости. В чем-то близкими русскому евразийству оказались западные традиционалистские философские течения, представленные такими именами, как французский философ Рене Генон, итальянский мыслитель Юлиус Эвола и немецкий политический философ Карл Шмитт. Репутация двух последних западных интеллектуалов в научных кругах, несмотря на широкую популярность их трудов, является более чем сомнительной, в первую очередь, в связи с их открытыми симпатиями европейскому ультраправому лагерю. Уже упомянутый Александр Дугин – лидер российского неоевразийства – не отделяет себя от западноевропейского традиционалистского течения. Современное российское неоевразийство в целом является отнюдь не оппортунистическим и релятивистским, как классическое русское евразийство, а скорее – подобно сегодняшнему западному традиционализму – представляет собой типичное правоконсервативное идеологическое направление.

Западу не присущ релятивизм и оппортунизм в идеологии, как раз наоборот – идеологическому фактору придается здесь главенствующее значение в качестве исключительной истинности и универсальности западных духовных ценностей.

«Поворот на Восток»

Приблизительно с 2006–2007 годов российскими властями начала проводится политика «поворота на Восток», то есть сближения с восточными соседями России. Причиной этого нового курса послужил очевидный провал прозападной политики Владимира Путина первых лет его президентства, поскольку Запад оказался неготовым принять постсоветскую Россию такой,

Николай Бердяев:
«Евразийство есть прежде всего направление эмоциональное, а не интеллектуальное».

Геннадий Зюганов, председатель ЦК КПРФ

к теме

Я как-то выступал в Америке в Конгрессе. И есть там Совет по международным отношениям. И один очень высокопоставленный человек, глядя мне в глаза, сказал: «Наша главная задача, чтоб вы никогда не сложили потенциалы – Россия, Белоруссия, Украина и Казахстан. Если вы складываете, вы снова конкурентоспособны, вы снова можете определять политику на евразийском пространстве. С вами будут все считаться. По отдельности мы вас будем эксплуатировать». Мы эту идею о создании возрождения Союза 20 лет выражали. Мы недавно в Донецке провели манифестацию – 10 тысяч человек, были все республики, выступили все за восстановления этих связей. Союз России и Белоруссии – это же первый очень важный шаг. Укрепление связей с Украиной, и нечего каждый раз торговаться за цену нефти или газа. Что касается Казахстана, то же самое. Нас будет почти 250 миллионов, и мы будем конкурентоспособны на мировом рынке. Так что эта идея не нова и пробьет себе дорогу. Она бесспорна, но надо правительству заниматься конкретной работой, а не делать лишь декларации.

Из выступления в телепрограмме «Вести в субботу» 8 октября 2011

Иван Пелевин. Иван Грозный. Конец XIX века

На протяжении практически всего более чем тысячелетнего периода своей истории Россия на Западе ассоциировалась с восточной деспотией. Поэтому Запад воспринимает как нечто само собой разумеющееся, если Россия останется в сфере влияния духовно-политических ценностей Востока.

какая она есть, и разделить путинские идеи возрождения империи по образу и подобию рухнувшего СССР. На то имелись не только политические, но и исторические причины. На Западе, в отличие от России, не принято умалчивать о том, что преимущественная часть территорий советских республик, образовывавших СССР, силой была присоединена к Российской империи и затем их народы также помимо их воли оказались в СССР.

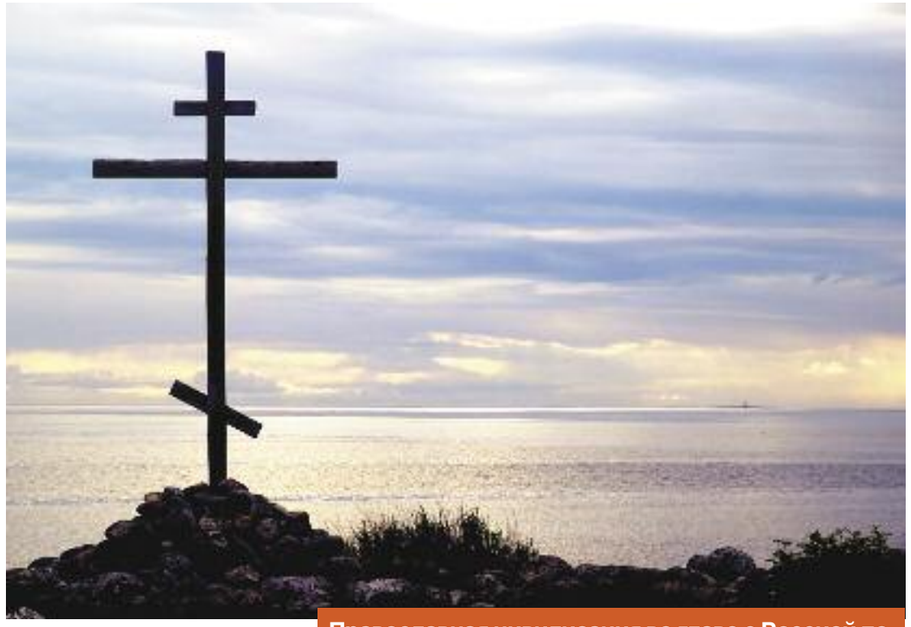
На Западе Путина рассматривают как типичного империалиста, для которого идеал построения империи является его единственным твердым убеждением. В отношении же идеологической надстройки империи Путин, по мнению Запада, скорее является релятивистом и оппортунистом: он с одинаковым энтузиазмом был бы поборником как СССР, так и Российской империи или Золотой Орды. Поэтому проблема неудачи первоначальной прозападной ориентации Путина заключается также в том, что Западу не присущ релятивизм и оппортунизм в идеологии, как раз наоборот – идеологическому фактору придается здесь главенствующее значение в качестве исключительной истинности и универсальности западных духовных ценностей. На современном Западе сложилось устойчивое убеждение, что советский империализм – это однозначно путь восточный. Симптоматично, что подобное мнение подтверждали и евразийцы, подчеркивавшие первенствующее значение монгольского исторического опыта для советского евразийского проекта. Монгольская империя чингизидов во многих отношениях очень напоминала красную империю СССР – отличались они лишь по критерию толерантности: с одной стороны, идеологический релятивизм монголов, с другой – жесткая идеологическая тирания большевиков. Поэтому классическим русским евразийцам всегда была так мила раннемонгольская империя до принятия ислама ханом Узбеком в 1320 году. Они надеялись, что большевистская идеологическая деспотия рано или поздно сменится раннемонгольской идеологической толерантностью.

Запад также желал бы, чтобы российское государственное имперское самосознание приобрело по меньшей мере релятивистский, а в идеале – глобалистский характер. Поэтому когда европейцы отказываются признать имперскую идеологию Путина равноправной западной политической аксиоматике, это – как ни парадоксально – вовсе не означает, что они в принципе против обозначившегося в последние годы российского «поворота на Восток». На протяжении практически всего более чем тысячелетнего периода своей истории Россия на Западе ассоциировалась с восточной деспотией. Поэтому Запад воспринимает как нечто само собой разумеющееся, если Россия останется в сфере влияния духовно-политических ценностей Востока. То есть если традиционный российский политический деспотизм с претензиями на собственную исключительность в эпоху глобализации проникнется в общем-то чуждыми ему духовными ценностями восточных цивилизаций. Идея Евразийского союза как раз и является практическим воплощением подобного синкретизма.

Евразийский союз как глобалистский проект

Основная цель глобализации состоит в том, что будущий мировой политический порядок должен управляться из единого центра. Одним из главных инструментов осуществления этой цели является глобальная политическая интеграция государств в форме образования нескольких регионально-континентальных политических объединений. Первым удачным проектом такой интеграции стал Европейский союз. Поэтому, с одной стороны, Евразийский союз призван стать североазиатской копией Евросоюза. Именно североазиатской, а не просто азиатской. Южноазиатские страны – Индия, Пакистан, Иран или Китай – пока не готовы к нему присоединиться. С другой стороны, Евразийский союз должен выйти за пределы так называемой православной цивилизации (термин Хантингтона) и по возможности даже за пределы бывшей советской зоны влияния в Азии. Есть все основания предполагать, что подобная интеграция нацелена на постепенное стирание политических границ стран-членов Евразийского союза и – что чрезвычайно важно для генераторов подобных проектов – смешение традиций и культур народов, принадлежавших ранее к разным цивилизациям. Европейскому союзу, поскольку он обладает правом первородства среди его будущих глобальных политических собратьев, были предоставлены существенные привилегии, важнейшая из которых – право принятия в свои ряды государств, причастных к общим духовным ценностям европейской культуры, или – менее политкорректно – почти утраченным современной Европой христианским ценностям. Несмотря на сильное давление основного глобального игрока – США – на Европейский союз, европейские

Несмотря на сильное давление США на Европейский союз, европейские политики категорически отказались принять в свой состав мусульманскую Турцию. Речь также не идет о принятии в ЕС мусульманских Албании и Боснии.



Православная цивилизация во главе с Россией по замыслу мировых глобалистов скоро прикажет долго жить, а заодно с ней – и неосуществленные грезы о европейском выборе России отечественных либералов и западников.

политики категорически отказались принять в свой состав мусульманскую Турцию. Речь также не идет о принятии в ЕС мусульманских Албании и Боснии, хотя католическая Хорватия недавно стала 28-м членом Евросоюза, на очереди – православные Сербия, Черногория и Македония, в более отдаленной перспективе – Украина и Молдова, возможно также Грузия и Армения. Таким образом, большинство стран православной цивилизации будет глобализироваться в рамках Евросоюза, а остаток в виде России и Белоруссии будет объединяться с мусульманскими, буддистскими и языческими странами Центральной Азии. Следовательно, хантингтоновская православная цивилизация во главе с ее «стержневой страной» – Россией – по замыслу мировых глобалистов скоро прикажет долго жить, а вместе с ней станут бессмысленными так и неосуществленные грезы о европейском выборе России отечественных либералов и западников. Миссия России в путинском Евразийском союзе сводится к глобализированию центральноазиатских стран. Кроме того Россия сама должна достаточно «азиатизироваться» и двигаться в указанном направлении до тех пор, пока не настанет следующий глобальный этап настоящей евроазиатской глобализации – объединение Евросоюза, Евразийского союза (или, по сути, Североазиатского союза) с парой подобных глобалистских азиатских структур типа Южноазиатского или Восточноазиатского союзов (проигнорируем их официальные лубочные названия) в Единый Союз Евроазиатского континента.

Результатом марионеточной политики российских властей по отношению к силам мирового глобализма будут неуклонное ослабление суверенитета российского государства, цивилизационное отделение России от Запада и приоритетное внимание российских политиков к интересам союзнических азиатских государств, с которыми стране придется интегрироваться в единую региональную глобалистскую структуру.

Уже сейчас идет активная подготовка к реализации проектов будущих Американского и Африканского союзов. Здесь налицо бурная деятельность самого разного рода: от создания региональных американских и африканских конвенций по правам человека до проектов единой континентальной валюты. Только страх империи США раствориться в «цветущей сложности» соседних американских государств и ужасающая нищета большинства африканских стран сдерживают усилия глобалистов по ускорению реализации указанных проектов. Но власти России, Белоруссии, Казахстана и Монголии не боятся глобализации и имеют на это политическую волю и достаточные финансовые средства. Поэтому Евразийский союз призван стать вторым после ЕС глобальным политическим образованием.

В стратегическом плане это не что иное, как марионеточная политика российских властей по отношению к силам мирового глобализма. Ее результатом будет неуклонное ослабление суверенитета российского государства, цивилизационное отделение России от Запада и переключение приоритетного внимания российских политиков на союзнические азиатские государства, с которыми стране придется интегрироваться в единую региональную глобалистскую структуру. Все уровни интеграции в рамках Евразийского союза – политический, военный, экономический, культурный и т.д. – будут означать ослабление соответствующих сфер российской государственности в угоду мировому глобализму и интересам развивающихся азиатских государств. Роль России в Евразийском союзе уподобится роли Германии в современном Евросоюзе. Германия вынуждена и даже обязана практически в одиночку субсидировать экономически отсталые государства ЕС. СССР также выделял огромные финансовые ресурсы на поддержку собственных среднеазиатских республик, социалистических стран и развивающихся «социалистически» ориентированных государств Азии и Африки, что и стало одной из основных причин его экономического банкротства. Россия неизбежно окажется единственным спонсором всех «сопутников» по Евразийскому союзу. Кроме того, она станет обязанной – а не только будет иметь право и волю, как в настоящее время, – обеспечивать работой миллионы азиатских мигрантов, которые совершенно легально поселятся на ее территории. Здесь можно вспомнить совсем недавний проект российских властей о предоставлении в аренду российской дальневосточной земли за символическую плату в 50 рублей гражданам государств Юго-Восточной Азии (Таиланда, Вьетнама, Япония и др.). Подобная щедрая глобалистская безответственность неприемлема ни для одной уважающей себя страны мира. Какой абсурд – превращать Дальний Восток в Косово в угоду чужим политическим интересам! Российские власти создали невозможный ни в одной развитой стране мира прецедент поощрения массовой азиатской иммиграции. По данным Федеральной миграционной службы, из 9,4 миллионов мигрантов в России около 4 миллионов работают нелегально. Что же станет тогда, когда гражданам государств-членов Евразийского союза будет предоставлено право поселиться в любой его стране, как это сейчас имеет место в Европейском союзе? А в чем польза для России от евразийской интеграции в военной или политической сферах с азиатскими государствами? Видимо, Узбекистан или Монголия будут защищать Россию от внешних врагов, а Таджикистан с Киргизией – приносить ей политические дивиденды?

Проект Евразийского союза – это ярко выраженный антигосударственный глобалистский проект, способный принести политические и экономические выгоды исключительно отсталым странам Центральной Азии. Выгоды России (или, точнее, полное их отсутствие) от него лучше всего можно представить в сравнении с возможными результатами от безумного проекта поворота сибирских рек в Среднюю Азию.

Проект Евразийского союза – это ярко выраженный антигосударственный глобалистский проект, способный принести политические и экономические выгоды исключительно отсталым странам Центральной Азии.

к теме

Александр Проханов,
главный редактор газеты «Завтра»

Евразийский союз является важнейшим локомотивом русского развития. Для его реализации потребуется мобилизация всех политических, военных, экономических и гуманитарных технологий. Создание Евразийского союза становится возможным, ибо движение тяготеющих друг к другу евразийских пространств, стремление друг к другу искусственно разобщенных евразийских народов соединяются на этот раз с экзистенциальной волей Путина, который, похоже, приступает к реализации своей отложенной мессианской мечты о восстановлении евразийской целостности.

«Завтра», 16 ноября 2011

Валерий Михайлович Коровин –
директор Центра геополитических экспертиз, лидер Евразийского союза молодежи

Евразийский союз – единственный шанс России

На сегодня Евразийский союз для России – это единственная возможность выжить в целостности и сохранить идентичность. Когда мы отдаем территории, то все больше приближаемся к тому, чтобы вообще перестать существовать. Восстановление большого пространства – это возможность сохраниться. Начиная с экономики мы, восстанавливая свою геополитическую субъектность, неизбежно придем и к политике, и к вопросам безопасности, и к проблемам стратегического единства.

Чтобы полноценно интегрироваться с Европой, нам нужно сначала самим стать полноценным субъектом, в первую очередь экономическим. Не следует забывать, что в равных экономических условиях бедный еще больше беднеет, а богатый богатеет.

Европа или Азия?

При создании Евразийского союза речь не идет об интеграции в Азию, как многие думают. Россия – самобытная цивилизация. Главное в этом проекте – восстановление территорий, которые нам принадлежали, в том числе и в Азии – исторически, на протяжении многих веков в романовской империи и в Советской России. Это наши территории, которые мы для себя на время потеряли. Теперь мы их возвращаем. Это не интеграция в Азию, не движение исключительно в восточном направлении. Это восстановление большого пространства вместе с Азией.

Но при этом ни Европа, ни Запад в целом от нас никуда не денутся. Между тем Запад надо различать: есть США – наш геополитический оппонент, с ним не может быть общих геополитических проектов. А есть Европа, которая сама страдает от американской доминации. И, безусловно, рано или поздно, но Евразийский союз будет интегрирован с Европой. Ошибочно считать, что создавая Евразийский союз, мы окончательно закрываем для себя путь в Европу. Напротив, от Европы нас отсекают США, выстраивая буферную зону из бывших советских республик между Россией и Европой, не давая таким образом складываться этому интеграционному вектору. Объединяясь же с Белоруссией и другими бывшими советскими республиками, Россия открывает для себя путь в Европу, прорывая «санитарный кордон».

Нынешние российские руководители – Владимир Путин и Дмитрий Медведев – просто фанаты Европы, европейского пути развития. Но чтобы полноценно интегрироваться с Европой, нам нужно сначала самим стать полноценным субъектом, в первую очередь экономическим. Не следует забывать, что в равных экономических условиях бедный еще больше беднеет, а богатый богатеет. Отставая от Европы экономически, в союзе с ней мы обречены на дальнейшее истощение. Мы не можем экономически интегрироваться с Европой до тех пор, пока не нарастим свой экономический потенциал. А сделать это быстро получится только за счет интеграции с теми пространствами, куда мы уже и так достаточно инвестировали человеческого и экономического капитала, где мы построили заводы, фабрики, школы, где распространили свою культуру, свое языковое влияние. Мы восстанавливаем то, что всегда принадлежало общей семье наших народов, – вот смысл Евразийского союза. А дальше, воссоздав это большое пространство, мы интегрируемся с Европой на равных.

Вопрос, обращенный к обычным людям, – хотят ли они быть «рабами хана» или частью какого-то зависимого населения, феодально-крепостными угнетенными людьми или свободными европейскими гражданами, – звучит в устах противников интеграции некорректно. При такой постановке вопроса 99 из 100 процентов ответят, что хотят быть свободными. Но быть свободными – вовсе не значит автоматически быть «европейскими». Да и «азиатский выбор» – это давно не рабы, не ханы, не феодализм, хотя, возможно, элементы все перечисленного в Азии еще встречаются. Как, впрочем, и на Западе.

Но можно поставить вопрос иначе: хочешь ли ты быть рабом денег или свободным евразийским человеком, жителем необъятного континента? В данном случае большинство не выберут долю раба,

Михаил Скотти. Минин и Пожарский. 1850

Мартин де Вос. Страшный суд. 1570

Европейский житель заплатил душой за свое материальное благополучие. Да, он существует в комфорте, но это совершенно опустошенный, задерганный человек, живущий телесным комфортом. Кроме тела, у него нет ничего – ни души, ни духа, ни веры, ни религии, ни традиции, ни сакральности.

пусть даже и денег. В духовном смысле Европа деградировала, выродилась. Европейский житель заплатил душой за свое материальное благополучие. Да, он существует в комфорте, но это совершенно опустошенный, задерганный человек, живущий телесным комфортом, но на уровне души и духа чувствующий дискомфорт. Кроме тела, у него нет ничего – ни души, ни духа, ни веры, ни религии, ни традиции, ни сакральности. Ничего. Это сугубо материальное прозябание в комфорте и бездуховности.

Евразийский союз – это мост, соединяющий между собой Европу и Азию, но остающийся при этом особой, самобытной, евразийской цивилизацией, сохраняющейся как от цивилизационной экспансии Запада, так и от доминации Востока. Это особый путь – наш, русский цивилизационный путь.

Ошибочно утверждать, что мы, дескать, 250 лет находились под татарским игом и до сих пор пожинаем его плоды, поэтому нечего нам делать в Азии, надо стремиться в Европу, а от Азии – бежать. Но мы не под игом были, мы входили в огромную монгольскую империю, откуда и переняли элементы именно имперского государственного строительства, управления большими территориями. Этот период обогатил нас уникальным опытом, а русская империя появилась в итоге благодаря тому, что до этого была интегрирована в огромную монгольскую империю. Как только монгольская империя ослабла, тут же контроль над ней перешел к русским. Это наша общая история, и нам надлежит соблюдать ее преемственность. Россия должна быть большой континентальной империей, совпадающей с границами Евразийского континента. И Евразийский союз – шаг к возвращению на этот путь. Империя – наша судьба!

Союзники или нахлебники?

Часто оппоненты идеи создания Евразийского союза ссылаются на то, что те страны, с которыми мы сближаемся, ведут себя не как союзники. Что русский язык в Казахстане собираются лишить официального статуса. Не так давно город Семипалатинск был переименован, город Гурьев теперь называется Атырау и т.д. – русские города один за другим теряют прежние названия. То же можно сказать про Белоруссию, руководство которой последние годы всячески критиковало Россию, высмеивало, вело себя недружелюбно. Возникает вопрос: зачем нам такие союзники, которые говорят одно, а делают совсем другое?

Однако и у наших союзников есть своя правда. Все перечисленное выше – последствия того, что мы двадцать лет не обращали на них внимания. Во многом именно поэтому там началась дерусификация, развернулась кампания по переименованию городов, стали усиливаться фрондистские настроения. Параллельно у наших соседей нарастало влияние Запада, они оказались втянутыми в американские стратегические планы. Да, Россия была слаба, и ей было не до бывших союзных республик. В 90-е каждый выживал сам, как мог. Но сейчас мы снова повернулись к ним, осознали необходимость восстановления общего большого пространства. Время показало всю пагубность житья порознь. И естественно, что сейчас прежние разъединительные процессы затормаживаются и даже превращаются в противоположные. Проблем хватает. Русских изгнали из Чечни, с Кавказа в целом, этнократия правит в Татарстане и в Башкирии. Как это можно изменить в рамках Евразийского союза? Не обернется ли интеграция тем, что вдобавок к проблемам Северного Кавказа и Поволжья мы обретем еще колоссальный объем трудностей с республиками Центральной Азии? «Если мы посадим себе на шею Белоруссию, – восклицают противники евразийской интеграции, – тот же Казахстан, который проводит русофобскую политику, с которой мы не можем справиться в Чечне, то как мы будем справляться со всем этим?» Больше всего это почему-то волнует Европу, где сейчас приведенные вопросы активно обсуждаются. «Почему Россия кормит Кавказ, и зачем ей еще Казахстан?» – в этом суть европейского подхода. В пример приводится и то, что в Европе, если народ хочет, он кормит кого-то, а если не хочет – не кормит. Поэтому, мол, Европа и отказалась от колоний. Там все обсуждается на референдумах, а у нас все решает Кремль.

Русская империя появилась в итоге благодаря тому, что до этого была интегрирована в огромную монгольскую империю. Как только монгольская империя ослабла, тут же контроль над ней перешел к русским. Это наша общая история, и нам надлежит соблюдать ее преемственность.

Однако зададимся вопросом, так ли уж в Европе спрашивают население, когда выделяют огромные транши на спасение экономик Греции, Италии и других потерпевших от кризиса стран? Абсолютно никого не спрашивают. Да, в тамошних парламентах дебатируют с утра до вечера, но мнение народов реально политиков не интересует и не учитывается, несмотря на ожесточенные уличные столкновения. А тем более не интересуются мнением населения Европы те, кто отправляет натовские самолеты бомбить мирные города Северной Африки, арабского мира и Ближнего Востока.

Еще один аргумент противников Евразийского союза: если мы «посадим себе на шею» Белоруссию и Казахстан, то наши российские деньги потекут в эти республики. Но разве с европейских стран не требуют траншей в Грецию, Италию, другие слаборазвитые экономики ЕС? Если следовать такой логике, то на шее у Москвы сидят Дальний Восток, Якутия и вообще практически все регионы. Давайте избавимся от этого экономического балласта, и Москва наконец-то заживет припеваючи – это чудовищная логика. Да, мы не должны отдавать наши деньги чужим для нас республикам. Но это наши республики. Сейчас речь идет о стратегическом сближении и стратегическом

Станислав Хлебовский. Пленение Баязида Тимуром. 1878

единстве как единственной возможности сохраниться перед угрозой быть раздавленными катком американской цивилизационной ассимиляции. Вместе есть шанс сохраниться.

Россия ослабла, но сейчас поднимается, набирается сил для того, чтобы контролировать большое пространство Евразии, собирая вокруг себя союзников. А собирать нужно, потому что если мы не соберем свое, то его соберут американцы. Как только мы уходим откуда-то, где-то ослабляем свое культурное, цивилизационное влияние, там тут же появляются американские военные базы, американские аэродромы, соединения НАТО. Американцам есть дело до всего – пусть даже на совершенно чужом для них континенте. Лучше бы они занялись проблемами собственного континента, но нет же – лезут к нам, и все, что плохо лежит, подбирают и используют в своих интересах, постепенно загоняя Россию вглубь Евразии, отсекая себе под зоны влияния все больше и больше территорий. Это стратегия, откровенно направленная против нас. В конце концов, мы останемся где-то на Северном полюсе, зажатые американскими военными базами! Вот судьба России, если она не станет заниматься приращением своих же земель и возвращением собственного же утраченного цивилизационного влияния. Конечно, Россия пока не такая сильная, и она вряд ли сможет приструнить всех нынешних врагов и недоброжелателей. Но это не повод опускать руки.

Как только мы уходим откуда-то, где-то ослабляем свое культурное, цивилизационное влияние, там тут же появляются американские военные базы, американские аэродромы, соединения НАТО.

Евразийская интеграция как способ взаимного развития

В качестве возможных участников Евразийского союза сегодня рассматриваются также Киргизия и Таджикистан. И снова слышны голоса сторонников «европейского пути»: таджики арестовывают наших летчиков, а, приезжая в Россию, игнорируют здешние законы, правила и нормы поведения. Да, проблемы есть, но относить подобные выпады все же следует к издержкам, нежели к непреодолимым препятствиям, навсегда закрывающим тему интеграции. Нужна ли нам эта страна? В таком фрондерском качестве – нет, но когда Таджикистан будет с нами в едином стратегическом союзе, он станет вести себя совсем по-другому. Поднимется уровень его экономического развития, и исчезнут предпосылки для того, чтобы таджики приезжали на работу в Россию. Полмиллиона гастарбайтеров из Белоруссии – также следствие того, что экономическое положение наших обеих стран очень сильно отличается. В рамках Евразийского союза оно уравняется, исчезнет необходимость ехать в Россию на заработки. А вот экономическая ситуация в Казахстане сопоставима с российской, и результат налицо. Из Казахстана в Россию гастарбайтеры практически не едут.

Да и едут к нам сейчас преимущественно потому, что мы, закрывшись таможнями, создали у себя относительно благоприятные условия. Но ведь и в Европе точно такая же ситуация – туда едут арабы и турки. И миграционных проблем там не меньше (если не больше!), чем у нас. Старая Европа вынуждена кормить Новую Европу и даже Грецию!

Мы свободны в формировании стратегических союзов с кем угодно, поэтому надо двигаться дальше.

Внутри самой России также до сих пор существуют благополучные и неблагополучные регионы, и уровень их развития должен быть уравнен в первую очередь. Без этого мы не сможем начать интегрироваться с государствами СНГ. Еще один аргумент противников интеграции сводится к утверждению, что Белоруссия и Казахстан в рамках экономической комиссии Евразийского союза будут голосовать на равных с Россией. Да, это издержка, но она – неминуемая плата за то, что мы развалили Советский Союз – огромное континентальное евразийское государство, – поэтому сейчас и пожинаем плоды.

Никто не предлагает возобновить дотирование государств Евразийского союза, чтобы на новых его членов тратились средства российских налогоплательщиков. Создание единых условий экономического развития выправит ситуацию. Если мы создаем равные экономические условия, то все участники Евразийского союза смогут воспользоваться открывающимися перед ними возможностями. То, что Казахстан производит, он сможет с выгодой для себя реализовывать на внутрисоюзном рынке. То же самое можно сказать и о Белоруссии. Никто не обязан никого кормить, но лучшие условия дадут стимул к общему росту. Таможенный союз с Казахстаном и Белоруссией так же нужен России, как и им самим.

Василий Суриков. Покорение Сибири Ермаком. 1895

Европа и Россия: близость цивилизации или нарастание противоречий?

Евразийский союз отличается от СССР тем, что в нем нет господствующей марксистской идеологии. Неизбежной для Советского Союза ошибкой явилось навязывание своим партнерам этой мировоззренческой системы. Наиболее явно порочность такой практики выявилась в Афганистане. Наш государственный атеизм не позволял полноценно сотрудничать с Ираном и Индией. Но сейчас мы свободны в выборе стратегиче-

Богдан Виллевальде. Открытие памятника Тысячелетию России. 1864

Создание Евразийского союза дает России шанс на возрождение, на восстановление былого могущества и былого единства. Мы восстанавливаем то, что уже сосуществовало в качестве единого целого, мы возвращаем себе то, что было утрачено нами, – элементы единой цивилизации, единого языкового и экономического пространства.

ских союзников, поэтому надо двигаться дальше.

Азию не нужно кормить, с ней следует торговать. Если там есть товар, который можно предложить на международном рынке, пускай их выставляют – а мы здесь поможем. Казахстан продает газ и нефть в Европу, транспортируя их по территории России. Наши торговые пути проходят через Казахстан на юг. России нужно заботиться прежде всего о собственных интересах, но интеграция как раз им соответствует. Евразийский союз как раз и создается для того, чтобы торговать без пошлин и барьеров и тем самым интенсифицировать экономические отношения.

Бездумное сближение с англо-американским Западом – абсурдная и утопичная идея, так как такой Запад представляет собой совершенно иную цивилизацию. Именно этот Запад приложил колоссальные усилия для того, чтобы мы распались, стали меньше и в конечном итоге перестали существовать. Иное дело – сближение с континентальной Европой, но оно должно происходить не в ущерб нашей идентичности и экономическим интересам. В то же время создание Евразийского союза дает России шанс на возрождение, на восстановление былого могущества и былого единства. Мы восстанавливаем то, что уже сосуществовало в качестве единого целого, мы возвращаем себе то, что было утрачено нами, – элементы единой цивилизации, единого языкового и экономического пространства.

То, что в Европе любят русских, – это миф. Зато веками и Казахстан, и Киргизия, и Таджикистан, и Кавказ жили вместе с Россией. Сегодня мы говорим о братских народах на Балканах. Это так, но еще проще будет русскому народу найти общий язык с узбеками, таджиками, казахами, принадлежащими к единому цивилизационному пространству и имеющими с русскими общую историю. А вот с европейцами общей истории у нас нет. Факты свидетельствуют, что к русским гораздо лучше относятся не в Европе, а в Азии. Русских били именно европейцы, когда распадалась страна. Внутри Европы нам по-настоящему симпатизируют лишь сербы. Но что сделали с Сербией и с большой Югославией? Разбомбили, растерзали, расчленили. А сейчас силами НАТО и международного миротворческого контингента сербов добивают в Косово. Сербы – это наши представители. В Европе нет русских – там есть сербы. Есть осколок православной цивилизации, солидарной с русскими. И вот что с ней происходит. Что же уготовано Европой самим русским! Да, из Азии последние 20 лет тоже изгоняли русских. Но происходило это именно потому, что разваливалась большая страна. Не нужно было доводить до этого.

России нужно заботиться прежде всего о собственных интересах, но интеграция как раз им соответствует. Евразийский союз как раз и создается для того, чтобы торговать без пошлин и барьеров и тем самым интенсифицировать экономические отношения.

Европейский выбор должен быть добровольным. Не надо насиловать народы, целые цивилизации и огромные пространства таким выбором, что мы, к сожалению, сегодня довольно часто наблюдаем. Когда европейские цивилизационные модели навязываются Индии, Пакистану, Ливии и другим далеко не европейским государствам, то ничего кроме хаоса это туда не привносит. Европейский выбор должен быть исторически и культурно осознан. Человеку необходимо почувствовать, что у него сложилась европейская ментальность. Только тогда он добровольно может сделать выбор в ее пользу. Никто никого не имеет права принуждать ни к «азиатчине», ни к «европейщине».

Сегодня же именно «европейщина» агрессивно насаждается. Если же народы и государства ее не принимают, к ним прилетают натовские бомбардировщики и силой вдалбливают «демократию». Вот этого надо избежать. Россия – особая евразийская цивилизация, взявшая все лучшее из европейской и азиатской культур и нравственных ориентиров. Альтернатива европейскому пути его сторонниками описывается неприглядно: валяется пьяный, через него переступают и идут дальше. Но и такая реальность есть, скорее, следствие отказа от духовности и веры, следствие как раз европейского цивилизационного воздействия на нашего человека и европейской десакрализации. В конце концов, именно Европа расколола в XVII веке Русскую церковь и лишила православие его основы. И это в перспективе обернулось пьянством и деградацией.

Война в Ливии

Зачем нам в Евросоюз, он ведь дает трещину. Не лучше ли по кирпичику постепенно собирать собственный союз – евразийский? Нет ли опасности в том, что если мы примем европейскую модель, то рано или поздно столкнемся с теми же самыми трудностями, какие сейчас стоят перед Европой? Там люди очень требовательные, малейший наезд на их права – и выходят на улицы, дебатируют и т.д. У нас же народ дисциплинированный, он принимает все, что идет от власти, поэтому и власть должна быть особая, не такая, как в Европе, власть духовно просвещенная, сакральная, идеалистическая. А не европейский суррогат власти – наемный менеджмент, «работающий» то президентом, то премьером. Европа сделала очень много для того, чтобы Россия была слабой, маленькой и развалившейся на части. Думая о своих интересах, прежде всего экономических, Россия и создает Евразийский союз – дабы интегрировать пространство, которое было с нами в едином цивилизационном, языковом и культурном поле. Чтобы снять барьеры и интенсифицировать торговлю, поднять уровень экономического развития всех участников этого союза на общий уровень. Сообща мы реализуем экономические интересы, укрупнимся территориально, тем самым обезопасив себя еще и с военной точки зрения. Никакого союза с Европой не может быть до тех пор, пока это не будет союз равноправных партнеров. Когда же Россия с помощью сложения экономических потенциалов всех участников Евразийского союза достигнет определенного уровня развития, тогда-то мы и сможем объединяться с Европой на паритетных началах, включаясь в общие с ней интеграционные проекты. Сейчас же, оставаясь не на равных с Европой, мы будем только терять и беднеть, а Европа – богатеть за наш счет.

Когда европейские цивилизационные модели навязываются Индии, Пакистану, Ливии и другим далеко не европейским государствам, то ничего кроме хаоса это туда не привносит. Европейский выбор должен быть исторически и культурно осознан.

Юрий Михайлович Осипов – доктор экономических наук, директор Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова, президент Академии философии хозяйства, вице-президент Академии гуманитарных наук, действительный член Российской академии естественных наук, главный редактор журнала «Философия хозяйства»

Российское перестроение как неизбежная актуальность

Россия, этот обезволенный на историческое мгновение внезапным коварным переворотом и обезображенный принудительной постмодернистской реформой большой кусок великой евразийской империи, бывшей в момент ее развала необычным и странным образованием под именем Союза Советских Социалистических Республик – СССР, ныне находится в длительном и глубоком системном кризисе. Кризисе, препятствующем этой остаточной, но все еще масштабной и мощной стране всерьез оздоровиться, восстановить внутриорганизменную целостность, обрести историческое целеполагание.

Несмотря на огромные потери и острые проблемы сугубо физического свойства, главными в этом кризисе оказались обстоятельства, имеющие отношение более всего к метафизике бытия, к его духовно-идеальной сфере, сосредоточивающей в себе не одну лишь волю к жизни, но и специфическую экзистенциальную программу. Такая программа включает в себя и собою реализует генетические, архетектонические, организационные, пространственные, временные, а

Преодоления глубокого системного кризиса не было, но зато возникла иллюзия как бы внезапного ухода от него. Поверхностный экономический (именно экономический, а не глубинный хозяйственный) рост был принят в стране не только за антикризисное оживление экономики, чего, собственно, не было, но и за социоцивилизационное оздоровление России в целом, чего не было вовсе.

Алексей Саврасов.
Зимний пейзаж. 1873

Иероним Босх. Ад. Часть триптиха «Сад земных наслаждений». Около 1500

ство конкретного человеческого сообщества-организма, его строение и характер, его предназначение (телеологию), способ жизнеотправления и сам жизненный путь, исторические достижения и итоги (эсхатологию).

Преодолеть кризис России – значит изменить возникшее и действующее в ее метафизических недрах смыслоцелевое ядро, пораженное не просто антироссийской, но во многом и античеловеческой патологией, нашедшей самое яркое внешнее воплощение в реалиях 1990-х. Реформы 1990-х не только не вывели страну из унаследованного ею кризиса-предшественника, но еще более усугубили имевшуюся кризисную ситуацию. В итоге пореформенная Россия оказалась обладательницей сложного многоуровневого кризиса, сделавшего ее прямо-таки фундаментально кризисной страной.

2000-е, в особенности 2005–2007 гг., несколько ослабили этот российский кризис, благодаря вызванному повышением мировых цен на нефть росту деловой активности, а также некоторым усилиям руководства страны, но никак этот кризис не преодолели. В лучшем случае подморозили – если не подсластили. Просто кризис перестал ощущаться вследствие развертывания на его фоне надстроечной по отношению к нему экономической активности. Активно-

Кризис органичен установившемуся в стране порядку-кризису, которому нужен именно больной социум, своего рода социум-уродец. В таком социуме порядок-кризис, или, если называть вещи своими именами, порядок-инфернал, только и может нормально и с выгодой для себя существовать и воспроизводиться.

главное – смысловые, целевые и образные (идентификационные) аспекты. То есть все то, что определяет качество финансово-торгово-потребительской, но никак не производительной, а уж тем более не инновационной.

Действительного преодоления глубокого системного кризиса не было, но зато возникла иллюзия как бы внезапного ухода от него. Поверхностный экономический (именно экономический, а не глубинный хозяйственный) рост был принят в стране не только за антикризисное оживление экономики, чего, собственно, не было, но и за социоцивилизационное оздоровление России в целом, чего не было вовсе. Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. ясно показал, что российский системный кризис никуда не делся, а вовсю о себе сразу же и заявил. Российская экономика оказалась одной из самых уязвимых и стремительно ниспадающих. От многолетнего вроде бы процветания в течение нескольких месяцев не осталось и следа. И ожидать сегодня великого антикризисного автоэффекта (синергетического-де эффекта) – это примерно то же самое, что ожидать от замершего кладбища бойкого возрождения к жизни.

Кризис органичен установившемуся в стране порядку-кризису, которому нужен именно больной социум, своего рода социум-уродец. В таком социуме порядок-кризис, или, если называть вещи своими именами, порядок-инфернал, только и может нормально и с выгодой для себя существовать и воспроизводиться.

Выход из подобного кризиса предполагает, помимо обычных антикризисных действий власти и стихийно самозарождающихся в социуме антикризисных процессов, самое настоящее преображение страны, смену ее образа. А это требует не столько поверхностных функционально-структурных, сколько глубинных концептуальных перемен, тех самых

перемен, которые затрагивают саму метафизику страны, ее идею, а не одно лишь текущее жизнеотправление.

Самое сложное в кризисе России состоит в отсутствии органичной ей и на нее сориентированной страновой концепции. Внешняя, поверхностная, физическая патология нынешней России – лишь проявление ее внутренней патологии. Патологии духовной, идейной, метафизической, смысловой, концептуальной. При этом концепция России – отнюдь не свод глубоких мыслей, не особенный текст, не выверенный устав. Та же конституция – вовсе не концепция страны, хотя кое-что концептуальное она отражает и в себе содержит.

Либерально-глобалистская концепция, навязанная России, именно по причине своей антироссийскости не сумела ни опровергнуть метафизику России, ни вытеснить ее на периферию, ни заменить собою. Она лишь смогла вызвать, азартно и нервно атакуя коренные российские устои и благоприобретенные советские стереотипы, полифуркационные разрушительно-созидательные процессы, обозначавшие и осуществлявшие вихреобразную активность в возбужденном этим инородным концептуальным вливанием страновом метафизическом котле.

Произведя на свет порядок-инфернал, коренная российская метафизика как бы ушла в глубину, легла на дно, вошла в мир нави, оказалась в нетях. Однако из этого вовсе не следует, что она не имела никакого влияния на физическую поверхность реформенного и пореформенного бытия России. Хотя преимущественно эта метафизика все это время занималась преобразованием самой себя для новой России.

А где, собственно, гнездится в реальности этот самый метафизический котел вместе со своими разрушительно-созидательными полифуркационными процессами?

Конечно, в людях, в их сознании, включая подсознание и сверхсознание, в самой российской ноосфере, которая

Россия интересна и ценна именно своей российскостью, а не западного образца европейскостью или какой-нибудь англо-американскостью. Как раз тем, чего нет нигде в мире, кроме России. И российскость эта заключается во всей целостной метафизике России, в ее концепции, телеологии и исторической судьбе, в ее общей генетически обусловленной идее, никем нарочно не придуманной.

как раз и есть сумма всех российских сознаний, некая совокупная сознаниевая масса. А сознание, как и ноосфера, – насыщенные информацией и смыслами дух и идеальность. В этих информационно-смысловых полях все живет, бродит и колобродит, переустраивается и изменяется, распадается и соединяется, возникает, сохраняется и исчезает, преображается, нисходит и возвышается, деградирует и совершенствуется. И одновременно находит внешнее выражение в словах, переживаниях и действиях – подчас несуразных, непонятных, таинственных. Все это как раз и служит российской цели и российскому способу ее реализации.

Россия интересна и ценна именно своей российскостью, а не западного образца европейскостью или какой-нибудь англо-американскостью. Как раз тем, чего нет нигде в мире, кроме России. И российскость эта заключается во всей целостной метафизике России, в ее концепции, телеологии и исторической судьбе, в ее общей генетически обусловленной идее, никем нарочно не придуманной.

Так что же это за идея такая? Россия – это особый мир, явно и неявно иной, не относящийся ни к Западу, ни к Востоку, ни к Югу, ни к Северу, хотя в себя все эти крайности вбирающий, но образующий при этом какую-то иную крайность – российскую. Если мир человеческий в чем-то не от мира сего, то российский мир более всего не от мира сего, чем и обусловлена поражающая воображение иная крайность России.

Российский мир никак фундаментально и в историческом разрезе не оформлен – это мир-стремление, мир-поиск, мир-импровизация. Это не столько мир-форма, сколько мир-возможность, лишь примеряющий на себя ту или иную форму. Причем по велению витиеватой истории чаще всего чужеродную. Мир, даже какое-то время в обретенной новой форме бытующий, но непременно рано или поздно ее сбрасывающий, не находящий с ней потребной ему перспективной гармонии.

Россия – империя, и ничем другим она быть не может. Либо Россия империя, либо никакой России вообще нет. И эта империя тоже особого рода, не такая, как на Западе и на Востоке: и по самому духу, и по внутренней своей организации, и по характеру, и по смысловой и ролевой заданности, и по решаемым историческим задачам. Такой имперский мир не просто иной – он альтернативный, причем не какому-то конкретному из земных миров, а, пожалуй, всему земному миру в целом.

Концепция России в ином, в существующем, но неопределимом, в возможном, но не существующем. Россия есть, но ее как бы и нет, она вся в буду-

Михаил Нестеров. Видение отроку Варфоломею. 1889–1890

Российский мир никак фундаментально и в историческом разрезе не оформлен – это мир-стремление, мир-поиск, мир-импровизация. Это не столько мир-форма, сколько мир-возможность, лишь примеряющий на себя ту или иную форму.

щем, и история для нее лишь какая-то длительная, чуть ли не бесконечная предыстория, ей ненужная, хотя почему-то и необходимая. Размышляя над концепцией России, важно все это иметь в виду, ибо именно в этом – неопределенном и необъяснимом, – а не в чем-то конкретном уловимом и понимаемом концептуальный зачин-генератор России, ее истории и ее будущего.

Бытие России во всех ее исторических формах – это реализация такого зачина-генератора и вместе с тем борьба с ним. Воспроизводство трансцендентной неопределенности с неустанным ее гашением и попытками окончательного преодоления. Вот почему в России все какое-то не такое, скорее, симуляционное, чем естественное, какое-то непременно искаженное, либо же попросту – иное.

Отсюда в России и власть особенная – безраздельно, беспокойно, инициативно и даже творчески доминирующая. Россия – страна власти и прежде всего власти. Не социума, не гражданства, не государства, не цивилизации, а именно власти, которая в России превыше всего, значимее всего и, пожалуй, эффективнее всего.

Тут дело даже не в самой по себе властной структуре общества, не в аппарате власти, а в какой-то особой властной субстанции, разлитой по всему пространству России, ее скрепляющей, формообразующей, обустраивающей и ведущей. Где, в какой еще стране столько радикальнейших реформ и переворотов, осуществленных не кем-нибудь, а именно властью, как и соответствующих этим деяниям контрреформ и контрпереворотов, тоже осуществленных властью, причем, что самое поразительное, одной и той же подчас по характеру и составу властью? Власть в России – не просто вершитель истории, а, пожалуй, ее основной вершитель. Доминирование власти вовсе не означает, что в России нет государства, нет граждан, нет социума. Все это есть, но в некоей подвластной реализации. При этом абсолютного господства власти, вопреки расхожим мифам, нет. Доминирование власти в России имеет не то что извне поставленные ограничения, которых в общем-то не существует, а некую внутреннюю особенность, эту власть так или иначе сдерживающую и направляющую, ибо власть в России при всем ее произволе – власть, так или иначе хозяйствующая.

Это очень важное заключение, необходимое для понимания России и доминирующей в ней власти. Власть в России сильна, свободна, но она при этом и хозяйственно ответственна, разумеется, если под хозяйством понимать не отдельную сферу человеческого бытия, а само жизнеотправление человека-общества, его организацию и течение.

Исторически случилось так, что на евразийском просторе не могло не возникнуть великое имперское образование в виде России. Но могло оно возникнуть и существовать только при условии практически постоянной всеобщей мобилизации и полной взаимной ответственности, что как раз и требовало присутствия и действия особого рода доминирующей и первенствующей власти.

Таков управленческо-хозяйственный расклад в России: доминирующая власть с сильным властным центром, властная управленческая иерархия сверху донизу, подвластная полицентровая региональная сеть с определенными свыше надвластными полномочиями, государственное обустройство властной системы, различные подвластные самоуправляющиеся подсистемы, ячейки, индивиды.

Это отнюдь не азиатская управленческо-хозяйственная матрица. Российская система предполагает – как это ни странно, быть может, для кого-то звучит – весьма значительную свободу всех составляющих ее элементов и частей, ту самую свободу, которая как раз необходима для реализации российского способа властной и подвластной организации общества: властное хозяйственное доминирование возможно лишь при наличии подвластной свободы социохозяйственных локально-стей. Это вовсе не тоталитарная матрица.

Нынешняя пореформенная Россия в очередной раз очутилась в точке исторически необходимой и упорно вызревающей фуркации, однако уже не переворотной – во всяком случае, не буйно-переворотной, как это было в начале 1990-х, а проектно-превращенческой. В метафизическом ядре России сегодня идет непрестанная борьба между искажающими и удерживающими ее силами. Образ действительной России, или себе соответствующей России, хотя и отошел под давлением анти-России в пространство нави, но совсем не исчез, оказывая влияние и на ее физическое бытие. Россия сильно искажена как реальность, она сбита с толку и как идея. Но Россия все-таки есть – более всего как замысел и менее всего как реализующаяся вокруг явленность. И обретение Россией жизненной нормы не произойдет без восстановления ее идейного статуса и без возвращения к ее концептуальным истокам.

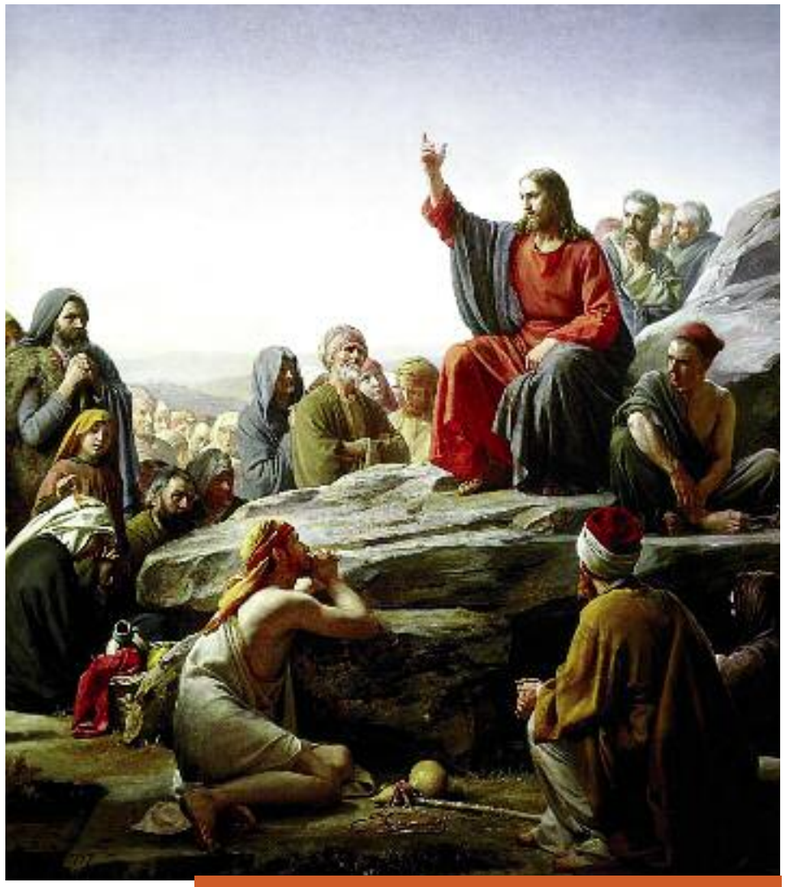
Доминирование власти в России имеет не то что извне поставленные ограничения, которых в общем-то не существует, а некую внутреннюю особенность, эту власть так или иначе сдерживающую и направляющую, ибо власть в России при всем ее произволе – власть, так или иначе хозяйствующая.

Было бы, наверное, правильно рассматривать Россию как единый для всех россиян дом, в котором каждому человеку и социальному элементу есть место, предполагающее ответственное служение общим интересам и делам в рамках осознанного и эффективно воспроизводимого общенационального солидаризма.

Солидаризм близок понятию соборности, но это не то же самое, что соборность. Солидаризм не предполагает собственно собора, сбора, собирания, а восходит просто к взаимопризнанию членов национального сообщества, соблюдению ими правил общежития, взаимопомощи. И все это посредством не только общепризнаваемой национальной идеологии, но и действенной властной, в меру и иерархической, и самостоятельной, и элитарной, и гражданской, и народной, и подотчетной всему социуму организации, охватывающей все национальное солидарное сообщество.

Главное в солидаризме – отсутствие (или, во всяком случае, минимизация) как любого рода произвола, с одной стороны, так и беспрекословного монолитизма, за исключением чрезвычайной ситуации, – с другой. Солидаризм – это свобода и воля в сочетании с ответственностью и самоограничением.

Первенствующую роль в возникновении и бытии нации играет слово – целеустремленное, волевое и действенное слово, непременно концептуальное, несущее замысел, обозначающее цель, обрисовывающее конструкцию, а в итоге определяющее бытие. Всякая реформа – это прежде всего целеположенное слово, а затем уже и действие, как предположенное этим словом, так и возникающее уже вне этого слова и даже ему вопреки – как вольная стихия или как перехваченная целеустремленная инициатива. И любая революция тоже поначалу слово – слово-диверсант, слово-взрыватель, слово-прорыв. Но и каждое преобразовательное действо власти всегда начи-



Карл Блох. Нагорная проповедь. 1890

Владеющий словом – владеет всем. Теряющий власть над словом, а, соответственно, и власть самого слова – теряет все.

нается с соответствующего слова – слова-призыва, слова-проекта, слова-деяния.

Владеющий словом – владеет всем. Владеющий национальным словом – владеет нацией, ее созиданием и развитием. Теряющий власть над словом, а, соответственно, и власть самого слова – теряет все. Творить национальное слово – значит творить нацию. Сегодня нужно новое отечественное слово как замысел новой российской нации. Ведь нация – это идеальность, общая идеальность, и в основе нации всегда лежит национальная идея, развернутая в национальную концепцию и оформленная в национальную парадигму.

Нация предполагает сохранение и наличие внутри себя социального, культурного, этнического и любого другого народонаселенческого разнообразия. Между нацией и ее частями устанавливается и постоянно возобновляется своеобразный системный паритет. Вовсе не замыкаясь в себе, нации противопоставляют западному глобализму международный интегратизм и планетарный солидаризм, что дает им возможность тесно взаимодействовать, даже быть взаимозависимыми, но при этом сохраняться и свободно себя реализовывать. Поэтому нации – противники окончательного пришествия на планету пирамидально построенного и управляемого из единого центра общемирового однообразия, но сторонники общечеловеческой «цветущей сложности», складывающейся, воспроизводящейся и развивающейся в свободном взаимодействии взаимообусловленных планетарных «элементов» – наций, что не исключает их группирования вокруг локальных имперских центров.

Главное в настоящий момент – это овладение Россией, ее организацией, создание возможности для эффективного управления страной в единении с необходимыми для любого здорового или оздоровляющегося социального организма самоорганизацией и самоуправлением. Решение этой грандиозной задачи сводится к перестроению системы управления страной. Субъектом такого перестроения должно стать организованное сообщество ответственных соотечественников – класс, партия, корпус, орден. Сообщество, способное предложить и реализовать амбициозный национальный проект, не расстраивая и не терзая страну, ее население, не ввергая их в безнадежный кризис и не бросая в очередную катастрофу, а лишь ведя Россию в спасительном для нее направлении.

Переживаемый кризис – безусловный момент истины для всего предпринятого в СССР-России революционно-реформистского действа. И обнаруживаемая истина очевидна: пореформенный уклад не только не служит российскому обществу, национальным интересам и будущему, но он, кажется, уже не служит эффективно даже самому себе. Нельзя сказать, что никто в стране, в том числе из высших властей предержащих, этого не понимает, как нельзя сказать, что не предпринимается никаких попыток исправить положение. Понимают и даже кое-что делают, но не с полным осознанием необходимости фундаментальных перемен, не слишком решительно, поверхностно, скорее даже косметически. Похоже, что просто идет некая корректировка, если не доработка, созданного в реформистском экстазе строя. Доработка, нацеленная на придание уродливому детищу более или менее сносного лица и кое-какой способности решать насущные человеческие проблемы. Но момент истины на то и момент истины, чтобы ясно и убедительно показать всю ненужность и тщетность подобных усилий: порок тут ведь не функциональный, а конструкционный и не по ошибке чьей-то вовсе возникший, а сознательно и вполне коварно заложенный.

Необходимо не совершение какого-то громоподобного переворота, не громогласное провозглашение очередного реформизма, а спокойное, позитивное и конструктивное слово – как раз от высших властей предержащих. То самое слово, в котором найдет объективное отражение текущая историческая реальность, будет проанализирована сложившаяся в стране кризисная – несуразная и тупиковая – ситуация, прозвучат самокритичное признание властью собственной вины и покаяние за все ею содеянное, прозвучит призыв к всеобщему принятию перемен и национально-гражданскому согласию.

Поскольку сегодня не может быть речи о новой дерзостной революции сверху и из центра, как и о новом разудалом реформизме, постольку на передний план должен выйти иной способ реализации масштабного социохозяйственного преобразования. Его можно назвать эволюционно-хозяйственным, так как подобное преобразовательное деяние есть не более чем органичный момент текущего хозяйствования наличествующего в России субъекта – властно-государственного национального центра. Способ хозяйствования этого центра должен основываться на программе национального преобразования, а значит, сам центр обязан перестать оставаться встроенным в пореформенный уклад. Ему надлежит определить стратегические цели и разработать программы преобразования, аккумулировать достаточные для перехода к новому укладу ресурсы, установить надежный контроль над реперными точками и жизненно важными подсистемами социума и хозяйства, ввести в социохозяйственную среду различные инициативы – от информационных до финансовых.

Существующий пореформенный уклад объективно противится потребному центру глубокому и масштабному преобразованию. Поэтому грамотным для центра решением была бы не фронтальная атака на этот уклад, как это бывает при скорой на расправы революции или же в ходе безапелляционных радикальных реформ. Требуется кропотливая неуклонная работа по созданию и стимулированию новых конструкций и миров непосредственно среди устаревших и дискредитировавших себя социохозяйственных образований и пространств. Необходимо целостное созидательное ядро, способное переделывать окружающую среду и, наращивая и расширяя свое влияние, оказывать полное преобразующее или же вытесняющее влияние на пока еще доминирующее, но уже отвергаемое.

И вот тут с неизбежностью встает вопрос о субъективном преобразовательском факторе. Факторе не столько конкретно институциональном, сколько о человеческом. Центру-преобразователю потребуется особый класс, партия идейно вооруженных и эффективно организованных людей. Здесь, пожалуй, не избежать и революции – революции в сознании. Работа с сознанием – самая трудная. Особенно сейчас, во времена ложно понятых личностных и корпоративных свобод. Идейный плюрализм никак не исключает общей социально ориентированной ответственности, а потому ответственность обязана сдерживать плюрализм, не допуская распада общества и рассеяния личности. Созидательная культура диктует такой порядок: сначала мир условностей, ограничений и запретов, выработанных историей ради человека и человеческого жизнеотправления, а потом уже свобода самовыражений, но никак не наоборот.

к теме

Збигнев Бжезинский, американский политолог, бывший советник президента США по вопросам национальной безопасности

Россия все же будет двигаться, пусть зигзагами, к Европе. Если Европа при этом поведет себя разумно и вовлечет в процесс Америку, то это будет ситуация тройного выигрыша: выигрыша для Америки, для Европы и для России.

Из выступления на форуме в Ярославле 9 сентября 2011

Олег Тимофеевич Богомолов – академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, почетный президент Международной ассоциации экономических наук, почетный профессор Будапештского экономического университета и Нанькайского университета (КНР), действительный член Болгарской академии наук

Василий Михайлович Симчера – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор НИИ статистики Федеральной службы государственной статистики (2000–2010 гг.), вице-президент Российской академии экономических наук, главный редактор журнала «Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда» (1999–2005 гг.), руководитель отдела статистики взаимной торговли стран-членов Таможенного союза ЕврАзЭС.

Экономике нужны надежные **показатели**

Граждане думают, что мы лжем и приводим неправильные показатели. И они имеют основание так думать.
Президент Франции
Николя Саркози

То, что мы измеряем, влияет на то, что мы делаем. Если у нас неверное измерение, мы будем иметь неверные результаты...
Лауреат Нобелевской премии
Джозеф Стиглиц

Чем грозит воздушным судам отказ или неисправность приборов навигации – известно. Но не менее серьезные и гораздо более масштабные последствия могут вызвать неверные экономические индикаторы, потому что ими руководствуются правительства, принимая ответственные решения. Ошибки в экономической политике, проистекающие из неверных, а то и сознательно фальсифицированных статистических индикаторов, обходятся, как известно, особенно дорого. Более того, они дезориентируют население и подрывают доверие к власти. Расхождение статистических отчетов и победных рапортов с реальностью повседневной жизни становится тогда источником социального напряжения.

Неслучайно французский президент призвал двух лауреатов Нобелевской премии Джозефа Стиглица и Амартию Сена вместе с французскими статистиками разобраться в адекватности применяемых статистических индикаторов. И специалисты пришли к выводу, что многие показатели нельзя считать репрезентативными, и высказались за расширение и совершенствование набора индикаторов экономического развития. В первую очередь это относится к наиболее часто используемому в официальных заявлениях и СМИ показателю объема и динамики валового внутреннего продукта (ВВП). С помощью этого обобщающего индикатора принято судить как о спаде, так и о подъеме в экономическом развитии стран. Глобальный кризис и усилия по его преодолению сделали критерии достоверности статистического измерения экономических процессов особо актуальными.

Не все услуги, учитываемые ВВП, входят в понятие «реальный сектор экономики». Например, реклама, навязывающая потребителям ненужные или некачественные товары, посредниики, вздувающие цены, миллионная армия частных охранников и.т.п.

Прежде всего важно учитывать особенности показателя ВВП. Он измеряет вновь созданную за год стоимость товаров и услуг плюс сумму приходящихся за год амортизационных начислений. Поэтому в нем не учтена стоимость так называемого промежуточного продукта, то есть того, что было произведено ранее и вошло в цену товаров и услуг, созданных в предыдущие годы. Между тем многие понимают ВВП как денежную оценку всех товаров и услуг, произведенных в отчетный период. К примеру, строительство моста занимает несколько лет. Ежегодные затраты на его сооружение (труд, материалы, оплата транспортных и других услуг) отражаются в ВВП соответствующего года. Значит, после открытия моста в ВВП войдет не вся его стоимость, а лишь соответствующая годовая часть. Если в магазинах продан хлеб из про-

Джозеф Стиглиц

шлогодней муки, то в ВВП отразятся только затраты по его выпечке, транспортировке и т.д., а не вся стоимость хлеба.

Много недоразумений с оценками ВВП возникает в связи с отражением в его составе повторного счета не только товаров, но и услуг. Удивительным образом даже от пытливого глаза на протяжении целых веков ускользают повторный счет объемов и сальдо купли-продажи одних и тех же товаров во внешней или взаимной торговле. Так, скажем, трактор, проданный Беларусью в Россию, в объеме валового внешнеторгового оборота по стоимости будет учтен дважды: первый раз – как продажа (экспорт) РБ в РФ, а второй раз – как покупка (импорт) РФ у РБ. Конечно, учет одного и того же трактора во взаимном торговом обороте дважды (учет, который в статистике называется еще повторным счетом) искажает оценку физического объема наблюдаемых сделок и, по сути, является исключительно счетной операцией. И поэтому его, казалось бы, следует с самого начала отвергнуть. Тем более что актом первой продажи и первой покупки одного и того же трактора дело может вовсе и не закончиться, если тот же трактор будет перепродан Россией Казахстану, а Казахстаном, в свою очередь, Беларуси. И тогда (при совершении трех актов продажи и трех актов покупки) стоимость одного и того же трактора (да еще в разных ценах) в общем объеме взаимного торгового оборота будет учтена не двукратно и не четырехкратно, а шестикратно. И на этом история с перепродажей и многократным счетом одного и того же товара опять-таки совсем не обязательно завершится. Возвращенный трактор Беларусь может продать Кубе, Куба – Венесуэле и т.д.

Как быть? Принимать в расчет первую продажу трактора, а все остальные исключать из объема взаимной торговли как дублирующие друг друга? Или со знаком плюс считать только добавленную стоимость и со знаком минус – убавленную стоимость?

Так, конечно, особенно в рамках счета объемов взаимной торговли и следовало бы поступать. И в ряде случаев другие таможенные союзы – в частности, Евросоюза – именно так и поступают.

Возникает вопрос: как, в каком эквиваленте сравнивать соответствующим образом очищенные объемы взаимной торговли с неочищенными, содержащими многократный повторный счет, дутыми объемами и дутым сальдо внешней торговли? Ведь в таком случае в чистом виде один трактор во взаимной торговле будет равняться шести и более дутым тракторам и сальдо, учтенным во внешней торговле. Можно ли будет такие сравнения признавать для чего-либо, кроме игры в цифирь, годными?

Кроме того, валютная стоимость и сальдо внешней торговли, номинируемые в составе ВВП в диспаритетном исчислении, в своей доле в виде курсовых разниц кратно завышают его объем, а сам ВВП из-за этого теряет логическую целостность и как всякая эклектическая субстанция становится непригодным для принятия точных экономических решений.

Словом, данный показатель обладает некой условностью, являясь своего рода виртуальной величиной. Он не измеряет стоимостной объем всей произведенной в стране товарной продукции и услуг, а следовательно, не всегда дает адекватное представление о состоянии экономики. Как и в барометре, стрелка порой показывает «ясно», а на дворе – дождь.

В качестве показателя масштабов и динамики экономического развития ВВП также имеет существенные недостатки. Начнем с того, что в российском ВВП 60 процентов занимают услуги, к которым относятся не только транспорт, связь, банковская деятельность, оптовая и розничная торговля, но и образование, наука, здравоохранение, весь государственный аппарат, вооруженные силы и кое-что другое. Не все услуги, учитываемые ВВП, входят в понятие «реальный сектор экономики». Такое понятие все чаще упоминается в экономической литературе, хотя еще нет согласованного определения его содержания и количественного измерения.

Это понятие призвано выделить производство вещественных благ и тех услуг, без которых страна и люди не могут обойтись и которые увеличивают реальное богатство страны, ее безопасность и благосостояние народа. Некоторые услуги, отражаемые в ВВП, связаны не с приращением, а скорее с вычетом из необходимых обществу материальных благ. Например, реклама, навязывающая потребителям ненужные или некачественные товары и услуги. То же самое можно сказать и об искусственных посредниках между производителями и покупателями – посредниках, вздувающих цены, а стало быть, и объем ВВП. В ВВП вносит вклад и миллионная армия частных охранников – продукт больного, криминализированного российского общества, в котором правовая и правоохранительная системы не выполняют надлежащим образом свои функции, а общественная мораль находится в глубоком упадке. В этих условиях учитываемое статистикой как приращение ВВП увеличение управленческой бюрократии и правоохранительных органов, тюрем и исправительных учреждений будет с точки зрения реального сектора экономики растратой создаваемых им благ.

Спекулятивные операции на биржах и в банковском секторе также создают ВВП. Но народ от этого не становятся богаче, а экономика сильнее. Словом, между ростом ВВП и показателями обновления основных фондов, улучшения занятости и демографической ситуации, данными о рождаемости и смертности, сведениями о здоровье населения, его пенсионном обеспечении и повышении жизненного уровня, о снижении инфляции, о подъеме культуры, науки, образования, сокращении преступности и коррупции могут быть существенные расхождения. Между тем состояние именно этих сторон жизни общества должно служить важнейшим индикатором того, находится ли экономика в состоянии кризиса или оживления. Если между динамикой и объемом ВВП и реального сектора экономики существуют расхождения, то возникает необходимость не ограничиваться в оценке итогов хозяйственной деятельности единственным показателем ВВП, а дополнять его другими важными индикаторами. Президент Словении Данила Тюрк считает, что в фокусе понимания и измерения экономического развития должно находиться «не столько производство, сколько процветание в широком смысле слова», а «соответствующие инструменты необходимо разработать, чтобы измерять прогресс, процветание и развитие». В частности, востребован надежный показатель состояния реального сектора экономики. Ясного понимания его необходимости, к сожалению, еще нет. Тем временем официальные данные, особенно касающиеся инфляции, доходов населения, безработицы, масштабов бедности, утечки капиталов и умов, демографии, физического и психического здоровья населения, коррупции и преступности во многих случаях оказываются ненадежными, неадекватными реальности и потому затрудняют принятие действенных решений.

Ограниченная репрезентативность российского ВВП объясняется и другими его изъянами. Так, для определения темпов его роста за несколько лет сравнения должны производиться в неизменных ценах, то есть с поправкой на инфляционный рост цен. Официальной статистикой используется для этого дефлятор (поправка на рост текущих цен по сравнению с базисными). Однако его величина вызывает вопросы. Например, в 2010 г. Росстат применял для приведения объема ВВП в текущих ценах к сопоставимым ценам 2009 г. дефлятор в 10,3 процента. Между тем цены производителей в промышленности выросли за год – на 16,7 процента, в сельском хозяйстве – на 23,6 процента, а в сфере услуг – на 33,1 процента. С учетом только этих превышений реальный дефлятор 2010 г. был бы едва ли не кратно выше. Без владения секретами магии такое сведение секторальных индексов к обобщающему дефлятору по всему народному хозяйству вряд ли возможно. Но 2010 г. не исключение, а привычная практика. В 2011 г. для предварительных официальных оценок динамики ВВП использовался дефлятор в 15,4 процента. В текущих ценах ВВП 2010 г. был оценен в 44,5 триллиона рублей, а ВВП 2011 г. – в 54,4 триллиона рублей. В неизменных ценах его прирост равнялся, как официально сообщалось, 4,3 процента. Но при использовании дефлятора в 15,4 процента (54,4 миллиарда рублей делим на 115,4 процента и получаем ВВП 2011 г. равный 47,1 миллиарда рублей), что означает годовой прирост ВВП на 5,84 процента (47,1 разделить на 44,5 равняется 105,84 процента). Однако по своей скромности мы объявили прирост ВВП в 4,3 процента. Загвоздка в том, что такому приросту соответствует использование дефлятора не в 15,4 процента, а в 17,2 процента. Фактически же с учетом произошедших в 2011 г. ценовых бифуркаций (включая возросшую девальвацию рубля) скорректированный дефлятор зашкаливал за 23,5 процента. И, видимо, этот показатель ближе к истинной величине инфляции. Явная нестыковка показателей ВВП происходит еще и потому, что сам дефлятор, представляющий собой поправку на рост цен на все произведенные товары и услуги, никак не связан с изменением потребительских цен. Рост последних, по официальным данным, составил в России в 2011 г. 6,3 процента (в

Амартия Сен

Теневая экономика, достигающая в России, по различным оценкам, от 20 до 40 процентов ВВП, ускользает от учета.

2010 г. – 8,8 процента). Такой разрыв – в 3 раза – может быть лишь результатом чистой магии. Наверное, имеет место сознательное занижение как общей, так и потребительской инфляции, а, стало быть, и завышение темпов увеличения ВВП. В странах Запада такой разрыв между показателем потребительской инфляции и дефлятором ВВП обычно незначителен. Так, в 2011 г. в США дефлятор ВВП составлял 2,1 процента, а рост потребительских цен – 3,0 процента, то есть был на 30 процентов ниже. В развитых странах, за исключением США, ЕС, Японии, оба индикатора в 2011 г. совпадали – 3,5 процента.

Очевидно, что приводимые официальной российской статистикой соответствующие индексы исчисляются с большими погрешностями. Многое зависит от того, какой набор товаров и услуг и какой удельный вес в этом наборе отдельных видов благ принимается за основу исчисления. Можно волюнтаристски искажать величину дефлятора и потребительской инфляции в желаемую сторону. Заниженный дефлятор и индекс потребительских цен завышает темп прироста ВВП. Учитывая социальное и политическое значение показателей динамики ВВП, их определение должно быть делом прозрачным, требующим участия крупнейших ученых и независимых экспертов.

В статистику ВВП приходится вносить поправки, связанные также с тем, что не все виды деятельности, создающие реальные блага и, стало быть, увеличивающие ВВП, поддаются регистрации и учету. Ускользает от учета теневая экономика, достигающая в России, по различным оценкам, от 20 до 40 процентов ВВП. Сюда входит и зарплата, выплачиваемая не по бухгалтерской ведомости, а в конвертах. По некоторым данным, доля «серой» зарплаты может доходить до 40 процентов всей оплаты труда. Трудно, а порой и просто невозможно оценить продукцию, полученную от приусадебных и домашних хозяйств, дачных садов и огородов, частных неорганизованных строителей, ремесленников, ремонтников, торговцев (в том числе «челноков») и других работников разных

профессий, имеющих дополнительный и даже основной заработок, который не регистрируется налоговыми и иными службами. Объем этой немалой добавленной стоимости официальная статистика приплюсовывает к ВВП в размере около 20 процентов. Но это весьма произвольная оценка, не опирающаяся на серьезные научные разработки, социологические опросы и выборочные проверки. Не исключено, что она занижает долю теневого продукта и подпольного производства, а следовательно, и величину ВВП.

Отдельную проблему представляет двойной счет налога на сумму добавленной стоимости (НДС), что искусственно увеличивает размер ВВП. НДС включается производителем в цену реализуемых товаров и услуг и декларируется наряду с зарплатой и прибылью как созданная добавленная стоимость. Но затем при продаже товара или услуги вновь удерживается НДС с цены сделки, что рождает двойной учет этого налога в ВВП, завышая его на 2-3 процентных пункта. Правильно ли это? К завышению приводит и распространенная криминальная практика фиктивных экспортных сделок, по которым уплачивается НДС, а затем, несмотря на отсутствие фактической поставки, по требованию поставщика НДС ему возвращается. Не отличается достоверностью и учет амортизационных отчислений в составе ВВП. В интересах ускоренной самоокупаемости основных фондов они завышаются и в виде дополнительного налога перекладываются на плечи потребителей.

Немалая часть созданного ВВП утрачивается из-за значительных потерь продук-

Нет достоверной статистики вывоза капиталов по всем возможным каналам. Российскую буржуазию подобное положение дел устраивает. Так легче уходить от налогов, сохранять и укрывать награбленное, вкладывать капиталы в футбольные клубы, яхты, дворцы, замки, виллы, отели...

ции и услуг по причине бесхозяйственности, бедствий, контрабандного экспорта, вывоза капиталов, отсталой технологии и т.п. По расчетам В.М. Симчеры, объем народнохозяйственных потерь в 2010 г. мог составлять около половины ВВП, или около 1250 миллиардов долларов. Это не кажется нереальным, если учесть, что на создание 1000 долларов ВВП Россия затрачивает энергоресурсов в 8–10 раз больше, чем передовые страны Запада. Подобная картина вырисовывается и применительно к использованию металла, древесины и т.д. Легальный и нелегальный вывоз капиталов из России составил в 2011 г. не менее 80 миллиардов долларов, а за 20 лет рыночного реформирования из России, по разным оценкам, «сбежало» от одного до двух триллионов долларов. Остается только удивляться, как страна выдержала подобное «кровопускание».

Чтобы пресечь такого рода потери, необходимо начинать с налаживания продуманной системы статистики вывоза капиталов по всем возможным каналам. Эта система должна включать экспертные оценки ускользающего от официального учета бегства капиталов. Только тогда страна будет в состоянии оценить реальный вычет из создаваемого ВВП. Сегодня мы сталкиваемся с различающимися между собой (иногда в разы) оценками утечек капиталов и умов, с отсутствием надежной статистики в данной области. Российскую влиятельную компрадорскую буржуазию, сомкнувшуюся с властью, подобное положение дел, естественно, устраивает. Так легче уходить от налогов, сохранять и укрывать награбленное не только на своих счетах в зарубежных банках, но и вкладывая капиталы в футбольные клубы, яхты, дворцы, замки, виллы, отели и рестораны, городские дома и квартиры в Лондоне, Нью-Йорке и других привлекательных местах. Но нашему населению, на которое ложатся тяготы кризиса и рыночных реформ, такая практика небезразлична. Советский слоган «социализм – это учет» нами забыт, хотя в цивилизованном рыночном хозяйстве строгий бухгалтерский и статистический контроль, а также независимый и добросовестный аудит остаются ключевыми требованиями и важнейшим устоем функционирования экономики.

Публикуемые показатели роста потребительских цен сильно расходятся с реальностью, что воспринимается населением как сознательное искажение истинного социально-экономического положения в стране.

Отдельного внимания заслуживают показатели инфляции – как на российском потребительском рынке, так и на рынке оптовой торговли и недвижимости, а также ценных бумаг, кредитных и других заимствований. Точность этих индикаторов отражается и на репрезентативности ВВП. Потребительская инфляция – крайне чувствительный для населения процесс. Публикуемые показатели роста потребительских цен сильно расходятся с реальностью, что воспринимается населением как сознательное искажение истинного социально-экономического положения в стране. Можно понять заинтересованность правительства в более благоприятных отчетных цифрах – как, впрочем, и желание иметь управляемую статистическую службу. Ради этого ее подчинили Минэкономразвитию. Но для успешной управленческой деятельности на всех уровнях нужна объективная статистика, независимая от указаний сверху. Она необходима и для населения, которое хочет знать правду, чтобы доверять своим руководителям. Пока такая независимость в российских условиях труднодостижима. Об этом свидетельствует опыт работы формально независимой Счетной палаты, доклад которой по итогам приватизации так и не был, ввиду его остроты, обсужден на заседании Государственной Думы. И вскрытые грубые нарушения оставлены без последствий.

Потери населения от инфляции, которая представляет собой скрытый налог на потребление, если и компенсируются государством, то частично. Независимые исследования, исходящие из удорожания корзины товаров и услуг для бедных и низкодоходных слоев населения, свидетельствуют о ежегодной инфляции за последние 5–7 лет в 20–25 процентов. Тем временем официальный индекс потребительской инфляции, исчисляемый и для бедных, и для богатых вместе – по принципу средней температуры в больнице, – составлял около 10 процентов (в 2011 г. около 6 процентов). Словом, расчет показателей потребительской инфляции, как и дефлятора ВВП, требует научной методологии и участия в их определении независимых высококвалифицированных экспертов. Нет нужды доказывать социальную значимость таких индикаторов, как прожиточный минимум, средний доход и средняя заработная плата, минимальная часовая зарплата, порог бедности, децильные коэффициенты имущественного расслоения, оценок знаний, способностей, квалификации, опыта, наконец, производительности, размеров вознаграждения и качества продукции – как главных характеристик и движущих сил современного прогресса. Но именно в этой области наблюдается самое значительное отставание государственной статистики и статистической науки.

Согласно экономической теории, зарплата и социальные трансферты из государственных бюджетов должны обеспечивать нормальное воспроизводство рабочей силы людей трудоспособного возраста. Разумеется, с учетом квалификации, сложности, интенсивности труда, влияния его на здоровье. Это предполагает удовлетворение не только самых насущных потребностей в питании, одежде, жилье, но и возможность пользоваться благами культуры, иметь необходимое медицинское обслуживание и нормальный отдых. Кроме того, воспроизводство рабочей силы, а тем более ее совершенствование требуют покрытия затрат на получение информации и новых знаний, социальную интеграцию, содержание семьи, обучение и воспитание детей. Конечно, воспроизводственные издержки рабочей силы будут различаться в отдельных странах с учетом уровня их экономического развития, вековых традиций и обычаев, климатических условий и т.д. Но в любом случае если расходы, связанные с воспроизводством рабочей силы занятых в народном хозяйстве, не покрываются (хотя бы на минимально допустимом уровне) заработной платой и доходами, то трудовому и интеллектуальному потенциалу страны грозит деградация.

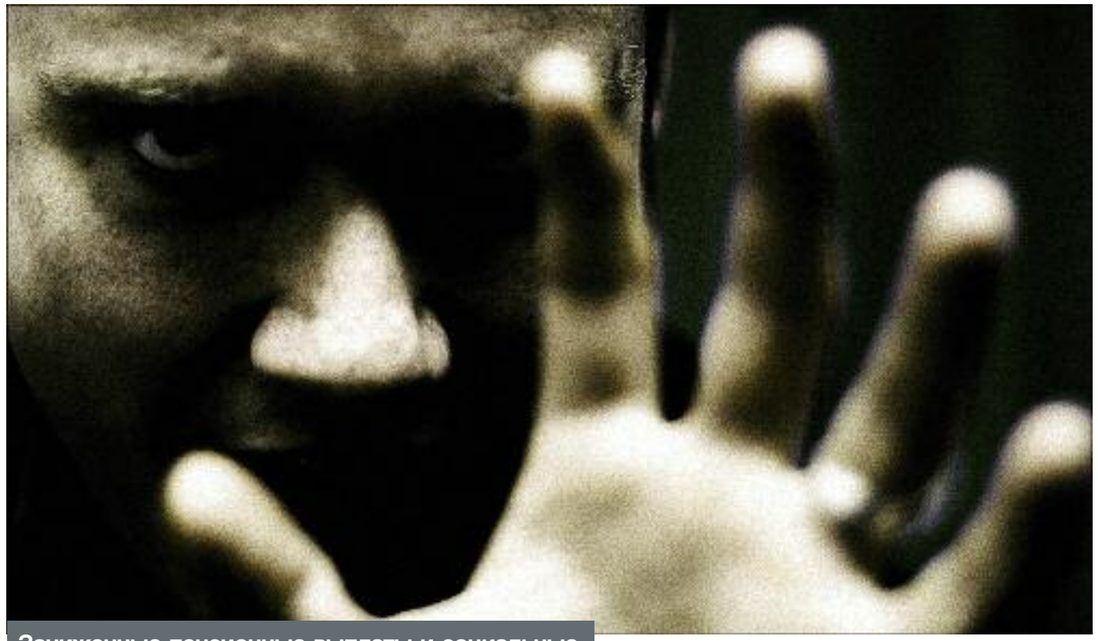
Налицо колоссальная недооценка труда основной массы работающих. В структуре российского ВВП на зарплату приходится около 33 процентов, на прибыль и доходы на капитал – 31 процент, а на налоги – 36 процентов, тогда как в развитых странах Запада доля зарплаты в ВВП достигает 60 процентов.

К сожалению, устанавливаемые государством ориентиры и стандарты, в особенности размер прожиточного минимума, произвольны и далеки от оптимальных с точки зрения науки параметров. Такой важный критерий, как минимальная часовая заработная плата, вообще не применяется. ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», рассчитывающий восстановительный минимальный потребительский бюджет, утверждает, что в третьем квартале 2011 г. он был в 2,6 раза выше прожиточного минимума и составлял 16,5 тысяч рублей, а потребительский бюджет среднего достатка – в 6,7 раза выше. Думается, что эти цифры в результате более обстоятельных статистических исследований могут быть серьезно скорректированы.

В результате кризиса производство и потребление в России сократились значительно сильнее, чем в большинстве других стран мира, но зато число долларовых миллиардеров, как свидетельствует журнал «Форбс», выросло на 70 процентов.

Налицо колоссальная недооценка труда основной массы работающих, не говоря уже о порой совершенно искаженном соотношении в оплате сложного, квалифицированного труда и гораздо более простой деятельности. К примеру, производительность труда, измеряемая величиной ВВП на один отработанный час, в России уступает Италии примерно в 4 раза, а часовая зарплата почти в 10 раз. Показательно, что в структуре российского ВВП на зарплату приходится около 33 процентов, на прибыль и доходы на капитал – 31 процент, а на налоги – 36 процентов, тогда как в развитых странах Запада доля зарплаты в ВВП достигает 60 процентов. Из-за отсутствия надежной методологии статистических сравнений приведенные цифры могут оказаться еще менее благоприятными для оценки оплаты труда в России.

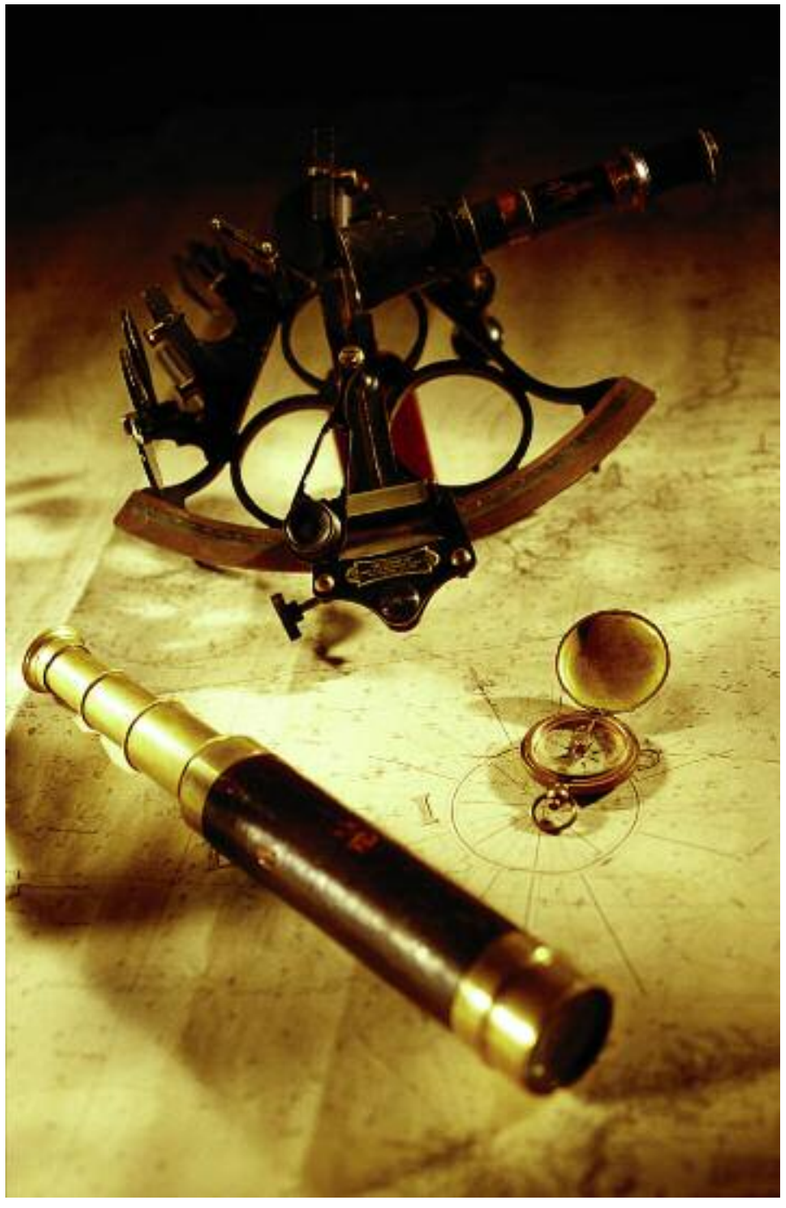
Если средняя величина заработной платы в рыночных системах отличается в зависимости от уровня их развития, то пропорции в оплате труда разной сложности, квалификации и интенсивности достаточно схожи. Вознаграждение ученого, конструктора, хирурга, педагога, как правило, значительно выше, чем рабочего, рядового чиновника, офицера или менеджера. В России эти соотношения могут быть обратными и сильно расходиться с мировой практикой. Многие важные для общества профессии и виды квалифицированного труда попали в разряд низкооплачиваемых. Это приводит к губительным последствиям, создает раскол и напряжение в обществе, питает коррупцию и отрицательно



Заниженные пенсионные выплаты и социальные пособия, которые едва покрывают коммунальные платежи и расходы на лекарства бедного населения, воспринимаются им как проявление вызывающей социальной несправедливости и как незаслуженная недооценка его вклада за прожитую жизнь в приращение национального богатства.

сказывается на производительности труда. Кроме того, это затрагивает присущее людям чувство социальной справедливости. Между тем Всемирный банк в своем докладе «Справедливость и развитие» констатирует: «При высоком уровне экономического неравенства обычно экономические институты и социальные условия систематически действуют в интересах более влиятельных групп. Такие несправедливые институты способны приводить к экономическим потерям. Предпочтения при распределении общественных услуг предоставляются богатым, а таланты средних и беднейших групп населения остаются невостребованными. Общество в целом становится тогда менее эффективным, и упускаются возможности для инноваций и инвестиций». Это подтверждает и российская действительность. В результате кризиса производство и потребление в России сократились значительно сильнее, чем в большинстве других стран мира, но зато число долларовых миллиардеров, как свидетельствует журнал «Форбс», выросло на 70 процентов. По их числу мы уступаем только США и Китаю.

Особенно тревожным по своим социально-политическим и экономическим последствиям для российского общества является увеличивающийся разрыв в доходах между бедными и богатыми. И опять-таки официальная статистика пытается скрасить реальное положение дел, приводя явно заниженные показатели социального расслоения населения и масштабы бедности. Согласно ее данным, средний доход бедной десятой части населения в 15 раз меньше среднего дохода 10 процентов богатых. Но исследования, проведенные в рамках Российской академии наук, показывают, что этот разрыв составляет не менее 30 раз, а в Москве – даже в 50 раз, тогда как в ЕС – в 7–10 раз, в США – примерно в 15 раз. Беспрецедентное неравенство в распределении доходов и непринятие необходимых мер по его снижению имеют негативные последствия для экономического роста и демографической ситуации в стране. Статистический анализ, проведенный специалистами, показывает, что при европейском уровне неравенства темпы роста российского ВВП в 2000–2007 годах могли бы возрасти на 30–50 процентов, а при годовом росте реальных доходов основной массы населения (подчеркиваем – не всего, а именно основной его массы) на 10 процентов удалось бы снизить темпы депопуляции. Заниженные пенсионные выплаты и социальные пособия,



Государственный корабль, находящийся в бурных водах внутреннего и глобального кризисов, лишен надежных навигационных приборов, без которых трудно выбрать правильный курс.

которые едва покрывают коммунальные платежи и расходы на лекарства бедного населения, воспринимаются им как проявление вызывающей социальной несправедливости и как незаслуженная недооценка его вклада за прожитую жизнь в приращение национального богатства. Такая перспектива выхода на пенсию едва ли способна вдохновлять нынешнее активное население России на добросовестный, инициативный и напряженный труд.

Для исправления положения нужен отказ от плоской и переход к прогрессивной шкале налогообложения, а также различные другие меры поддержки малоимущих. В США они позволяют снизить неравенство между крайними десятипроцентными группами населения до 15 раз, а без них оно составляло бы 68 раз. Отмени американское государство, как это сделали мы, прогрессивное налогообложение доходов граждан, и страну постигнет коллапс.

И дело, конечно, не только и не столько в самом произвольном и недостоверном счете. Дело в нынешних порочных подневольных порядках, которые делают экономический рост физически невозможным. При таких порядках сам правильный счет становится бессмысленным и неуместным. У нас нет надежной государственной статистики, а тем более основанного на ней серьезного социально-экономического анализа уровня жизни населения и социального расслоения общества. Это следует сказать и об экономической статистике в целом. Государственный корабль, находящийся в бурных водах внутреннего и глобального кризисов, лишен надежных навигационных приборов, без которых трудно выбрать правильный курс. Их срочно нужно приводить в порядок. В дореволюционном, да и в советском прошлом наша экономическая статистика имела хорошую репутацию и была представлена крупнейшими учеными. Среди них можно назвать академиков С.Г. Струмилина и В.С. Немчинова, члена-корреспондента В.Н. Старовского. Славные традиции общегосударственной и местной российской статистики необходимо возродить. Преобразовать и модернизировать Россию в условиях отсутствия достоверных статистических показателей или их искажения и подтасовывания не удастся. Ее обновление требует честной реалистичной оценки ситуации, правдивой и доступной народу информации о положении дел в экономике и социальной сфере. А это влечет за собой необходимую государственную поддержку развития статистической науки и тесную связь реформируемой статистической службы с наукой.

■

Понимание необходимости совершенствовать современные экономические измерения не сводится к изложенным положениям. С них, скорее, только начинается серьезный разговор, конечной целью которого является измерение духовных эффектов материального производства и материальных эффектов духовного производства, место, цена и валентность которых при принятом урезанном счете ВВП сегодня у разных народов разные. Энергия интеллекта, милосердие и порождаемые ими духовные смыслы, иррациональные творения, нравственные страсти и риски у нас – это, при верном счете, все 90 процентов нашего ныне не учтенного ВВП. А на Западе – всего каких-нибудь 10 процентов. И напротив, рациональные ценности и меркантильные выгоды у них – это почти весь сегодняшний ВВП, по крайней мере, все 90 процентов его объема, тогда как у нас на самом деле – 10 процентов или почти ничто.

Мы – пассионарии, они – меркантилисты. Они производят вещи, мы – блага. Их бог – деньги, наш бог – дух. Мы – бедные материально, они – духовно. Наши реальные активы в мире кратно недооценены, их – кратно переоценены. Мир сегодня крайне ассиметричен и поэтому крайне несправедлив, противоречив и нестабилен.

В такой новой и необычной шкале ценностей нам всем предстоит еще только разбираться. В этой шкале – наше место и место подобных нам анклавов, вроде Индии или Тибета, будет совершенно иным и гораздо более весомым. Именно такие приоритеты мы имеем в виду, когда ставим вопрос о пересмотре нынешних и введении новых навигаторов современного экономического развития.

Святой благоверный великий князь Александр Невский

Мы – пассионарии, они – меркантилисты. Они производят вещи, мы – блага. Их бог – деньги, наш бог – дух. Мы – бедные материально, они – духовно. Наши реальные активы в мире кратно недооценены, их – кратно переоценены. Мир сегодня крайне ассиметричен и поэтому крайне несправедлив, противоречив и нестабилен.

Александр Владимирович Бузгалин – доктор экономических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, главный редактор журнала «Альтернативы»

Распад СССР: уроки и вызовы новым интеграциям

Вопрос о причинах и уроках распада СССР и других стран так называемой Мировой социалистической системы стоял и стоит, как загадка сфинкса, перед каждым, кто ищет пути как минимум диалога, а как максимум – реинтеграции народов некогда единой страны. Величие и трагедию продолжавшейся более 70 лет эволюции наших народов серьезный ученый и политик, аналитик и просто ответственный гражданин не могут просто забыть, как сон: этот сон продолжает сниться. И не только старикам: в моей стране его все чаще видит молодежь, сталкивающаяся с тем, что мир, возникший на развалинах СССР, не решил тех проблем, на вызовы которых пытался ответить Советский Союз.

Так что же это было? Как появилось на свет и почему ушло в небытие?

СССР как загадка прошлого: экономико-политический взгляд на «мутантный социализм»

Спектр основных вариантов ответа на вопрос, что такое СССР, в принципе хорошо известен. Господствующее сегодня либеральное мировидение исходит из того, что никакая иная социально-экономическая система, кроме рыночно-капиталистической, вообще невозможна и потому «коммунистический» строй был исторической случайностью, обусловленной субъективными факторами.

Столь же малоубедительным является и утверждение об однозначной прогрессивности общественно-экономической системы «реального социализма» и, соответственно, случайности его гибели вследствие субъективных причин. При этом от-

Неизвестный художник. Декрет о мире

нюдь не случайно ортодоксальные либералы и ортодоксальные марксисты методологически сталкиваются здесь на одном пятачке апелляций к субъективным флюктуациям, «заговорам» и «предательству», пятясь спинами навстречу друг другу в стремлении выдать свою плоскую позицию за истину в последней инстанции. На мой взгляд, ключевой пункт в ответе на вопрос о природе СССР – анализ объективных противоречий Российской империи (равно как и современного ей мирового контекста), которые, с одной стороны, вызвали к жизни этот специфический общественный организм, а с другой – привели к его распаду. Более того, при таком анализе следует исходить из того, что причины возникновения и распада советской системы были в основе своей одни и те же. Рассмотрим эту непростую диалектику подробнее.

В СССР сформировался строй, который мог жить, расти, бороться и даже побеждать в условиях индустриально-аграрной России, находившейся в окружении колониальных империй, фашистских держав и т.п. Но этот «вид» оказался неадекватен новым условиям информационного общества.

Генезис и распад «реального социализма» мне представляются частью планетарного процесса, приведшего на определенной стадии к генезису «мутантного социализма» – тупикового в историческом смысле слова варианта общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от капитализма к новому общественному бытию. Подобная общественная система выходила за рамки капитализма, но не образовывала устойчивой модели, служившей основанием для последующего движения.

■

Приведенные тезисы требуют некоторых пояснений.

Во-первых, здесь прежде всего нужно ответить на мощное возражение критиков, суть которого заключается в констатации кажущегося очевидным положения: никакого иного социализма, кроме того, что был в странах Мировой социалистической системы, человечество не знает. Следовательно, у нас нет оснований считать этот строй мутацией.

Эта очевидность, однако, является не чем иным, как одной из классических превращенных форм, в которых только и проявляются все глубинные закономерности мира отчуждения. Ум (или, точнее, «здравый смысл» обывателя и его ученых собратьев) хочет и может видеть только эти формы, но не сущность. Между тем, на наш взгляд, в СССР и других странах Мировой социалистической системы был искажен не некий «идеал» социализма. Просто реальная общеисторическая тенденция перехода к новому обществу и адекватные ей реальные его ростки развивались в реальной же истории XX века в мутантном, с самого начала деформированном неблагоприятными условиями виде.

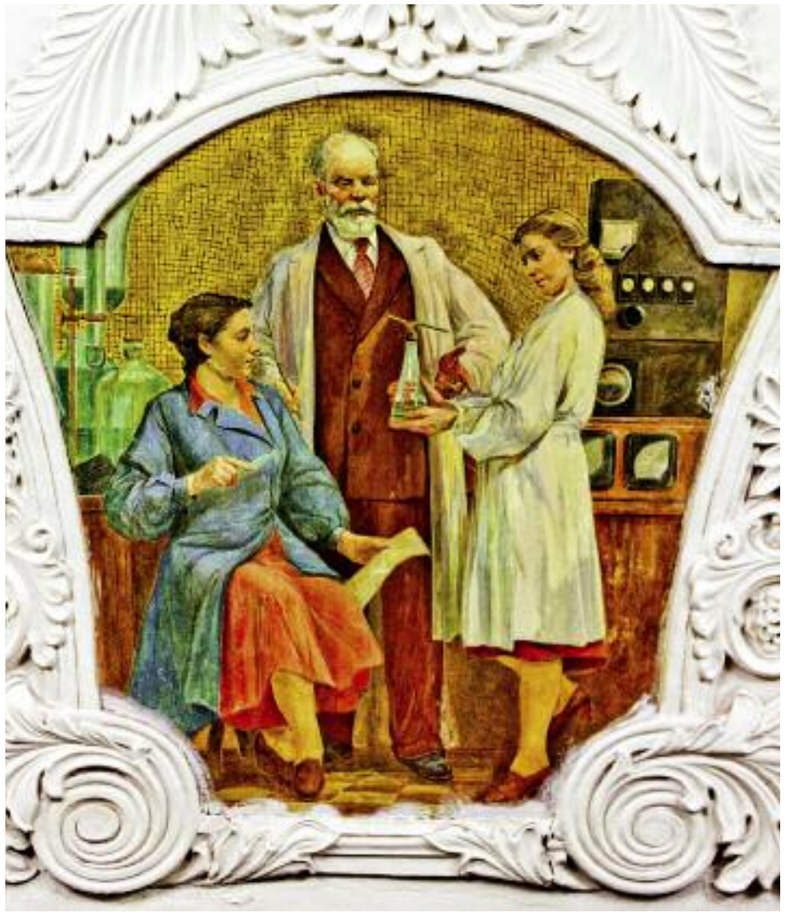
Мутантный социализм умер собственной смертью, ускоренной, впрочем, внешним влиянием.

Это касается ростков и планирования экономики, и ассоциированного присвоения общественного богатства, и социального равенства, и новой мотивации, и особых ценностей *homo soveticus*, и советской культуры. Так, планирование с самого начала приводило не только к мощным прогрессивным структурным сдвигам, но и к экономике дефицита. Оборотной стороной медали общественного присвоения было массовое распространение внеэкономического принуждения (от прописок до ГУЛАГов). Энтузиазм был неразрывно связан с уравниловкой, великая советская культура – с ждановско-сусловским идейным диктатом и т.д.

Во-вторых, обращение к термину «мутация» неслучайно. Автор в данном случае пошел по не слишком оригинальному пути аналогий с некоторыми разработками в области естественных наук, чем грешат и марксисты («формация» и т.п.), и неоклассики. Категория «мутантный социализм» используется мной для квалификации общественной системы наших стран по аналогии с понятием мутации в эволюционной биологии. (Организмы, принадлежащие к определенному виду, в том числе – новому, только возникающему, обладают разнообразным набором признаков – «депо мутаций», которые в большей или меньшей степени адекватны «чистому» виду и в зависимости от изменения среды могут стать основой для естественного отбора, выживания особей с определенным «депо мутаций», для выделения нового вида.)

В момент генезиса, начиная с революции 1917 года, рождавшееся новое общество обладало набором признаков («депо мутаций»), позволявших ему эволюционировать по разным траекториям, в том числе – существенно отклонявшимся от оптимального пути рождения нового общества. Особенности «среды» – уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения и международная обстановка – привели к тому, что из имевшихся в «депо мутаций» элементов возникавшей тогда системы наибольшее развитие и закрепление постепенно получили процессы бюрократизации, развития государственного капитализма и другие черты, породившие устойчивую, но крайне жесткую, не приспособленную для дальнейших радикальных изменений систему.

Так сложился организм, который именно в силу мутации был, с одной стороны, хорошо приспособлен к «среде» России и мировой капиталистической системы первой половины и середины XX века, но с другой (по тем же самым причинам) – далек от траектории движения к новому миру. Траектории, которая позволила бы максимально использовать новые общественные отношения и институты для прогресса человеческих качеств и решения глобальных проблем на основе использования новейших технологий.



В результате в СССР сформировался строй, который мог жить, расти и даже бороться в условиях индустриально-аграрной России, находившейся в окружении колониальных империй, фашистских держав и т.п. Победа в Великой Отечественной войне – самый яркий тому пример. Но в силу тех же самых причин (мутации «генеральных», стратегических тенденций рождения нового общества) этот «вид» не был адекватен новым условиям генезиса информационного общества. Он не мог дать адекватный ответ на вызовы обострявшихся глобальных проблем, новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX века.

СССР и, позднее, другие соцстраны впервые в истории человечества в массовом масштабе генерировали ростки ассоциированного социального творчества и идеальный образ (теоретико-художественный идеал) будущего, коммунизма.

У сложившегося в рамках Мировой социалистической системы строя в силу его бюрократической жесткости был крайне узкий набор признаков («депо мутаций»), позволявших приспосабливаться к дальнейшим изменениям «внешней среды». Этому мутанту были свойственны мощные (хотя и глубинные, подспудные) противоречия: на одном полюсе – раковая опухоль бюрократизма, на другом – ростки «живого творчества народа», содержавшие потенциал эволюции в направлении, способном дать подобающий ответ на новые вызовы конца XX века. Но постепенно эти ростки были задавлены раком бюрократии. В результате мутантный социализм не смог развиваться именно в этих, более благоприятных для генезиса ростков нового общества, условиях – условиях развертывания НТР, обострения глобальных проблем и т.п. Ответить на такие вызовы жесткий мутантный социализм не смог. В результате он захирел («застой») и вполз в кризис.

Когда «мягкая» модель социально-ориентированного капитализма сменилась в 1980-е годы «жесткой» и агрессивной праволиберальной, вызов рождавшегося информационного общества стал практической проблемой. Внутренние же проблемы мутантного социализма достигли тогда такой остроты, которая не позволяла решить их в рамках сохранения прежнего вида. Вот тут-то и встал выбор: либо преодоление мутаций старой системы и движение в направлении к новому социализму, либо кризис. Первое оказалось невозможно в силу отмеченной жесткости старой системы. Поэтому мутантный социализм умер собственной смертью, ускоренной, впрочем, внешним влиянием.

Обществу мутантного социализма был присущ один неслучайный парадокс. В нем в наименьшей степени были решены те задачи, которые составляют предпосылки посткапиталистического мира и которые по идее должны решаться в рамках буржуазной системы – прежде всего, развитие демократии, гражданского общества, прав и свобод индивида, обеспечение населения предметами потребления и услугами, высокий уровень дисциплины труда и т.п. И наоборот, в условиях «реального социализма» наибольшее развитие получили именно те сферы, которые собственно и характеризовали его как зарождавшееся новое общество – доступные и гуманистические культура, образование, наука и т.п. Более того, СССР и, позднее, другие соцстраны впервые в истории человечества в массовом масштабе генерировали ростки ассоциированного социального творчества и идеальный образ (теоретико-художественный идеал) будущего, коммунизма. (Теория социализма и советская культура были восприняты практически, в реальном образе жизни большинством населения именно как такие идеальные прообразы будущего.) При этом в силу неразвитости буржуазных предпосылок собственно социалистические задачи решались частично, в весьма специфических, опять-таки мутантных формах. (Один из наиболее ярких примеров последних – бериевские «шарашки», где полуголодные заключенные в большинстве своем с искренним энтузиазмом создавали основы постиндустриального сектора СССР.)

В результате мутантный социализм, возникнув на обломках еще недоразвитого (хотя в чем-то и уже переразвитого) капитализма, не смог решить буржуазных задач, во многом успешно решая некоторые сверхзадачи движения к посткапиталистическому миру. И это противоречие стало одной из глубинных причин краха мутантного социализма.

Сложилось же подобное противоречие неслучайно: «реальный социализм» возник как продукт «ловушки XX века», сделавшей поворот к социализму объективно необходимым (вследствие обострения противоречий империализма, приведших к первой в истории человечества мировой войне) и одновременно невозможным в силу слабой развитости предпосылок нового общества в нашей стране.

Подчеркнем: сказанное – не осуждение прошлого (хотя мы осуждаем самым решительным образом тиранов-сталиных, порожденных той эпохой, и вдвойне – их прихлебателей). Это констатация исторического факта: первая попытка прорыва к новому миру породила такое общество. Те несколько шансов из ста, которые были даны нам для того, чтобы не скатиться в русло сталинщины в 1920-е, для того, чтобы не свалиться в кризис ельцинщины в 1990-е, мы – граждане СССР и других стран Мировой социалистической системы – реализовать не смогли. Закрывать глаза на то, что такая мутация произошла, не извлечь уроков из трагедии прошлого так же преступно, как предать забвению героическую борьбу наших отцов, дедов и прадедов.

В этом чудовищно интенсивном противоречии ростков и мутаций нового мира – тайна нашего прошлого. Задача настоящего – трезвый научный анализ этих противоречий. Мы подчеркиваем реальную диалектичность, противоречивость, изменчивость и многообразие проявлений первых шагов к новому обществу, предпринятых в наших странах, мощных противоречий и деформаций на том пути. Важнейшим для нас является анализ как тех реальных противоречий, которые показали возможность возникновения новых социально-экономических отношений (планирование, общедоступность многих природных, социальных и культурных благ), нацеленных на развитие человеческих качеств, а не максимизацию прибыли, так и их изначальных деформаций, приведших к трагедиям и преступлениям советского периода.

СССР как вызов будущему: геополитические и геоэкономические уроки

Наш анализ реальных преступлений, трагедий и прорывов в будущее «реального социализма» позволяет сделать вывод: к началу новой эпохи – переходу к глобальному обществу знаний – общественно-экономический строй СССР оказался неподготовлен. И здесь мы согласны с правыми критиками социализма.

Но мы принципиально не согласны с тем, что из тупика советской модели был лишь один выход – к российскому «капитализму юрского периода». Существовали и иные альтернативы, которые, однако, требовали «революции снизу» – качественной смены основ старой системы (государственно-бюрократического отчуждения). Произошло же лишь реформирование форм этого отчуждения, и сделано оно было «сверху». Мы еще накануне этих «реформ» показали, почему «шоковая терапия» будет откатом назад. Как она вызовет к жизни «негативную конвергенцию», то есть соединение худших черт старой системы (бюрократизма, волюнтаризма, диспропорциональной структуры экономики) и капитализма (социального неравенства, криминализации обществен-

Кадр из фильма «Космическая одиссея 2001 года». Режиссер Стэнли Кубрик. 1968

Мы принципиально не согласны с тем, что из тупика советской модели был лишь один выход – к российскому «капитализму юрского периода».

ной жизни, деградации «человеческих качеств»). На заре постсоветской эпохи уже не возникало сомнений относительно того, что начинавшиеся тогда перемены приведут к социально-экономическому спаду, институциональному хаосу, стремительному развитию теневой экономики, возрождению добуржуазных форм личной зависимости и насилия (криминал, коррупция, «вассалитет», «бизнес по понятиям») при феодально-монополистической концентрации капитала и, как закономерное следствие, – к восстановлению авторитаризма.

Развертывание названных трансформаций в контексте не просто неолиберальной глобализации, а новой протоимперской формы гегемонии крупнейших транснациональных корпораций, сращенных со сверхгосударствами (США в XXI веке – это не одно из государств, это – протоимперия, так же можно охарактеризовать и находящийся в кризисе, но пока еще мощный блок ЕС), подводит к вопросу: каким может быть геополитический и геоэкономический проект, хоть в чем-то наследующий достижения СССР и во многом единой с ним Мировой социалистической системы?

Берусь утверждать, что для сложившейся сегодня в мире системы отношений гегемонии глобальных игроков Россия и ее соседи нужны исключительно как экономические пространства, на которых расположены большие сырьевые ресурсы, потенциально квалифицированная (легко обучаемая) рабочая сила, немалые рынки сбыта и... все.

В той мере, в какой это утверждение справедливо, у нашей страны имеется три потенциальных сценария будущего геоэкономического и геополитического бытия.

Сценарий первый. Белоруссия, Казахстан, Россия, Украина и др., ничего не изменяя в господствующих ныне в наших странах социо-политико-экономических системах, пытаются создать союз примерно одинаковых по своим параметрам (сырье + устаревший, но реальный промышленный потенциал + ядерное оружие + большая территория) экономических систем. Однако при сохранении господства частно-государственных сырьевых и финансовых кланов, поддерживающих ту или иную (более или менее социальную, более или менее прозападную) форму мягкого авторитаризма с демократическими вывесками, этот сценарий возможен только в одном виде. Это может быть исключительно мягкое и крайне зависимое от политической конъюнктуры во входящих в него странах объединение, имеющее главным образом пропагандистские цели (то есть то, что мы до сих пор и имеем). С экономической точки зрения мы, будучи в основном одинаковыми, являемся скорее конкурентами, нежели сторонами, которым выгодна кооперация. Для сырьевых корпораций и сращенных с ними государственных структур, равно как и для спекулятивного финансового капитала, главный интерес состоит в том, чтобы как можно более выгодно продаваться на мировых рынках. Создать монополистический (или хотя бы олигополистический) союз экономики постсоветского пространства не могут, ибо давно уже проиграли торговые войны другим странам с аналогичным уровнем развития.

Замечу: при сохранении существующей социо-политико-экономической модели можно было бы гипотетически предположить иную модель – империю, созданную на основе подчинения всех участников одному центру – то ли Москве, то ли Астане, то ли Киеву, то ли Минску... Но такой вариант, к счастью, ныне политически невозможен, иначе центром подобной империи стал бы Пекин.

Сценарий второй. Модель государственно-олигархического капитализма в наших странах сменяется на праволиберальную. В экономике происходит отказ и от формального, и от теневого государственного регулирования, рынки еще больше открываются. Очевидно, что в случае реализации этого сценария (маловероятного, но возможного в некоторых из наших стран) постсоветская интеграция становится не нужна ни одному из имеющих власть экономико-политических субъектов.

Сценарий третий. В наших странах происходит алкаемое нынешней российской державной оппозицией продвижение к белорусской модели (ее слагаемые хорошо известны: бюрократически организованный и государственный сектор + ограниченный в своем развитии частный капитал + патерналистски ориентированный авторитаризм). Эта модель – если не карикатура, то дружеский шарж на СССР конца 1970-х годов, только существенно более продвинутый в сторону капитализма и рынка. В этом случае возникают некоторые основания для «дружбы против»:

Для глобальных игроков Россия и ее соседи нужны исключительно как экономические пространства, на которых расположены большие сырьевые ресурсы, легко обучаемая рабочая сила, немалые рынки сбыта и… все.

наши страны оказываются в явном враждебном окружении господствующих в современном мире глобальных игроков, и мы вновь попадаем в тот же тупик, в который вошли в позднебрежневское время.

Кратко поясню и аргументирую этот неочевидный тезис. «Белорусская модель» при всех ее социально-привлекательных сторонах (особенно по сравнению с российским криминально-олигархическим строем) и способности продавать за рубеж не столько сырье, сколько трактора, автомобили и оборудование исто-

Самотлорские нефтяные вышки

рически устарела еще в 50–60-е годы XX века. Уже тогда выигрывать (или хотя бы достойно участвовать) в мировой геоэкономической, геополитической и, главное, интеллектуальной гонке можно было, только работая на опережение в ключевых сферах прогресса: образовании, культуре, науке, высоких технологиях. Именно прорывы в указанных областях позволили Советскому Союзу в середине XX века стать не только ядерной, но и научной, культурной, образовательной державой.

Повторю: частичная реставрация СССР в рамках этого сценария теоретически возможна, но исторически регрессивна, к тому же политически крайне маловероятна.

То есть сценарии, ориентированные то ли на уход от СССР к тому или иному существующему «стандарту» социо-политико-экономической организации, свойственной для капиталистических стран полупериферии (нынешняя или праволиберальная модели), то ли на те или иные половинчатые попытки восстановить «рыночно-подправленный» СССР («белорусская модель»), ничего похожего на новую геополитическую и геоэкономическую интегративную систему, способную предложить реальную альтернативу нынешнему миропорядку, дать не могут.

Новый сценарий новой интеграции

В начале текста я постарался кратко обосновать вывод: Советский Союз развалился не потому, что его предал Горбачев, и не потому, что иной строй, кроме капитализма, в принципе невозможен. Он распался потому, что характерная для нашей страны мутация нового социо-политико-экономического проекта (назовем его алым) зашла в тупик. Исчерпала свой потенциал.

Из этого тупика было три выхода.

Первый: революционный поворот назад (в нашей стране он мог быть и был реализован частично и опять же в мутантном виде: вместо «классического капитализма» по Гайдару Россия получила криминально-олигархический полукапиталистический строй по Черномырдину–Путину).

Второй (реализуется в Китае): траектория государственно-капиталистического полупериферийного догоняющего развития.

Третий: революционное избавление от мутаций алого проекта. Последний оказался политически нереален и не состоялся.

Однако именно этот третий сценарий вновь и вновь оказывается на повестке дня как вызов будущего, бросаемый народам нашей страны и ее союзников. Точно так же, как начиная с первых побед в Северной Европе XVI–XVII веков капиталистический проект неизбывно взывал к своему воплощению, порождая серии революций и реформ.

В нашем случае этот – алый – проект предполагает постепенное, но неуклонное продвижение к новым сферам новой интеграции новых акторов.

Что касается новых сфер развития интеграции, то, **во-первых**, в постсоветском пространстве традиционно сохраняются два ключевых фактора интенсивного общественного развития постиндустриальной эпохи – природа и культура. Расшифруем. Природа – это не только и не столько сырьевые ресурсы, сколько экологически чистые биогеоценозы (лес – значит воздух, вода, природные заповедники и т.п.). Культура – это прежде всего не массовая культура как один из наиболее быстро растущих глобальных рынков, а «человеческие качества» и сферы, их развивающие и воспроизводящие: образование, наука, накопленные столетиями нормы жизнедеятельности и достижения искусства.

Именно это и есть условие формирования творчески активного человека-новатора, который единственно может стать и станет в ближайшем будущем главным источником прогресса. И точно так же, как для индустриального общества главной сферой модернизации было массовое производство машин, для постиндустриального общества такой сферой становится всеобщее «производство» человека-новатора. (Подчеркнем – не профессионала-исполнителя, а именно творчески активного субъекта создания ноу-хау во всех областях общественной жизни: от высоких технологий для сельского хозяйства и промышленности до новых форм образования и воспитания, социальной организации и управления.) Субъект, заинтересованный в такой модернизации, в наших странах объективно существует: новое поколение активно тянется к образованию, причем на первых курсах вузов (пока «проза жизни» не задавит исходные мотивы) знания и способности как таковые выступают для студентов не меньшим мотивом получения образования, чем будущий доход и карьера. Следовательно, дело за «малым»: сформировать такие экономические и общественные отношения, в которых культура и талант человека, реализуемые в любой сфере общественно-полезной деятельности (а не только в бизнесе и финансах), гарантировали бы достойное качество жизни и общественный престиж.

Во-вторых, в нашем обществе подспудно зреет понимание того, что Родина (Россия ли, Украина ли...) все больше вползает в исторический тупик, выход из которого в

Кадр из фильма«Сталкер». Режиссер Андрей Тарковский. 1979

принципе есть, но нынешней властью не реализуется. Большинство глухо ропщет (неявно выражая свой протест против исторически бесперспективной траектории эволюции экономики и общества) и, как всегда бывает в подобных случаях неосознанности проблемы, ищет альтернативы в прошлом, выбирая простейшую траекторию ностальгии и консерватизма.

Но новое поколение нового общественного слоя реальных и потенциальных наемных рабочих массовых профессий постиндустриальной эпохи (прежде всего учителя, врачи, инженерно-технический корпус, социальные работники и творчески-активная часть «традиционного» пролетариата) в силу своего «социального рефлекса», неосознанных объективных общественных интересов не принимает консервативный курс как реальную альтернативу. Оказываясь в стратегическом тупике, они уходят от проблем социальной бессмысленности жизни в мещанскую серость и/или суициды, в том числе среди «благополучных» детей.

Альтернативой может быть только конструктивный новый курс, очевидно нацеленный в будущее и социально-востребованный (не обязательно властью – оппозиция

В нашем обществе подспудно зреет понимание того, что Родина (Россия ли, Украина ли…) все больше вползает в исторический тупик, выход из которого в принципе есть, но нынешней властью не реализуется.

иллюзии осмысленности и социального действия. Отсюда пандемии таких форм псевдотворчества, как рок- и спортфаны, или просто уход от жизни в «виртуалку», алкоголизм, наркотики. А там и самый край – массовые молодежные

здесь даже предпочтительнее). Эта альтернатива может быть и будет (рано или поздно) привнесена во все более жаждущее ее общество той или иной социальной силой – «прогрессорами» (выражаясь языком Стругацких) или «регрессора-

ми» (а это уже из творчества Лукьяненко).

В-третьих, в наших странах все еще имеются интеллектуальные силы для того, чтобы предложить конструктивные альтернативы (именно так – во множественном числе) демократическими методами модернизационного проекта, выводящего наши страны на траекторию прорыва в постиндустриальное будущее, а не на обочину «периферийной империйки».

Стратегической целью является глобальное культурное лидерство: речь идет о стратегии и тактике очарования мира подлинной культурой, о развертывании науки, искусства, воспитания, общения, диалога с природой и с другими людьми как альтернативе потребительству, массовой культуре, манипулированию.

Эти альтернативы не постулируются как благопожелание, а выводятся на базе широкомасштабных исследований основных тенденций развития технологий и общества, а также тщательного анализа объективных интересов реальных «пассионарных» сил нашей страны.

Хорошо известно, что научно-обоснованная стратегическая цель (в отличие от основанной на вере утопии) является важнейшим компонентом мобилизации исполнителей долгосрочного проекта. Для наших стран такой целью, как видно из сказанного выше, является глобальное культурное (в подлинном смысле слова: включая сюда образование, науку, высокие технологии, решение природоохранных и социальных задач) лидерство. Заметим, что слово «лидерство» мало подходит для обозначения существа этой стратегии. Речь идет не о внешнем насильственном воздействии, а о стратегии и тактике очарования мира подлинной культурой, о развертывании науки, искусства, воспитания, общения, диалога с природой, самостоятельного критического освоения мира Человеком в его коммуникациях с другими людьми как альтернативе потребительству, массовой культуре, манипулированию.

А теперь от исторических параллелей и долгосрочных утопий вернемся к реалиям начала XXI века.

Вынося на передний план развитие таких сфер прорыва в постиндустриальное общество, как воспитание и образование, наука и высокие технологии, искусство и природоохранная деятельность, управление и социальная работа, мы должны все же конструктивно, а не образно, ответить на ряд вопросов. Например, о производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции, о судьбах работников этих секторов, о способах обеспечения конкурентоспособности нашей открытой (эту модальность мы обосновали еще в начале текста) экономики в глобальной среде и о социально-экономических механизмах реализации этой стратегии. И, конечно, о том, кто и почему окажется способным и заинтересованным ее реализовать.

Ответы на все эти вопросы (кроме последнего) есть. Коротко их формула проста: реализация долгосрочных общественно-государственных стратегических программ приоритетного развития открытых миру образования, фундаментальной науки, социальных и экологических инноваций – в экономике, при сокращении роли государства и усилении гражданского общества в политике.

Такова программа-минимум, и она общеизвестна среди «розовых» и «алых» и в Европе, и в США, и в Латинской Америке. Но не в постсоветских странах.

И все же эта программа, как правило, либо вообще не воспринимается, либо воспринимается как утопия.

Илья Глазунов. Вклад народов СССР в мировую культуру и цивилизацию. 1980

Борис Ольшанский. Купава

Почему?

Именно потому, что нет вразумительного ответа на последний вопрос, ибо только поняв, какие общественные силы способны реализовать новый проект, мы сможем уточнить и конкретные параметры последнего. Более того, новый субъект сам востребует новых разработчиков и реализаторов этого проекта. Подобно тому, как буржуазия вызвала из небытия к жизни таланты тысяч техников, инженеров и путешественников, новый социальный субъект вызовет к жизни таланты миллионов педагогов, ученых, художников и «садовников».

Так кто же он – этот новый субъект?

Толкового ответа на этот вопрос нет. Прежде всего потому, что его не там ищут.

Ответ на вопрос о социально-политических силах модернизации ищут «там, где светло, а не там, где потеряли», – среди реально существующих политических элит. И тут обычно уповают на два субъекта. Либо на олигархов (они уже по большому счету проиграли первый раунд и взять реванш в третьем сами по себе могут разве что в рамках «коричневого» проекта – тоже исторически тупикового). Либо на государственную бюрократию (она второй раунд выиграла, но переход экономики и общества к новому качеству роста обеспечить не может).

Прорыв в областях культуры и экологии может быть сделан только миллионами активных учителей, студентов, инженеров, врачей, «садовников» в союзе с возвысившимися до защиты хотя бы своих собственных интересов рабочими материального производства.

Искать же надо там, где есть силы (пусть пока потенциальные), заинтересованные в переходе к новому качеству развития.

Такими силами не может быть вообще никакая элита. Общедоступное образование и культура плюс чистая природа – это ресурсы развития, в которых заинтересованы широкие творчески-активные круги общества, а не элита. И без активного включения в освоение этих ресурсов этой части общества проблема в принципе не может быть решена. Прорыв в областях культуры и экологии может быть сделан только миллионами активных учителей, студентов, инженеров, врачей, «садовников» в союзе с проснувшимися и возвысившимися до защиты хотя бы своих собственных интересов рабочими материального производства.

Вот почему мы беремся утверждать, что в наших странах объективно существует возможность качественно нового модернизационного проекта – открытого культурного (в единстве образования, науки, высоких технологий, искусства и экологии) лидерства на базе развития сильного гражданского общества.

Есть для этого проекта достаточные социально-политические предпосылки в современной России – но это уже тема для другого разговора.

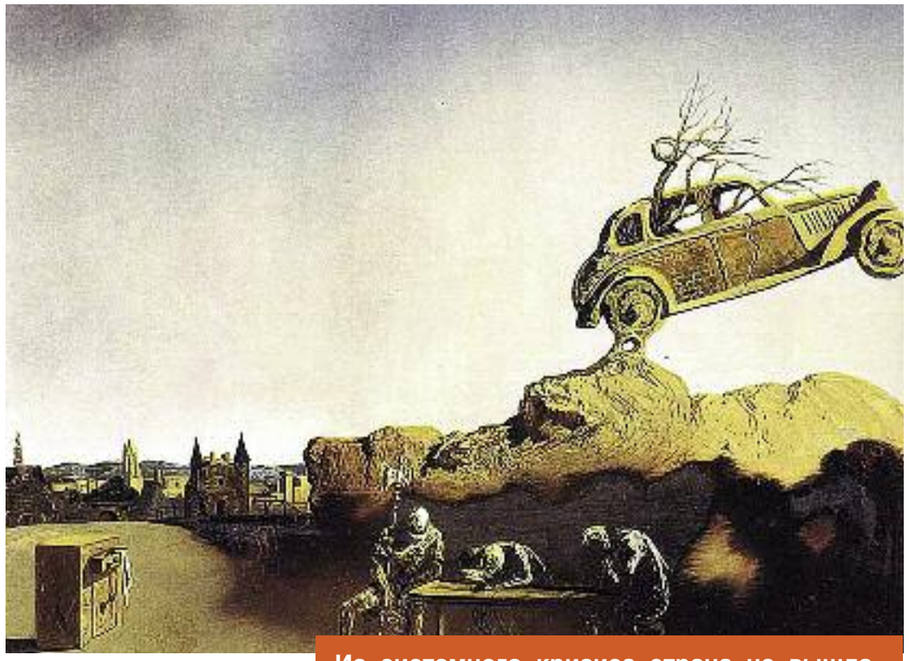
Владимир Евгеньевич Лепский –
доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН

Субъектно-ориентированный анализ проблем интеграционного проекта для **Евразии**

Проект Евразийского союза – это проект развития и обеспечения безопасности его участников. К России – как к инициатору проекта, самому экономически крупному его участнику и потенциальному лидеру формирования нового центра многополюсного мира – должны предъявляться повышенные требования. Однако Россия в том состоянии, в котором она сегодня находится, не способна организовать собственное развитие, а значит – стать образцом для участников интеграционного проекта и организовать сборку коллективного субъекта Евразийского проекта. Прежде чем серьезно браться за этот проект, необходимо преодолеть бессубъектность российского развития. В противном случае работа над Евразийским союзом сведется к многолетним «трубным процессам» в коммерческих интересах владельцев приватизированных ресурсов, что наглядно было продемонстрировано на примерах создания союза с Республикой Беларусь и взаимодействиях с Украиной. Но если Россия действительно сосредоточится, то сможет преодолеть системный кризис, в котором оказалась в начале XXI века, и сумеет успешно реализовать интеграционный проект для Евразии – как миропроект в интересах и его непосредственных участников, и всего мирового сообщества.

Сегодня Россяи не способна организовать свое собственное развитие, и едва ли сможет стать образцом для участников интеграционного проекта и организовать сборку коллективного субъекта Евразийского проекта.

Себастьян Вранкс.
Притча о слепых



Сальвадор Дали. Явление города Делфта. 1936

Из системного кризиса страна не вышла. Нарастающий поток угроз безопасности России обусловлен системной дезорганизацией государства и общества в целом.

Проблема бессубъектности российского развития

На сегодняшний день очевидно, что с начала перестройки во властной элите не было социально ответственных субъектов, ориентированных на российское развитие. Организаторы и продолжатели перестройки методом проб и ошибок привели страну к чиновничьему беспределу и мировому лидерству по показателям коррумпированности, а не к демократии. В итоге мы получили культ денег, обогащения и наживы, который, похоже, будет самым тяжелым испытанием для России, поскольку он подрывает субъектность ее развития.

В начале века удалось добиться относительной социальной стабильности, укрепления властной вертикали, сравнительно скромного и весьма неустойчивого экономического роста. Однако из системного кризиса страна не вышла. Нарастающий поток угроз безопасности России обусловлен системной дезорганизацией государства и общества в целом. Отметим отдельные ее признаки:

- государство не является четко выраженным субъектом управления и развития, оно не сформировало стратегию развития (понимаемую и принимаемую большей частью населения) и не обеспечило нормальных условий жизни своим гражданам и соблюдения их основных конституционных прав;
- существенную роль в управлении всеми сферами экономики и общественной жизни играют коррумпированные чиновники, криминал и другие асоциальные элементы;
- «средний класс» атрофирован, дезорганизован, не включен в реальные механизмы управления и развития;
- политические партии и движения в основной своей массе имеют бутафорский характер;
- общественные (неполитические) образования и структуры гражданского общества слабо организованы и практически не влияют на социальные процессы;
- граждане в подавляющем большинстве социально пассивны, имеют трудноразрешимые проблемы с самоидентификацией (государственной, этнической, семейной и др.).

Надо лечить главную болезнь России – бессубъектность. Эта болезнь поразила в той или иной степени всех основных участников реформационного процесса (государство, общественные и политические сообщества, социальные институты). Главные ее симптомы:

- блокировка рефлексии;
- неспособность адекватно воспринять и оценить сложившуюся ситуацию, подняться над нею, самоопределиться и самоидентифицироваться;
- отсутствие смелых, хорошо обдуманных прорывных идей и готовности, умело взаимодействуя с другими субъектами, их реализовать.

Указанные симптомы грубо и зримо проглядывают в образе мышления и способах действий всех основных субъектов современной России, в том числе и власти, что фиксируется аналитиками.

Бессубъектность многолика и по-своему отражается на деятельности всех участников процесса российской трансформации.

Несмотря на огромные полномочия, управленческие возможности высшего руководства страны весьма ограничены. Оно вынуждено часто идти за ходом событий, а не формировать и менять ситуацию в соответствии со своим видением и пониманием происходящего в стране.

Российская бюрократия, бесспорно, могущественна и почти бесконтрольна. Чиновничий аппарат, осознав свою автономность и независимость от общества, присвоил себе права и функции господствующего класса и правящей партии. Бюрократия не заинтересована в серьезных изменениях и переменах.

Российское бизнес-сообщество разделено на две совершенно различные по интересам группы. Первые хотят строить бизнес в России, работать на перспективу и передать свое дело детям. Это представители национально ориентированного бизнеса. Вторым интересна лишь скорейшая прибыль и вывоз капитала, долгосрочные инвестиции их мало волнуют – им важнее продажа своих активов международным корпорациям и собственная «легализация» на Западе.

Россияне переживают острый экзистенциальный кризис: не понимают, для чего и зачем им жить. Когда шла борьба за повседневное выживание, было не до души, но стоило ситуации улучшиться – и резко повысился интерес к проблемам смысла жизни. Без решения этих проблем нет оснований ожидать активности населения, направленной на развитие, бессмысленно рассчитывать на самоопределение населения в качестве субъекта такого развития.

Для преодоления бессубъектности населения необходимо осознать механизмы формирования подобного состояния и обеспечить их нейтрализацию. Как это ни прискорбно для властной элиты, но следует признать, что бессубъектность населения в значительной степени сформировалась под воздействием государства в лице коррумпированных чиновников.

Проблемы формирования субъектности российского развития

Начнем с очевидного вопроса: способна ли так называемая вертикаль власти стать субъектом российского развития, в состоянии ли она мобилизовать общество и тем более другие мировые субъекты на проекты развития? К сожалению, ответ на этот вопрос отрицательный.

Несмотря на огромные полномочия, весьма ограничены управленческие возможности у высшего руководства страны, оно вынуждено часто идти за ходом событий, а не формировать и менять ситуацию в соответствии со своим видением и пониманием происходящего в стране.

Во-первых, она в значительной своей части – не вертикаль власти, а горизонталь преклонения перед «силой» денег. Зачем что-то менять коррумпированному чиновнику? Зачем лишаться сложившихся персональных финансовых потоков от нефти,

Питер Брейгель Старший. Сребролюбие. Около 1560

газа, металла, леса и других источников «доходов»? Ведь развитие потребует высококвалифицированных управленцев, а подавляющую часть действующих некомпетентных чиновников сдует ветром перемен с насиженных мест. И неизбежно встанет вопрос: кто незаконно обогатился на развале могущественной страны, обнищании и вымирании народа? Интересы ориентированных на экспорт производителей и их обслуги самым тесным образом связаны с внешними центрами силы. Они обеспечивают и поддерживают иные цивилизационные проекты – тем более при отсутствии собственного – российского – проекта развития.

Во-вторых, имеющаяся у нас вертикаль власти в принципе неспособна к разработке стратегии российского развития, поскольку в ней попросту отсутствуют стратегические субъекты. Такие субъекты в ней и не предусмотрены, так как они неминуемо порождали бы ту прозрачность, которая совсем не нужна коррумпированным чиновникам.

Вертикаль власти в значительной своей части – не вертикаль власти, а горизонталь преклонения перед «силой» денег. Интересы ориентированных на экспорт производителей и их обслуги самым тесным образом связаны с внешними центрами силы. Они обслуживают и поддерживают иные цивилизационные проекты в отсутствие собственного – российского – проекта развития.

В-третьих, вертикаль власти только кажется управляемой по вертикали. Эффективная управляемость при высоком уровне коррупции чиновников невозможна, ибо в этом случае финансовые интересы отдельных групп и ведомств доминируют над интересами государства и общества.

Для преодоления болезни бессубъектности необходима консолидация всех созидательных сил общества, готовых принять активное и конструктивное участие в осуществлении проекта создания процветающей России.

Главная задача в сложившихся кризисных условиях должна быть связана с построением **стратегической вертикали власти**, способной перейти от стихийных действий по развалу страны к проектной работе по ее развитию. Необходимо объединить усилия государства и общества, прекратить их противостояние и дальнейшее дистанцирование друг от друга. Для этого нужны специальные технологии и проекты формирования и соорганизации стратегических субъектов российского развития.

Питер Брейгель Старший. Вавилонская башня. 1563

Нами 10 лет назад была выдвинута идея создания **второго контура стратегического управления и развития страны**, гармонично сочетающего иерархический и сетевой принципы. Контура государственно-общественного под непосредственным руководством президента РФ, контура с полномочиями выше ведомственных структур исполнительной власти. Эта идея была одобрена некоторыми политическими тяжеловесами, доложена в администрации президента РФ, Совете безопасности РФ и некоторых других ведомствах. Но заинтересованность в развитии в те годы явно отсутствовала. Идея не устарела и сегодня, более того, представляется, что это практически единственный путь перейти к развитию без революционных катаклизмов, исключительно реформированием механизмов управления и развития.

Вертикаль власти только кажется управляемой по вертикали. Эффективная управляемость при высоком уровне коррупции чиновников невозможна, ибо в этом случае финансовые интересы отдельных групп и ведомств доминируют над интересами государства и общества.

За прошедшие десять лет проведены научные исследования и на основе субъектно-ориентированного подхода разработаны социогуманитарные технологии, которые могли бы лечь в основу организации второго контура стратегического управления и развития страны. Среди них:

- разработка современных субъектно-ориентированных социогуманитарных технологий стратегического проектирования и стратегического аудита;
- создание методологии и механизмов «сборки» субъектов развития;
- проектирование моделей активных сред инновационного развития, ориентированных на множественные распределенные источники инноваций, «нелинейную модель инноваций»;
- выстраивание методологии и технологий переориентации национальной безопасности с доминирующей «окопной» логики защиты от угроз на логику обеспечения способно-

сти субъектов к развитию в динамично изменяющемся окружающем мире;
- разработка методологии и механизмов организации пространства знаний инновационного развития и навигации в нем;
- институционализация разработки и внедрения социогуманитарных технологий стратегического проектирования.

Без преодоления бессубъектности развития у России нет шансов успешно реализовать жизненно важный интегративный проект для Евразии. Более того, только встав на путь развития, Россия сможет избежать крайне нежелательных для общества революционных преобразований.

Проблемы сборки коллективного субъекта евразийского проекта

Для того чтобы избежать ошибок при создании союзов подобного типа (в частности, ЕС, Союзного государства с Республикой Беларусь и др.), необходимо обратить серьезное внимание на проблему сборки участников будущего ЕАС в коллективный субъект. Понятие «сборка субъектов» новое и введено для объединения разнородных представлений и технологий соорганизации субъектов в целостный социальный субъект. Проблема сборки субъектов в экономическом и политическом контексте явно не обозначена, она как бы решается сама собой. Вместе с тем накопленные наработки в смежных областях научного знания (философии, психологии, социологии, кибернетике, синергетике и др.) и практических приложениях (космос, военные системы, спорт, культовые организации и др.) дают основания утверждать об актуальности этой проблемы для широкого спектра организации социальных процессов, в том числе и для сборки субъектов мирового сообщества.

Базовые основания Евразийского союза: общие ценности, определяющие видение будущего; общность культурная, в том числе общность русского языка; согласованность социальных целей, ориентированных на общее благоденствие и развитие, на защиту от угроз суверенного существования стран и народов.

Рассмотрим отдельные параметры сборки субъектов, принципиально важные в контексте интеграционного проекта для Евразии.

Параметры сборки субъектов – это коллективная переменная функция многих входящих в нее других переменных в анализе сложных самоорганизующихся систем сборки субъектов. Функция, дающая важную информацию о поведении последних как сложно структурированных целостностей. Будем выделять две группы параметров сборки субъектов: базовые основания для сборки субъектов и базовые факторы, влияющие на процессы сборки субъектов.

Базовые основания для сборки субъектов определяют ведущие мотивы субъектов в их ориентации на процессы сборки. Среди такого рода оснований в первую очередь следует выделить общность ценностей, общность культуры, общность целей, а также комплексные основания, формируемые, например, в процессах «проектной идентификации». Что касается **базовых оснований для сборки субъектов проекта Евразийского союза**, то они не должны ограничиваться экономическими интересами. Эту позицию разделяют в том числе и многие известные экономисты. Ведущими основаниями должны быть:
- общие ценности, определяющие видение будущего человечества и своих народов;
- культурная общность, сложившаяся в прошлые столетия, в том числе общность русского языка;
- согласованность социальных целей, ориентированных на общее благоденствие и развитие, а также на защиту от угроз суверенного существования стран и народов.

Комплексность оснований сборки субъектов должна быть воплощена через проектную идентификацию. Евразийский союз должен быть представлен как миропроект, гармонично объединяющий все аспекты ценностных и целевых ориентаций и задающий мировоззренческие горизонты его участников.

Базовые факторы, влияющие на процессы сборки субъектов – это факторы (группы факторов), наиболее значимые для процессов сборки субъектов, влияние которых изучено в различных областях знания. Среди базовых факторов, влияющих на процессы сборки субъектов проекта Евразийского союза и на образ сформированного коллективного субъекта:
- инициаторы сборки субъектов;
- функциональная целесообразность сборки;
- специфика взаимодействия субъектов (особенности коммуникаций, организация рефлексивных процессов, модерируемость взаимодействий, специфика лидерства, доминирующие этические системы в отношениях между субъектами, межгрупповые отношения и взаимодействия, организация «пространства доверия»).

По каждому из этих факторов можно дать развернутые предложения для организации процессов успешной сборки субъектов Евразийского союза и достижения адекватных качественных показателей коллективного субъекта.

При формировании Евразийского союза надо не торопиться, но аккуратно делать небольшие шаги, осторожно включать новых участников и создавать адекватные наднациональные структуры. Следует внимательно изучить опыт ЕС и СНГ.

Евразийский союз как миропроект (миропроектная идентификация участников)

Интеграционный проект для Евразии, как он представлен в статье Владимира Путина, является региональным проектом. В современном мире с ярко выраженной монополярностью нет гарантий безопасности любого регионального проекта. Организаторы того или иного проекта могут быть невзначай отнесены либо к «оси зла», либо к субъектам с недостаточной степенью развития «демократии», либо к носителям какого-либо вида оружия массового поражения, либо просто не понравиться... Необходимым условием безопасности проекта для Евразии – а соответственно гарантии суверенитета субъектов-участников такого проекта – является представление его как миропроекта. При этом одна из основных целей миропроекта должна быть ориентирована на установление паритетного баланса планетарных центров влияния. По отдельности потенциалы участников евразийского проекта не позволят (по крайней мере, в среднесрочной перспективе) создать паритетный полюс мирового влияния. Поэтому евразийский проект должен быть изначально ориентирован на установление стратегического партнерства с другими региональными проектантами. Сходную точку зрения разделяет и Александр Дугин, который утверждает: «Евразийский союз возможен только в радикально новых условиях интернациональной системы».

Это никоим образом не должно пониматься как стремление к конфронтации со сложившимися лидерами мирового сообщества. Напротив, сотрудничество с ними позволит гармонизировать мир и будет способствовать установлению партнерских («субъект–субъектных») отношений с теми, которые сегодня рассматривают международные отношения через призму «субъект–объектных» представлений, через сложившиеся в их интересах механизмы «неэквивалентного обмена».

Россия, выступая инициатором интеграционного проекта для Евразии, должна сориентировать участников этого проекта стать коллективным инициатором миропроекта с условным названием «Восточный вектор развития». В центре внимания указанного миропроекта окажутся процессы консолидации и интенсивного развития некоторых региональных проектов и международных организаций (например, БРИКС, ШОС и др.), а также поиск новых форм партнерских отношений с Японией, исламским миром, Латинской Америкой и др. А миропроектная идея Евразийского союза может быть представлена как построение общества развития на основе социальной справедливости и гармонии мира.

Россия, выступая инициатором интеграционного проекта для Евразии, должна сориентировать участников этого проекта стать коллективным инициатором миропроекта с условным названием «Восточный вектор развития».

к теме

Михаил Гарбуз, председатель партии «Патриоты Молдовы»

Вхождение Молдовы в Евразийский союз ускорит объединение исторических территорий Молдовы. Румыния и весь Евросоюз в целом находятся на грани социально-экономического краха. Западная модель развития, построенная на потреблении и финансовых играх, показала свою несостоятельность. Сегодня у народа Молдовы за Прутом появилась уникальная возможность вернуться к восточному вектору развития в составе единого государства под знаменем Штефана чел Маре. Восторжествует историческая справедливость – монастыри и храмы, построенные умелыми руками молдавских и российских мастеров под руководством Великого Штефана – господаря Молдавского государства, будут возвращены в состав Молдавского государства и Русской православной церкви, так, как это и было изначально.

Официальный сайт партии «Патриоты Молдовы», 2 декабря 2011

Василий Михайлович Симчера – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор НИИ статистики Федеральной службы государственной статистики (2000–2010 гг.), вице-президент Российской академии экономических наук, главный редактор журнала «Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда» (1999–2005 гг.), руководитель отдела статистики взаимной торговли стран-членов Таможенного союза ЕврАзЭС

Почему буксует **интеграция**

(опыт критической оценки ненаблюдаемых барьеров)

На смену былому Великому шелковому пути в рамках формируемого Единого экономического пространства стран ЕврАзЭС и создания Таможенного союза приходит Великий стальной путь, соединяющий Азию с Европой. Этот путь только за счет снятия таможенных барьеров и ускорения транспортировки сухопутных грузов обещает громадную экономию средств, на фоне которой практически все морские и большинство воздушных перевозок оказываются убыточными. И это убедительно подтвердил пусть не продолжительный, но весьма поучительный опыт формирования Единого экономического пространства (ЕЭП) и функционирования Таможенного союза в рамках созданного в 2000 г. Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Почему и как следует дальше двигаться по этому большому пути?

В рамках любого таможенного союза рано или поздно становится тесно – далеко не всякие формы и методы работы того или иного объединения одинаково полезны и положительно сказываются на конечных результатах развития окружающего мира. Особенно пагубный след оставляют невидимые барьеры, которые очень часто скрываются за мнимыми успехами или очевидными общими проблемами и, таким образом, умаляются или и вовсе игнорируются.

В связи с этим возникает необходимость изучения этих барьеров и переформатирования устоявшихся представлений и общих правил, их преодоления как догматических. В частности, речь идет о барьерах, связанных с сохранением протекционизма, демпинга, контрабанды, нетарифных барьеров и многих других теневых и инертных явлений в современной торговле. Прежде всего такая необходимость возникает там и тогда, где и когда речь идет о стимулировании и развитии новых мультиформатных международных структур, способных выполнять не одни только таможенные, но и комплексные расчетно-валютные, платежные, промышленные, транспортные и даже туристические функции в рамках одного и того же международного объединения. Сегодня именно такая необходимость возникла и рассматривается как ключевая странами-членами **СНГ** и **Таможенного союза** ЕврАзЭС.

Поэтому закономерно, что в рамках **сформированного к началу 2012 г. Единого евразийского экономического пространства** и создаваемого **на этой базе** Евразийского союза, объективно возникает необходимость формировать целый комплекс **других международных объединений**. Среди них союзы валютный, промышленный, транспортный, энергетический. Здесь же можно назвать и совместные структуры, нацеливаемые на регулирование общих рынков товаров, услуг, рабочей силы, материальных и финансовых активов, интеллектуальной собственности, инноваций. Перечень и других неотъемлемых комплексов, конструирующих интегрированную материальную и инфраструктурную базы этих стран, может быть продолжен. Как и в каких направлениях **в рамках создаваемых новых евразийских образований двигаться дальше, как решать встающие перед ними** современные интеграционные задачи? Ответ на этот вопрос может дать сравнительный анализ опыта, накопленного в ходе формирования интеграционных потенциалов Таможенного союза ЕврАзЭС и успешно функционирующей структуры ЕС. Исходный момент такого анализа представляет параметризация этих потенциалов. Сравнительное представление о том, что являет собою сегодня ЕС и ЕврАзЭС как предтечи априорно воображаемого Евразийского союза, каков экономический паритет между ними и как этот паритет может измениться в будущем, дают показатели, приведенные в **таблице 1**.

Данные таблицы свидетельствуют о зачаточном развитии интеграционных связей в странах Таможенного союза ЕврАзЭС и достижении зрелого их уровня в странах ЕС, что наглядно подтверждают циф-

На смену Великому шелковому пути приходит Великий стальной путь, соединяющий Азию с Европой.

Каспар Давид Фридрих. Путник над морем тумана. 1818

ры, характеризующие удельный вес этих союзов в мировой экономике. Они также говорят о наличии огромных резервов у стран Таможенного союза ЕврАзЭС к самосовершенствованию. Правда, судя по таблице, подобные резервы сокращаются. Наконец, из той же таблицы следует, что достигнутый в странах ЕС интеграционный уровень не является оптимальным.

То есть налицо разительные отличия между обоими союзами. Почему? Формируемый на базе ЕЭП Евразийский союз – объединение сугубо экономическое. А Евросоюз – устоявшееся политико-экономическое объединение. Общее у них то, что оба эти матрешечные новоязы – в принципе неоднородные образования, связывающие

Большая интеграция – это глобальное объединение и сращивание различных ресурсов и потоков транснациональных капиталов, товаров, услуг, рабочей силы и инноваций под эгидой заинтересованных государств с целью получения максимальной прибыли.

страны не только с разноскоростными, но и разнонаправленными укладами и векторами социально-экономического развития, ядра которых – их ментальные потенциалы – похожи друг на друга лишь настолько, насколько похожи друг на друга ряженые матрешки.

В том виде и с теми же многочисленными объективными и субъективными ограничениями, с которыми создавался Таможенный союз ЕврАзЭС и формировалось Евразийское экономическое пространство, на устойчивой основе и эффективно двигаться дальше вперед нельзя. И поэтому не случайно, а вполне закономерно намерение учредить новый интегрирующий международный субъект – Евразийский союз, **функции по формированию которого возложены на созданную взамен Комиссии Таможенного союза Евразийскую экономическую комиссию**.

Это образование, в отличие от многочисленных существующих аналогичных международных союзов (в том числе от того же ЕС), его инициаторами – **нынешними лидерами государств-членов ЕЭП и ЕврАзЭС** (см. опубликованные в «Известиях» осенью прошлого года статьи Владимира Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», Александра Лукашенко «О судьбах нашей интеграции», Нурсултана Назарбаева «Евразийский союз: от идеи к истории будущего») – рассматривается как принципиально новое, призванное реализовать не только экзогенные, но и многие эндогенные преимущества полномасштабной, или большой интеграции.

Сама по себе большая интеграция – это глобальное объединение и последующее сращивание под эгидой заинтересованных государств различных ресурсов. Среди этих ресурсов – транснациональные капиталы, товары, услуги, рабочая сила и инновации в форме создания различных международных промышленных, торговых, таможенных, финансовых, валютных, офшорных и других ассоциированных экономических организаций и союзов с целью экономии издержек производства и получения максимальной прибыли.

Большая интеграция – это механизм преодоления противоречий и диспропорций в развитии международных отношений путем разработки различных методов их согласования и создания на этой основе многообразных межгосударственных союзов и объединений. В еще более широком смысле – это механизм преодоления пороков и несовершенств современного мира. С сугубо экономической точки зрения, большая интеграция представляет собой механизм преодоления противоречий и диспропорций в сложившихся формах и методах международного разделения труда, порождающих нерациональное использование национальных ресурсов и неравномерное экономическое развитие.

Сама же неравномерность развития в условиях тотального господства антагонистических капиталистических противоречий в принципе непреодолима. В реальной жизни она может только смягчаться. А

Таблица 1. Сравнительные показатели экономического развития стран-членов Таможенного союза, ЕврАзЭС и ЕС в 2010 г.

Показатели	Таможенный союз	ЕврАзЭС	ЕС	Таможенный союз в % к ЕС, 2010 г.	Ожидаемые изменения к 2020 г.
Год основания	2007–2010	2000–2001	1952 1958 1993 2000 2009	Бенилюкс Общий рынок Шенгенская зона Зона евро ЕС	
Число объединяемых стран	3	5	27	5:27	12:27
Общая территория, тыс. кв. км.	20 030,7	20 373,7	4 324,7	463,2	570,0
Удельный вес в мире, %	14,6	15,8	3,2	456,3	560,0
Население, млн. человек	167,7	180,8	501,1	33,5	60,0
Удельный вес в мире, %	2,5	2,7	7,4	33,8	
Плотность населения (чел./км^2)	8,4	8,9	115,9	7,3	
ВВП, млн. USD – по обменному курсу валют – по ППС	 1 388,5 2 318,8	 1 443,1 2 410,0	 16 447,0 14 799,3	 8,5 15,7	 16,8 33,0
ВВП в расчете на одного человека, USD	8280–13827	7982–13330	29729–33052	27,9–41,8	45,1–50,0
Удельный вес в мире по объему паритетного ВВП, %	1,5	1,5	21,0	7,3	17,5
Удельный вес в добыче нефти, %	15,1	15,2	2,9	5,2 раза	3,5
Среднегодовые темпы прироста ВВП (2001–2010 гг.)	167	155	114	147	180
Процентная доля в ВВП: – инвестиций – услуг	 17,4 60,5	 17,5 58,0	 18,4 55,4	 94,6 109,2	 100 100
Удельный вес в экспорте товаров, %	2,5	2,6	37,9	6,6	18,0
Прирост ВВП за счет фактора внешней интеграции, %	4,5–7,5	4,1–7,0	2,7–3,1	166,7–242,0	110,0–120,0
Ставка рефинансирования, %	8,5	8,1	2,4	354,2	100
Бюджетный дефицит, %	– 10,1	– 10,5	0,2	– 50 раз	200
Уровень инфляции, %	8,0	8,1	1,5	6,2 раза	150
Уровень фактической безработицы, %	6,4	6,5	9,7	66,0	100
Разрыв в доходах на душу населения, тыс. USD	2,7–5,2	0,3–5,2	7–78	6,7–38,6	1,2–1,5
Из 500 крупнейших в мире ТНК на территории соответствующего союза расположено	7	7	161	4,4	25,0
Количество ежегодно публикуемых унифицированных таблиц, характеризующих социально-экономическое положение	890	450	1780	50	100,0

Приведены данные следующих статистических публикаций: Eurostat Statistical Yearbook. Data 1958–2010. European Commission. Brussels, 2011. P. 13–104; Евразийское экономическое сообщество. 2000–2009. М.: Статкомитет СНГ, 2010. С. 9–101; Содружество независимых государств. 2000–2010. М.: Статкомитет СНГ, 2011. С. 40–171; Россия и страны Европейского союза. М.: Росстат, 2009. С. 13–256.

общая причина этих противоречий в том, что капиталистическое производство в принципе не может быть эффективным потому, что не поддается организации по точному и взаимовыгодному профилю интересов производителей и потребителей. Как общественное крупное производство оно по определению не может быть индивидуализированным и персонализированным. Те же самые частнособственнические присвоение и потребление произведенных благ в условиях обобществленной стихии автоматически становятся антагонистическими и хищническими, незаконно обогащающими класс капиталистов и обделяющими класс рабочих.

В результате неизбежно возникает разрыв между производством, объемы которого растут и оказываются больше общей суммы выданных рабочим наличных денег, и потреблением, объемы которого, таким образом, умаляются и оказываются меньше объемов произведенных благ. Поэтому капиталисты богатеют, а рабочие беднеют.

Получающееся превышение объемов производства над объемами потребления (излишки товаров) или спроса над предложением (излишки денег) формируются двояко. Или искусственно (обычно спекулятивно) путем запуска в обращение избыточного количества бумажных денег. И тогда образуется превышение количества денег над количеством товаров, возникает товарный дефицит, происходит обесценивание денег, наступает инфляция, именуемая еще инфляцией спроса. Или же количество товаров превышает количество денег, появляется дефицит денег, происходит массовое обесценивание товаров, наступает инфляция, которая в этом случае именуется еще инфляцией производства, или предложения. Излишки товаров порождают дефляцию денег (на валютных рынках – ревальвацию), то есть рост их стоимости, а излишки денег – другую дефляцию, или дефляцию стоимости товаров, то есть рост потребительских цен. Когда разрывы между рассматриваемыми переменными достигают апогея, говорят о кризисе производства или кризисе спроса и потребления.

Частным случаем избавления от излишков (товаров или денег) является реализация их вовне, стимулирующая внешнюю торговлю и другие формы международных связей. Однако проблема кризиса ни в том, ни в другом случае не решается. Если в первом случае мы отодвигаем момент наступления кризиса во времени, то во втором – в пространстве. Но и в том и в другом случае в равной мере мы имеем дело с искусственным решением проблемы, которая вне устранения изложенного общего противоречия капиталистического способа производства в принципе не может быть снята.

Кризис – это бренд капитализма, его родимое пятно и имманентное свойство, это искусственное ограничение спроса или предложения, производства или потребления, противное законам жизни, основанным на принципах естественного отбора.

Понятно, что настоящая интеграция не может строиться на таких искусственных, граничащих с преступными, спекулятивных и эгоистических посылках и ограничениях. Она в принципе не приемлет и должна нивелировать образующиеся излишки. Но не излишки, которые порождаются антагонистическими причинными противоречиями между капиталистическими формами производства и потребления. Эти излишки снимаются лишь путем смены самих этих форм производства и потребления. То есть интеграция должна рассматриваться как естественная форма содействия минимизации национальных издержек производства и уже только затем и только на основе повсеместного обеспечения минимальных издержек на местах – как отлаженный и совершенный международный механизм и орудие получения наднациональных сверхприбылей за счет оптимизации международного разделения труда.

Международная интеграция, представляющая собой концентрированное выражение положительных эффектов международного разделения труда и комбинации лучших образцов научно-технического прогресса, казалось бы, должна гарантировать самые низкие издержки производства и цены. Между тем, вопреки ожиданиям, мы на самом деле сплошь и рядом сталкиваемся с прямо противоположными, предельно высокими и непрерывно растущими мировыми издержками и ценами. Почему?

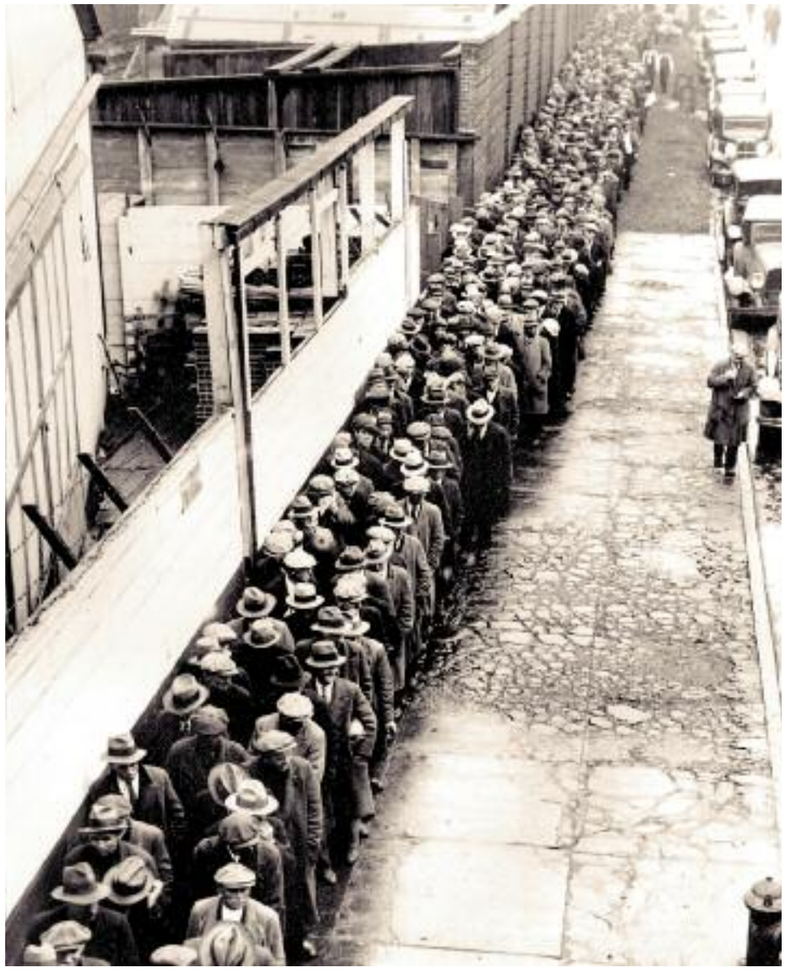
Причины этого странного экономического парадокса надо искать в существующем коренном противоречии между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения и потребления. Внешняя торговля как наиболее распространенная форма интеграции является механизмом поглощения избыточного продукта, представляющего своего рода отходы, или брак национального производства, увеличивающий его высокие издержки и цены.

Поэтому не случайно, а скорее закономерно, что в странах интеграции, в том числе в Таможенном союзе ЕврАзЭС как последнем новом международном интеграционном образовании цены растут, а физические объемы остаются на месте или даже падают.

Поскольку вся внешняя торговля (и шире – вся интеграционная деятельность) выстроена на этом искусственно образуемом излишке национального продукта, она изначально всегда и везде убыточна. Именно поэтому ее цены (по сравнению с соответствующими национальными ценами) всегда и везде завышены, а физические объемы растут на искусственной основе или вовсе не повышаются.

Как преодолеть этот удручающий феномен фактического роста цен при объективно обусловленных условиях их падения, с одной стороны, и падение физических объемов производимых благ при объективных предпосылках их роста, с другой стороны? Единственно перспективный путь здесь – отказ от нынешних неоднородных противоречивых и кустарных форм интеграционной деятельности и переход на создание современных крупных международных объединений и союзов в оптимальных границах, обеспечивающих решение всех в совокупности современных и будущих международных проблем по точному профилю однородных задач в упреждающем режиме и с гарантированной эффективностью.

Необходимы новые подходы к интеграции, основанные на законах естественного отбора, формирование новых полюсов в современной мировой экономике, одним из которых сегодня как раз и представляет-



Великая депрессия в США. 1929

Кризис – это бренд капитализма, его родимое пятно и имманентное свойство, это искусственное ограничение спроса или предложения, производства или потребления, противное законам жизни, основанным на принципах естественного отбора.

к теме

Андрей Фурсов,
директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета

Нам надо создавать своё Имперопободное Образование, как бы оно ни называлось: историческая Россия или Евразийский союз – это наш единственный, хотя далеко не беспроблемный шанс. Имперопободные образования – это наднациональная власть, суперконцерн и орден одновременно, комбинирующие институционально-иерархический и сетевой принципы. Это более или менее органичные наднациональные блоки с населением не менее 300–350 миллионов человек.

Портал «Свободная пресса», 15 января 2012

ся образуемое некоторыми республиками бывшего СССР новое союзное евразийское экономическое пространство. Что собой представляет Евразийский союз? Безусловно, новый этап в интеграции этих стран, на уровне которого должны быть материализованы все необходимые и достаточные условия для обеспечения всестороннего использования их потенциалов, побужден интерес присоединения к нему других стран, разделяющих его цели, задачи и принципы работы (в первую очередь стран СНГ). На этой новой волне должна произойти инкорпорация интеграционных процессов – в том числе инкорпорация Евразийского союза в ЕС.

Успех в создании Евразийского союза возможен, если работа будет вестись на единой синхронной и скоординированной платформе, основанной на обеспечении максимально полного и эффективного использования всех имеющихся наличных ресурсов интегрируемых стран.

Успех возможен, если работа по созданию Евразийского союза будет вестись на единой синхронной и скоординированной платформе, основанной на обеспечении максимально полного и эффективного использования всех имеющихся наличных ресурсов интегрируемых стран. При этом важно, какие национальные ресурсы и резервы не используются или неудовлетворительно используются и скрываются. Необходимо идентифицировать те центробежные силы и факторы, которые нагнетают протекционизм и создают искусственные барьеры во взаимной торговле, инициируют нетарифные режимы и насаждают демпинг, контрабанду, снижение уровня конкуренции и рост издержек производства, пособничают увеличению объемов пиратской, поддельной и подпольной приграничной и других видов неформальной торговли и тем самым усугубляют и нивелируют эффекты интеграции.

В нынешней мировой торговле, объемы экспорта которой на 2010 г. зашкаливают за 14,2, а объемы импорта за 16,4 триллиона долларов, из-за действия этих отрицательных факторов теряется до половины ее общего объема. При этом доля отрицательных факторов в общем объеме мировой торговли растет, а доля положительных – падает.

Эффект решения интеграционных задач в рамках Таможенного союза в 2011–2015 гг. оценивается в 416 миллиардов долларов (из них 400 миллиардов долларов для России и 16 миллиардов долларов – для Беларуси и Казахстана). Если же планировать в масштабах ЕврАзЭС, то этот показатель увеличивается до 1,6 триллиона долларов. Названная сумма превышает нынешний годовой объем совместно произведенного ВВП, что при общем годовом взаимном торговом обороте, составившем в странах Таможенного союза в 2010 г. примерно 87,3 (в 2011 г. – 140) миллиардов долларов, звучит весьма неплохо. (В странах ЕврАзЭС с добавлением данных по Киргизии и Таджикистану эти оценки лишь ненамного больше.)

Приведенный прогноз можно было бы оценивать как крайне благоприятный, если бы не невидимые барьеры, отрицательное действие которых съедает едва ли не половину и более гипотетических эффектов интеграции этих стран в рамках Таможенного союза и предстоящей интеграции – в границах Евразийского союза. **Таблица 2** показывает, как оценивается доля отдельно взятых невидимых барьеров, отрицательно влияющих на процессы интеграции этих стран в 2011–2015 гг.

Интеграции станут эффективными только тогда, когда геометрия, состав и границы международных союзов и других образований будут формироваться на основе предварительного технико-экономического обоснования и расчета их оптимальных параметров на безубыточной основе.

Чтобы исправить существующее положение и по точному профилю и с гарантированной эффективностью добиться действенных интеграционных преобразований, в том числе и прежде всего в рамках стран ЕврАзЭС и СНГ, должны быть реализованы следующие общесистемные организационные меры.

Во-первых. На основе действующих международных стандартов учета и отчетности необходимо провести инвентаризацию и фундаментальную переоценку всех подлинных международных и национальных активов. Затем следует изъять из балансового оборота все фиктивные активы, размывающие реальные представления о современной мировой экономике и, следовательно, в принципе исключающие возможность востребованной ее реструктуризации и регулирования на ясных и скоординированных началах.

Во-вторых. Взамен плавающих должны быть введены фиксированные на годовой

к теме

Владимир Воронин,
экс-президент Молдовы, председатель Партии коммунистов Республики Молдова

Участие Молдовы в Евразийском союзе будет лишь способствовать процессу европейских реформ в стране. Евразийский проект утверждает единые стандарты свобод для перемещения людей, товаров и капиталов, практически тождественных общеевропейским. Он не противоречит членству в ВТО, более ответственно ведет диалог о зоне свободной торговли с ЕС. Этот интеграционный проект легализует трудовые ресурсы, обеспечивает их социальную защиту в рамках союза. Главное, Таможенный союз устанавливает единые цены на энергоресурсы, создает условия, как для мощной производственной кооперации, так и для использования тех или иных национальных конкурентных преимуществ, особенно в законодательной сфере.

OMG Media Group, 5 октября 2011

Таблица 2. Распределение долей и оценка потерь из-за действия невидимых барьеров во взаимной торговле стран-членов Таможенного союза ЕврАзЭС в 2011–2015 гг.

Факторы отрицательного влияния	Доля влияния отдельных факторов (в процентах к итогу)	Оценка значимости влияния каждого фактора (в млрд долларов США)
Протекционизм	12,5	31,3
Нетарифные барьеры	10,2	25,5
Демпинг	10,0	25,0
Контрабанда	8,8	22,0
Спекулятивный рост цен	7,5	18,7
Спекулятивный рост валютных курсов	7,0	17,5
Спекулятивный рост банковских ставок	6,5	16,2
Снижение уровня конкуренции	5,5	13,7
Рост издержек производства	5,4	13,5
Увеличение объемов пиратской и поддельной продукции	5,3	13,2
Рост подпольной приграничной и других видов неформальной торговли	2,3	5,7
Двойное налогообложение	2,2	5,5
Фиктивный возврат НДС	2,1	5,2
Офшорные и инсайдерские сделки	2,0	5,0
Фиктивный толлинг	1,9	4,7
Таможенные поборы и рейдерские захваты	1,8	4,5
Коррумпированные сделки	1,7	4,2
Отмывание денег и легализация доходов, полученных преступным путем	1,6	4,0
Упущенные выгоды и умышленные потери	1,5	3,7
Двойной счет, фатальные ошибки и статистическая погрешность	1,2	3,0
Прочие факторы	3,0	7,5
Итого	**100,0**	**250,0**

Приведены экспертные оценки специалистов Международного института менеджмента (Лозанна, Швейцария) и Комитета по приграничной торговле ЕС (Брюссель, Бельгия), полученные рабочей группой этого комитета в ходе анкетного опроса, проведенного в апреле 2011 г.

основе курсы валют, отражающие реальные соотношения цен по всей совокупности производимых и находящихся в мировом обороте товаров, услуг, инноваций и капиталов.

В-третьих. Необходимо признать непригодными и отменить ныне повсеместно применяемые корпоративные индексы и рейтинги фондовых рынков как искажающие истинное положение дел и глобальные физические оценки, характеризующие динамику и структуру современных мировых рынков.

В-четвертых. Следует на принципиально новой основе выстроить и ввести в международный оборот единые мировые индексы, репрезентативно отражающие динамику мировых фондовых и валютных рынков.

В-пятых. На началах открытости и доступности, публичного контроля и персональной ответственности, с компенсацией причиненного ущерба и упущенных выгод надлежит коренным образом пересмотреть концепцию и принципы работы МВФ и Мирового банка. В случаях дальнейшего невыполнения взятых ими обязательств должны быть разработаны условия приостановки их деятельности как международных институтов-регуляторов мировых финансовых отношений.

В-шестых. Надо разработать и принять в качестве единой международной конвенции законодательные положения о страховании всех агентов рынка и защите прав всех добросовестных потребителей от меняющегося законодательства и недобросовестной конкуренции.

В-седьмых. Требуются меры по противодействию дезинформации, открытию данных и вранью в международных изданиях, в том числе в публикациях мировых и актуарных фирм, информационных и рейтинговых агентств. Сюда же должны быть отнесены и вводящие в заблуждение сведения о состоянии мировых фондовых индексов и рейтингов.

В-восьмых. На основе принятых мер должна быть дана юридическая оценка действиям указанных агентств и опубликованным ими притворным заключениям, индексам и рейтингам и проведена судебная квалификация этих действий как особо изощренных форм мошеннического сговора, направленного на дезинформацию мировой общественности и причинение вреда юридическим лицам и гражданам с целью извлечения наживы.

В-девятых. На фоне скандальных просчетов на мировых фондовых рынках и понесенных финансовых потерь из-за этих просчетов должна быть дана оценка искажающим истинное положение дел и провальным по результатам действий либеральных экономистов в России, в том числе иностранных, включая некоторых лауреатов Нобелевской премии по экономике. На этом основании надлежит принять меры по изоляции либеральных экономистов от участия в дальнейших разработках государственных программ и проектов, в том числе программ по выходу из текущего кризиса.

В-десятых. Под эгидой ООН следует создать Международную комиссию по квалификации причин и урегулированию последствий разразившегося мирового финансового кризиса. Комиссии должны быть приданы функции определения размера материального вреда и морального ущерба, причиненных денежными властями США и их сателлитов в результате непринятия или ненадлежащего принятия ими мер по предотвращению последствий кризиса. Такую комиссию следует наделить правами выявления и привлечения в установленном международном порядке виновных лиц к ответственности за умышленные нарушения норм и правил ведения финансового бизнеса, что привело к мировому дефолту, массовым банкротствам и разрушительным потерям, превышающим по своим масштабам учтенные потери всех стран и народов во всех мировых войнах.

В-одиннадцатых. На основе адаптированной международной методики экспертизы и технико-экономического обоснования крупных социально-экономических и инженерных проектов должна быть разработана и утверждена программа, направленная на понижение степени влияния мирового финансового кризиса на эффективно действующие и проектируемые международные организации, в частности на Таможенный союз ЕврАзЭС и Евразийский союз. Еще более востребованной представляется программа мер, направленных на минимизацию рисков и отрицательных последствий, угрожающих этим объединениям во всех видах экономической деятельности и ключевым региональным образованиям – в предстоящих еще более масштабных и опасных техногенных и общесистемных экономических и социально-экономических кризисах.

Без разрешения этих общесистемных проблем ни одну эффективную интеграционную структуру сегодня не создашь, ни один вопрос, как это наглядно показывает опыт ЕС по преодолению бюджетного дефицита и **смягчению долгового** кризиса неплатежей в Греции, Португалии и Ирландии, толком не решишь.

Взамен плавающих должны быть введены фиксированные на годовой основе курсы валют, отражающие реальные соотношения цен по всей совокупности производимых и находящихся в мировом обороте товаров, услуг, инноваций и капиталов.

И все дело в том, что в кризисе, как показывает проведенный нами анализ, находятся сами правоустанавливающие и регулирующие международные организации. Равно как и апологетизирующие их мировые рейтинговые агентства и службы, которые за свои тенденциозные оценки подвергаются сегодня в мире ожесточенной критике. Именно эти организации требуют большой чистки. О необходимости именно их модернизации ставится вопрос не только многими национальными, но и международными организациями, в частности, персонально нынешним руководством ЕС. Именно с их модернизации, по-видимому, и следует начинать, принимаясь за предстоящие общие интеграционные преобразования.

к теме

Сергей Караганов, председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике России

Россия предложила идею Евразийского союза с Казахстаном и Белоруссией. Солженицынская, перспективная, хотя и трудноосуществимая и дорогостоящая задача. Перспективная, потому, что на ближайшие годы союз с Европой невозможен. Как и союз с Китаем. Надо укреплять хотя бы свой центр силы. <...> Если серьезно строить Евроазиатский союз, то уж никак не включая в него центральноазиатские государства. Помогая им в области безопасности. И поддерживая вместе с Китаем, Индией, в том числе через активизацию ШОС минимальную экономическую стабильность. Привлекая по возможности и США, и ЕС. Украина в союз пока не войдет. Но нет у нее и европейской перспективы. И одна она выжить не может. Поэтому при поступательном внутреннем развитии нашей страны и союзников будет дрейфовать к ним. Сибирь и Дальний Восток просто просятся стать ресурсной, энергетической и сельскохозяйственной базой для новой Азии. И основой для новой русской азиатской политики и для собственного подъема. А не просто традиционным тылом в вековом противостоянии с Западом, которого уже нет. Гигантский регион угрожает превратиться из российского актива в пассив, источник слабости.

«Российская газета», 28 декабря 2011

Александр Алексеевич Олейников – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, действительный член Российской академии естествознания (РАЕ), заслуженный деятель науки и образования РАЕ, действительный член Академии философии хозяйства и Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова

К вопросу о создании евразийской теории национального хозяйства

Современная экономическая наука в России находится в глубоком кризисе, так как неспособна сколько-нибудь адекватно отразить реальное национальное хозяйство и предложить обществу адекватную модель его модернизации. Главная проблема заключается в том, что господствующий в вузах англо-американский «Экономикс» отказался от экономики как науки, изучающей воспроизводство общественного богатства.

Соответственно исчезли и понятия «стоимость», «цена производства», «стоимость рабочей силы», «капиталовложение», «воспроизводство», а также сам социально-экономический анализ. «Экономикс» отказался от этики и морали, исключив из анализа человека. В результате произошел чудовищный регресс не только экономической теории, но и всего обществоведения, попавшего под гнет вульгарной философии позитивизма и постмодернизма, а также маржинализма, который превратился в антинауку, подменив хозяйственно-экономические отношения между людьми субъективными математическими «предельными величинами». При этом конкретно-историческое хозяйственное и социокультурное пространство (территория) той или иной страны превращается в некое предельно абстрактное «геометрическое поле», на котором взаимодействуют между собой частные лица, а их поведение определяется формализованными математическими величинами. И все это преподносится как последнее и «высшее» достижение неоклассики! Разве это не регресс и не движение в сторону мракобесия?

Западные теоретические курсы и концепции – это особое и сверхмощное оружие, бьющее прямой наводкой под фундамент нашего национального хозяйства и подрывающее социокультурную и социохозяйственную системы русской цивилизации. И если мы (научная общественность), беря эти курсы и концепции на вооружение и используя в научно-педагогической деятельности, не воспринимаем их так, то в этом случае наступает чудовищный регресс не только науки, но и хозяйственной практики.

То есть движущей силой регресса, толкающего наше общество не просто в тупик, а к полной катастрофе, являются российские «пользователи» и «ретрансляторы» западных «запирающих» технологий и вульгарных социально-экономических теорий.

Очень точно на этот счет высказался академик Николай Федоренко, указывая на один принципиально важный момент в развитии отечественной науки, «вызывающий глубокое и, если можно так сказать, тяжкое недоумение. Это беззаботное игнорирование собственного исторического российского опыта и научного наследия. Нам понятно, почему большевики, подлаживая абстрактные конструкции К. Маркса под свою практику, отвергли идеи выдающихся российских экономистов, в частности П. Струве и М. Туган-Барановского, их коллег и последователей, но никак нельзя взять в толк: зачем нужно сегодня мусолить пальцы в заграничных евангелиях от А. Аслунда, Л. Бальцеровича, Дж. Сакса и др.?»

Очевидно, что для России, стран СНГ и других постсоветских государств, расположенных в едином евразийском пространстве, необходима своя – евразийская – теория национального хозяйства. Западные экономические теории являются неадекватными для восточного общества в целом. Попытки выстраивать модель национального хозяйства России, беря за основу западный методологический принцип индивидуализма, способны произвести только

Западные теоретические курсы и концепции – это особое и сверхмощное оружие, бьющее прямой наводкой под фундамент нашего национального хозяйства и подрывающее социокультурную и социохозяйственную системы русской цивилизации.

Петр Струве

Николай Федоренко:
«Вызывает недоумение игнорирование собственного российского опыта и научного наследия. Понятно, почему большевики, подлаживая абстрактные конструкции К. Маркса под свою практику, отвергли идеи российских экономистов, но никак нельзя взять в толк: зачем нужно сегодня мусолить пальцы в заграничных евангелиях от А. Аслунда, Л. Бальцеровича, Дж. Сакса и др.?»

номической теории, воспитывающих нашу молодежь на индивидуалистических принципах, враждебных как нашей истории, так и нашей цивилизационной специфике.

В этом контексте приобретает особую актуальность задача разработки новых учебников по экономической теории, адекватных социокультурным и геополитическим особенностям России. Учебник по общественным наукам сегодня становится мощным информационно-пропагандистским оружием. И мы не имеем права отдавать наше информационное поле в руки потенциальных противников. Нам сегодня нужны новые учебники по экономической теории, которые были бы адекватными социокультурным, историческим и геополитическим особенностям развития нашего северо-восточного общества и его национального хозяйства. Первый вариант такого учебника уже появился в 2006 году под названием «Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства». Я его написал в процессе подготовки докторской диссертации по теме «Национальное хозяйство как основа воспроизводства общества (экономико-философский подход)» (2007 год, МГУ имени М.В. Ломоносова). В начале 2011 года в издательстве «Институт русской цивилизации» вышло второе – дополненное и переработанное – издание моего учебника с тем же названием.

одно – прозападую модель общественного развития.

Экономическая теория теряет всякий смысл, если, увлекаясь математическими формулами и рыночными формализованными абстракциями, она исключает из предмета своего анализа целое, а именно: конкретное национальное хозяйство и воспроизводство конкретного национально-обусловленного общества и его хозяйства.

Абсурдно – если не преступно – проводить модернизацию экономики России, продолжая готовить в вузах инженеров, строителей, финансистов, ученых и педагогов на основе американских учебников по эко-

В основу учебника положен народно-хозяйственный (национально-хозяйственный) подход, рассматривающий национальное хозяйство как основу и как механизм воспроизводства общества и человека. Эта проблема является чрезвычайно злободневной для России и других постсоветских стран, и студенты должны хорошо знать ее, понимать механизм функционирования всего национального хозяйства в целом. Как известно, сохранение многомерной национальной экономической системы – это воспроизводственная проблема самого субъекта, и таким метасубъектом в рамках страны выступает уже все национальное хозяйство. Его функции направлены на собственное воспроизводство, на обеспечение экономической безопасности, а также интегративности хозяйства страны.

Заявленный в учебнике подход является политико-экономическим, но не ортодоксальным, превращая «старую» политэкономию в политическую экономию национального хозяйства. Место и роль политической экономии в системе экономических знаний вообще всегда задавались ее особым методологическим содержанием и трансляцией ее методологии в другие – частные и конкретные – отрасли экономической науки. Но сама методологическая насыщенность политэкономии является результатом ее тесной связи с философией. Поэтому наш подход является одновременно и экономико-философским, и философско-хозяйственным. Обновленной экономической теории сегодня нужен методологический каркас, который будет отражать всю систему ценностей нашего общества. А для этого необходим историософский подход (национально-исторический и национально-философский) к экономике и национальному хозяйству страны. Востребован и народно-хозяйственный охват, включающий, безусловно, социокультурные движущие силы, духовные факторы роста.

Мы согласны с профессором МГУ имени М.В. Ломоносова Юрием Осиповым, который подчеркивает, что речь сегодня должна идти «о возрождении философского подхода к решению задач, стоящих перед наукой, о таком видении предмета, которое может дать только широкий, не терпящий узких аналитических рамок, обобщающий и синтезирующий, свободно размышляющий и привлекающий все способы познания, вплоть до интуиционного и откровенческого, философский подход».

Предлагаемый новый учебник для вузов как раз и позволяет решить проблему «восприятия научной экономией неэкономических знаний», о чем говорит Осипов. Особенность системной методологии, которая лежит в основе данного учебного курса, заключается в попытке выйти за узкие рамки сугубо экономического (формационного) подхода, соединяя воедино различные методы анализа – формационный, цивилизационный, историософский, геополитический, а также институциональный. По сути, это социохозяйственный междисциплинарный подход.

Только такой комплексный подход позволяет охватить все хозяйство страны и подойти к его анализу с разных сторон, увязывая при этом воедино все сферы общества, соединяя экономику, политику и культуру в цельный метапредмет политэкономического анализа. С одной стороны, мы связываем воедино экономическое и социокультурное пространства, а с другой – соединяем историческое, экономическое и социокультурное пространства с природно-географической средой, национальной территорией и геополитическими особенностями всего национального хозяйства. Это позволяет представить реальную историческую динамику хозяйственного развития, помогает избегать умозрительность и догматизм. Все это расширяет предмет научных знаний и, пользуясь словами цитированного выше Осипова, возможности «восприятия научной экономией неэкономических знаний», то есть «свободной интеграции всех знаний, позволяющей науке выйти из созданного ею же научного тупика».

Очевидно, что, выступая в Мюнхене в феврале 2007 года, Владимир Путин обращался не только к западной общественности. Подвергая резкой критике систему однополярного мира, он невольно вступал в полемику также и с многочисленными представителями либерального фундаментализма, причем не только в России, но и в других республиках постсоветского пространства.

Современные российские ученые-экономисты пытаются ответить на ряд закономерных вопросов. Во-первых, означает ли отказ от однополярного мира необходимость пересмотра господствующей сегодня в экономической теории неолиберальной парадигмы? Во-вторых, разве экономический мейнстрим и вся западная неоклассика не являются теоретическим фундаментом для политической теории однополярного мира? В-третьих, разве экономическая унификация не становится основой для унификации политической в рамках такого однополярного мира? В-четвертых, разве мы имеем право продолжать преподавать в наших вузах экономическую теорию, основанную на фундаментальных принципах неоклассики, теоретически обосновывающей унификацию всего мирового хозяйства на основе англосаксонской экономической системы?

Однако если перемен в нашей научно-педагогической работе не происходит, тогда это равнозначно тому, что мы, соглашаясь в политике с Путиным, в экономике продолжаем придерживаться концепции однополярного мира и соответствующей унификации всего мирового хозяйства на основе англосаксонской экономической системы. Эта система является либеральной только по названию, однако в реальности она тоталитарна, так как жестко навязывает всем незападным странам неолиберальные стандарты, мифы и догмы, заставляя их открывать свои границы и поднимать национальные цены до мирового уровня, обрекая таким образом население своих стран на социальную нищету, а экономику и национальные хозяйства – на неизбежную деградацию и полуколониаль-

Юрий Осипов

Англосаксонская экономическая система является либеральной только по названию, в реальности она тоталитарна, так как навязывает всем странам свои стандарты, заставляя открывать границы и поднимать национальные цены до мирового уровня, обрекая население на нищету, а экономику – на деградацию.

ную зависимость от центров мирового капитализма.

Англосаксонские экономические учебники можно использовать в образовательном процессе в высшей школе только при одном условии: если мы (руководство наших стран и все общество в целом) принимаем теорию однополярного мира, соглашаясь с его политическими условиями, то есть фактически принимаем капитуляцию. В таком случае нам следует исходить из концепции унификации всего мира на основе экономической системы страны-победителя, господствующей в однополярном мире, то есть США и всего англосаксонского мира, Запада в целом. Неолиберальные экономические теории (несмотря на внешние разногласия между их различными течениями) образуют теоретический фундамент западной политической теории однополярного мира.

Мы просто обязаны, отвергая идею унификации мира на основе англосаксонской экономической системы и признавая многополярность мира и разнообразие культур и цивилизаций, противопоставить англосаксонскому мейнстриму наш отечественный мейнстрим, опирающийся на теорию множественности моделей национального хозяйства.

В реальности «Экономикс» является теорией американского национального хозяйства, принципы развития которого возводятся в абсолют и навязываются всему мировому сообществу. Логичным ответом западной экономической теории либерального фундаментализма является разработка концептуальных основ политической экономии национального хозяйства, учитывающей духовные факторы и морально-этические нормы. Переход к многополярному миру требует закономерного отказа от американского «Экономикса» и замены теории экономической унификации теорией национального хозяйства. Еще немецкий ученый-экономист Фридрих Лист указывал на необходимость противопоставить «космополитической» и «частной экономии» «национальную экономию». Лист был первым, кто обратил внимание экономистов на эту проблему. После Листа из политэкономии выделились две противоположные экономические теории. Во-первых, либеральная политическая экономия, которую Лист охарактеризовал как частную экономию и космополитическую экономию, существующую сегодня в виде «Экономикса». Во-вторых, национальная экономия, незаслуженно забытая, но возрождающаяся сегодня в виде политической экономии национального хозяйства. Ее предметом является метавоспроизводство как воспроизводство всего общества и его национального хозяйства в целом. Очевидно, что такой подход требует подготовки своих адекватных учебников по экономической теории, основанных на теории национального хозяйства.

Рассматриваемый учебник является ответом на англосаксонский «Экономикс». Он представляет собой теоретически новое направление экономической теории – политическую экономию национального хозяйства. В основу учебника положены следующие принципы:

- альтернативное экономическому либерализму направление экономической теории, которое впервые было теоретически представлено в известной работе Листа «Национальная система политической экономии»;
- философия русского космизма и органическая теория общества;
- концепция всеобщей организационной науки Александра Богданова;
- теория некапиталистических систем хозяйства Александра Чаянова;
- народно-хозяйственный подход;
- методология системного анализа национального хозяйства, основанная на методологии традиционализма и цивилизационном подходе к оценке национально-экономической динамики;
- экономико-философский подход и философско-хозяйственный охват.

Выходя за узкие рамки «Экономикса», работа преодолевает чисто экономический подход, оставляющий за рамками анализа духовные факторы и морально-этические нормы. Новый учебник является актуальным и в свете проходящих в мире политических событий и геополитических изменений. Уже давно идет мировая война, и в этой войне экономические доктрины используются как необычное и сверхмощное концептуальное оружие.

Было бы не так страшно, если бы западные доктрины либерализма и монетаризма приносили пользу стране, были бы работающими принципами. Но ведь это не так! Реформы, основанные на западных идеях, на принципах либерализма и монетаризма, довели постсоветские страны уже до той крайней точки разрушения и всеобщего хаоса, перейдя которую Россия и Украина, например, рискуют просто исчезнуть с карты мира. Крах либеральных реформ очевиден даже для неспециалистов, не-профессионалов по сложным проблемам экономики переходного периода.

Изменилось ли хоть что-то в системе вузовского преподавания экономической теории? Частные коррективы есть, но система обучения, основанная на западных методиках, на западных порочных доктринах, осталась практически без изменения. И эта система продолжает работать против всего постсоветского пространства, воспитывая молодежь на основе прозападных стандартов и ценностей, стремясь настроить ее антиклерикально – в духе отрицания высших божественных ценностей, утверждая взамен «религию прав человека» и прочие ценности «современного общества», подвергнутого агрессивной секуляризации.

Мы не должны забывать, что экономическая теория призвана давать научное обоснование механизму функционирования экономики и всего общества. А если наука ошиблась? Если ученые ошибаются, или же какая-то группа ученых, допустим, сознательно вводит в заблуждение правительство и руководство страны в целом, выдавая ошибочные экономические тезисы и принципы за истинные, некие «универсальные» и «общечеловеческие» ценности, якобы лежащие в основе развития «цивилизованного мира»? Что тогда? Тогда общество получает ложные ориентиры, и такая страна начинает двигаться к катастрофе.

Экономическая теория и наука образуют общетеоретическую и общеметодологическую основу государственной идеологии как системы действующих принципов, которые практически реализуются в очень конкретной форме социально-экономической политики – через разнообразные механизмы государственного управления и регулирования всего народного хозяйства и общества в целом. Ошибочные и ложные доктрины и принципы, играя роль дезинформации, способны нести в себе мощный разрушительный заряд.

Фридрих Лист

Повторим, на этом фоне приобретает особую актуальность задача разработки новых учебников по экономической теории, адекватных социокультурным и геополитическим особенностям всех наших постсоветских стран, объединенных единым социокультурным пространством и общностью исторической судьбы.

Названная задача становится еще более актуальной в условиях глобального финансово-экономического кризиса 2008–2011 годов, который обнаружил полное банкротство не просто неолиберальной модели капитализма, но и самого капитализма как способа производства, уже давно не существующего. Реально существует лишь глобальный способ финансового распределения и перераспределения экспроприированных мировых богатств в пользу преимущественно одной мировой сверхдержавы – США.

Несмотря на новые подходы, названный учебник в целом соответствует стандартам преподавания экономической теории в вузах. Он написан в соответствии с требованиями, изложенными в Государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования России. Это означает, что структура учебника соответствует разделам, выделяемым в образовательном стандарте, что в учебник входит перечень основных вопросов, подлежащих рассмотрению.

Учебник предназначен как для студентов, изучающих экономическую теорию (экономику) по стандартным программам бакалавров и специалистов («специалитет»), так и для магистров, учебные программы для которых призваны излагать «нестандартизованные» знания, дающие ответы на самые острые вопросы современности. Учебник учитывает все современные реалии, связанные не только с глобальным кризисом, но и с фактическим крахом неолиберальной модели и самого капитализма как способа производства.

С этой целью в работу включены специальные главы и целые разделы, углубляющие требования образовательного стандарта дополнительными материалами, расширяющими как образовательный, так и научно-методический охват издания, приближенного по стилю к научному исследованию. В частности, в учебник включен целый раздел, связанный с поиском альтернативной капитализму модели общественного развития – так называемого «третьего пути». Подобные главы и разделы, выходящие за узкие рамки строгих образовательных стандартов, в оглавлении помечены звездочками. Они предназначены для магистров и аспирантов, а также для самостоятельной работы студентов, включая написание рефератов, курсовых и дипломных работ.

Реформы, основанные на западных идеях, на принципах либерализма и монетаризма, довели постсоветские страны уже до той крайней точки разрушения и всеобщего хаоса, перейдя которую Россия и Украина, например, рискуют просто исчезнуть с карты мира.

Расширяя как учебно-методический охват рассматриваемых проблем, так и научный кругозор самих студентов, ряд дополнительных глав в разных разделах предоставляют студентам основу для самостоятельной научно-исследовательской и внеаудиторной учебной работы. В этом плане учебник, который рассчитан на подготовленную университетскую молодежь, стремящуюся к получению дополнительных знаний, будет служить хорошей основой для подтягивания «середнячков» на более высокий уровень знаний, адекватных требованиям XXI века.

Михаил Нестеров. Труды преподобного Сергия Радонежского. Конец XIX века

Нам предстоит восстанавливать страну, проводя реиндустриализацию и углубленную модернизацию. Но для этого нужны специалисты самого широкого профиля, воспитанные на фундаментальных ценностях нашей православно-евразийской цивилизации.

Именно поэтому новый учебник представляет особый интерес, в том числе и для преподавателей и научных работников, изучающих вопросы методологии экономической теории, теории национального хозяйства и современные экономические проблемы постсоветского пространства.

В условиях глобальных и тотальных информационно-психологических и финансовых войн XXI века наши вузы и наша студенческая молодежь получают в руки в виде учебника то информационное контроружие, которое нам сегодня так необходимо, чтобы умело противостоять агрессивному нашествию англосаксонских информационных вирусов в виде американского учебного курса «Экономикс».

Нам предстоит восстанавливать страну, проводя реиндустриализацию и углубленную модернизацию. Но для этого нужны специалисты самого широкого профиля, воспитанные на фундаментальных ценностях нашей православно-евразийской цивилизации, формирующей Абсолют Востока и противополагающей себя агрессивному Западу, утопающему в грехе.

Рустем Ринатович Вахитов –
кандидат философских наук, доцент Башкирского государственного университета, политический публицист

Россия-Евразия и мировой рынок

С начала эпохи перестройки отечественные либералы много и охотно говорят о пагубности советской экономической автаркии и о благотворности вхождения России, равно как и любой другой страны, в мировой рынок. Советские люди и особенно советская интеллигенция даже поначалу поверили в эти рассуждения «передовых экономистов» вроде Егора Гайдара и дали им «карт-бланш». Те произвели шоковую экономическую реформу по рецептам экспертов из МВФ, не слишком стесняясь многочисленности жертв подобного «экономического террора» среди простого народа и утешая всех, что еще немного и все мы будем жить, как в Швеции и Норвегии... и не получили видимого эффекта. Обещанное благополучие до сих пор не наступило. Разумеется, у младореформаторов нашлись умные и витиеватые объяснения произошедшего, и они продолжают убеждать нас, что нужно еще поднатужиться и постараться достичь «высокой конкурентоспособности» и «российское экономическое чудо» на манер чуда японского и южнокорейского не заставит себя ждать...

Однако российские ученые-геополитики и геоэкономисты еще в начале XX века предсказывали, что открытие России, как и любой другой внутриконтинентальной страны, для мирового рынка не приведет ни к чему, кроме превращения ее в задворки «глобального капитализма». В доказательство они приводили множество фактов из экономики и географии и опирались на оригинальную русскую традицию геополитики и геоэкономики – евразийство. Одно из таких доказательств приводится теоретиком и лидером евразийства 1920–1930-х годов, экономистом и географом Петром Савицким в статье «Континент-Океан. Россия и мировой рынок», опубликованной в 1921 г. в первом евразийском сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». Аргументы Савицкого не утеряли актуальности до

сих пор и достойны того, чтобы их вспомнить еще раз.

Савицкий отмечал, что для международной торговли существенное значение имеет стоимость перевозки товара от одной страны к другой. Однако в излюбленные либералами схемы «чистой экономики» самым бесцеремонным образом вторгается «презренный» географический фактор. Такая перевозка осуществляется главным образом либо по воде, морским транспортом, либо по суше – железнодорожным и автомобильным транспортом. (Приведенное замечание было сделано Савицким более 90 лет тому назад, с тех пор качественным образом изменилась авиация, но даже этот фактор не вносит заметные коррективы в геоэкономические построения Савицкого: количество грузов, перевозимых на самолетах, до сих пор несопоставимо с объемом грузоперевозок по железной дороге.) Вместе с тем стоимость перевозки по суше гораздо выше стоимости перевозки по морю (что естественно: для морских перевозок нужен лишь порт да корабль, железную дорогу же нужно строить, обслуживать и т.п.). «В расчете на одинаковое расстояние, – указывал Савицкий, – германский железнодорожный тариф перед войной (имеется в виду Первая мировая война. – *P.B.*) был приблизительно в пятьдесят раз выше океанского фрахта». Из этого ученый делал вывод, что расходы на перевозки при морской торговле можно практически не учитывать по сравнению с теми суммами, которые тратятся при континентальной торговле.

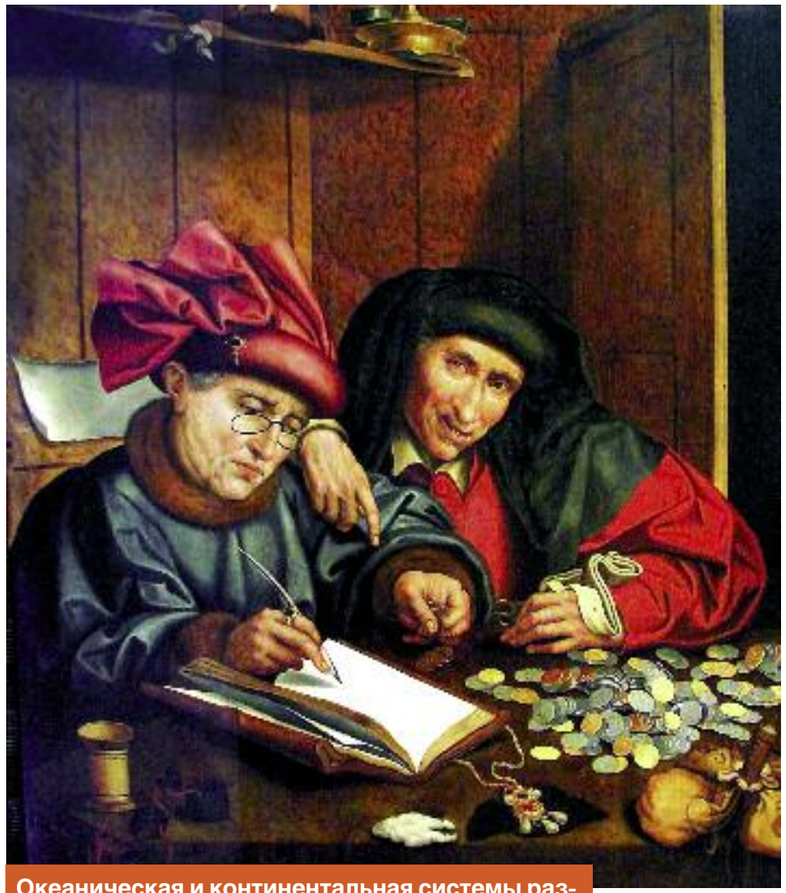
Не следует забывать, что существуют страны, которые по своему географическому положению имеют непосредственный выход к Мировому океану, и поэтому они располагают очевидными преимуществами в ведении международной торговли (Савицкий называет их «океаническими странами»). Есть же страны, которые, напротив, либо удалены от Мирового океана, либо располагают выходами лишь к замерзающим морям с ограниченной возможностью судоходства, и потому они находятся в крайне невыгодных условиях для участия в международной торговле («континентальные страны», по определению Савицкого). В географии существует понятие – «карты равного отстояния». На них пункты, отдаленные от Мирового океана на определенное расстояние (400, 800, 1200 и т.д. км), соединены линиями. Такие карты наглядно демонстрируют, что, например, Западная Европа к западу от Пулковского меридиана не имеет территорий, отстоящих от теплых морей более чем на 600 км. Наиболее же удалены от Мирового океана – на 800 и более км – центральная Канада, северная часть США, а в еще большей степени – континентальные области Восточной Европы и Азии, а именно: срединные и западные части Китая, Кашмир, Пенджаб и другие прилегающие к ним части Индии, Персия и весь Туркестан, Сибирь и значительная часть русского Дальнего Востока, а также среднее Поволжье. Правда, в Китае и в США удаленность некоторых – север-

Афганистан

Для стран, выделяющихся среди областей мира своей «континентальностью», перспектива быть «задворками мирового хозяйства» становится – при условии интенсивного вхождения в мировой экономический обмен – основополагающей реальностью.

ных и срединных – земель от моря компенсируется приближенностью к морю других – прежде всего южных – территорий (даже Канада имеет выходы на тихоокеанское и атлантическое побережья), и это выход к самому океану или к теплым, незамерзающим морям, связанным с Мировым океаном. А вот Россия занимает в этом отношении максимально невыгодное положение: если она и имеет выходы к морям, то это либо моря «внутренние», «континентальные», посредством которых нельзя достичь Мирового океана и его портов, либо моря северные, замерзающие и непригодные для судоходства от полугода и более каждый сезон.

Предположим, что один и тот же товар, произведенный в России (например, в Сибири или в Поволжье) и в южных штатах США, доставляется на мировой рынок, например, в одну из стран Западной Европы. Естественно, из США он доставляется по морю, на кораблях, а из России по суше, по железной дороге. Допустим, что российский и американский товары обладают совершенно одинаковым качеством. Но поскольку расходы на транспортировку товаров закладываются в их цену, то продукция из США окажется дешевле изделий из России, и честной, равноправной конкуренции между ними все равно не получится. То же самое и с продажей товаров внутри самой России. Отсюда понятно, что мировой рынок (то есть торговля всех стран друг с другом независимо от взаимной удаленности) выгоден именно океаническим цивилизациям. В современном мире это, конечно же, Англия, страны Западной Европы и США (несмотря на то, что некоторые территории США удалены от океана – как, например, северные области близ Великих озер, это компенсируется наличием протяженного тихоокеанского и атлантического побережий на юге), Япония, Южная Корея и многие другие новоявленные лидеры мировой экономики. Страны же внутриконтинентальные – Россия, Индия, Китай, некоторые страны Центральной Африки и Южной Америки, – будучи втянутыми в систему мирового рынка, обречены на положение рынков сбыта, поскольку их продукция, даже при сильнейшем напряжении национальных экономик, будет неизбежно неконкурентоспособна, то есть объективно дороже, нежели продукция «океанических стран». Савицкий так и пишет об этом – с предельной откровенностью: «Для стран, выделяющихся среди областей мира своей “континентальностью”, перспектива быть “задворками мирового хозяйства” становится – при условии интенсивного вхождения в мировой экономический обмен – основополагающей реальностью». «Континентальные страны» попадают в своеобразную экономическую ловушку: простой отказ от вхождения в мировой рынок и полная опора лишь на замкнутое национальное хозяйство приводят к вырождению до натурального хозяйства и экономической обездоленности. Открытие же своих границ для товаров «океанических стран» и интеграция в мировой рынок, где они господствуют, обрекают на роль вечного аутсайдера, стремящегося, но так и не могущего догнать лидеров. Выходом из этой дилеммы является, по Савицкому, «континентальное разделение труда». «Континентальные страны» должны объединяться друг с другом в замкнутые, самодостаточные торговые сообщества, внутри которых четко разделено, кто что производит: одна страна является производителем аграрной продукции, другая лидирует в области промышленности и т.д. Такие государства должны торговать преимущественно между собой и лишь во вторую очередь предоставлять излишки своей продукции мировому рынку. Например, для России важна торговля с Китаем и Индией, хотя по большому счету и сама историческая Россия (в границах СССР) так велика, что может быть почти самодостаточным хозяйственным миром. Хлеб здесь производится на Украине, уголь – в Донбассе и Кузбассе, промышленность сконцентрирована на Урале и в Центральной России, источник древесины – огромные массивы сибирской тайги, Средняя Азия – производитель хлопка. При хорошо налаженных хозяйственных связях Россия (опять-таки в границах СССР) почти не нуждается в торговле с мировым рынком (в лице западных «океанических стран») и может вполне обеспечивать себя сама. В обмен на хлопок узбеки могут получать (и получали) украинский хлеб



Неизвестный художник (по мотивам картины Маринуса ван Реймерсвале, изображающей сборщиков податей). Между 1575–1600

Океаническая и континентальная системы разделения труда существенно отличаются.

и русские машины, поэтому Средняя Азия была сытой, а Украина и Центральная Россия располагали дешевыми одеждами из первоклассных натуральных тканей. (Если же при этом в магазинах порой не хватало колбасы, в чем постоянно упрекают советскую экономику, то это ведь, согласимся, не угроза голода!) Экономические катаклизмы, произошедшие после 1991 года, еще раз подтвердили правоту Савицкого. После разрушения СССР Средняя Азия голодает – Западу выгоднее покупать хлопок в других регионах мира, где его не нужно транспортировать по суше тысячи километров, сжигая бензин и тратя электричество, накормить дехкан не на что, да и нечем – пришедшие с Запада продукты дороги. Центральная Россия же ходит в турецких низкокачественных одеждах, а ее промышленность в упадке (русские машины, равно как и украинский хлеб, тоже не нужны Западу да и Турции). Разрушение внутриконтинентальной системы разделения труда и попытка переориентации ее осколков в океаническом направлении, как видим, ни к чему не приводят, кроме экономического коллапса.

Причем, как замечает Савицкий, имеется существенная разница между океанической и континентальной системами разделения труда. Океаническая система мобильна, из-

Джеймс Эдвард Баттерсворт. Военный шлюп

Океаническая система мобильна: Англия сегодня импортирует мясо из Новой Зеландии, завтра она будет его импортировать из Аргентины: расходы на морские перевозки невелики, и перемена импортера не составляет труда.

менчива, ее элементы с легкостью могут заменяться: например, Англия сегодня импортирует замороженное мясо из Новой Зеландии, завтра она будет его импортировать из Аргентины: расходы на морские перевозки невелики, и перемена импортера не составляет труда. Континентальная система отличается жесткостью, неизменностью, связанной с тем же самым пресловутым географическим фактором. Средняя Азия не станет экспортировать свой хлопок в континентальный Китай в обмен на машины: это дальше, чем в Центральную Россию, а для континента лишние километры связаны с огромными расходами. И уж тем более она не сможет сменить Россию на вому океану, и для них узбекский хлопок будет очень дорог. Средняя Азия обречена на связку с Россией, и наоборот – России выгоднее всего продавать свою промышленную продукцию в Среднюю Азию, а не в Китай или тем более в Европу.

Савицкий при этом не отрицал возможности ослабления автаркии в тактических целях. Конечно, бывают исторические моменты, когда «континентальная страна» – та же Россия – бывает вынуждена «открыться» для мирового рынка. Скажем, такой момент сложился в России-СССР после гражданской войны

Континентальная система отличается жесткостью: Средняя Азия не станет экспортировать свой хлопок в континентальный Китай в обмен на машины: это дальше и дороже, чем в Центральную Россию.

Аравию или Иран в качестве торгового партнера. И Аравия, и Иран близки к Миро- 1918–1922 годов, когда была разрушена российская промышленность и торговые связи внутри страны и с ее ближайшими «континентальными» соседями. Программа НЭПа, предполагавшая широкую торговлю с Западом, прежде всего, закупки там оборудования, была объективно необходима. «Но было бы неправильным думать, что состояние интенсивного ввоза иностранных товаров и, прежде всего, фабрикатов, оплачиваемых в лучшем случае вывозом сырья <...> что это состояние есть нормальное и длительное», – восклицал Савицкий. Мыслитель считал, что нормальным для России является лишь состояние замкнутого, самодостаточного внутриконтинентального хозяйственного мира, состоящего из России (в границах СССР) и некоторых близлежащих «континентальных стран» (вроде Китая).

Эти рассуждения Савицкого девяностолетней давности не устарели до сих пор. К примеру, они очень хорошо объясняют, почему либеральные

Саратовские купцы

Есть единственный путь для России: возврат к великодержавной континентальной хозяйственной самодостаточности.

экономические реформы и вступление в мировой капиталистический рынок привели Японию и Южную Корею к процветанию, а Россию – к экономическому краху. Японское и южнокорейское экономическое чудо стало возможным не только благодаря природному трудолюбию и дисциплинированности азиатов, но и во многом благодаря удачному – океаническому – расположению этих стран. На Востоке они обладают теми же геоэкономическими преимуществами, что страны Западной Европы, Англия и США на Западе, японские товары можно транспортировать по морю с минимальными издержками на большие расстояния. Россия же и некоторые другие страны – государства континентальные, им участие в мировом рынке невыгодно и даже опасно.

Опыт развала СССР и попыток океанической переориентации экономик бывших его республик явно показал, что есть лишь единственный путь для России и других подобных ей стран. Путь, позволяющий избежать экономической деградации или состояния сырьевого придатка и полуколонии и добиться минимального, доступного в наших непростых географических и геополитических условиях благосостояния. Это – возврат к великодержавной континентальной хозяйственной самодостаточности.

к теме

Збигнев Бжезинский, американский политолог, бывший советник президента США по вопросам национальной безопасности

Потенциально самым опасным сценарием развития событий может быть создание «антигегемонистской» коалиции с участием Китая, России и, возможно, Ирана, которых будет объединять не идеология, а взаимодополняющие обиды. Такое развитие событий может напоминать по своему размеру и масштабу проблему, которая однажды уже была поставлена китайско-советским блоком, хотя в этот раз Китай, вероятнее всего, будет лидером, а Россия – ведомым. Чтобы предотвратить создание этого блока, как бы маловероятно это ни выглядело, США потребуется проявить геостратегическое мастерство одновременно на западной, восточной и южной границах Евразии.

Из книги «Великая Шахматная доска»

Александр Эрвинович Айвазов – независимый аналитик

Периодическая система мирового капиталистического развития

В декабре 2007 года миллиардер и «гуру инвестиций» Джим Роджерс продал свой особняк в Нью-Йорке и переехал в Сингапур, утверждая, что наступило время, когда основной инвестиционный потенциал мировой экономики перемещается на азиатские рынки: «Если вы были умны в 1807 году – вы переезжали в Лондон, если вы были умны в 1907 году – вы переезжали в Нью-Йорк, но если вы умны в 2007 году, то вы переезжаете в Азию». 4 ноября 2010 года он снова призвал студентов отказаться от карьерных планов на Уолл-стрит. Сейчас, по его мнению, наступают такие времена, когда реальной властью обладают те, которые производят реальные товары. То есть «инвестиционный гуру» прямо указывает, что мировая экономика развивается не линейно, а дискретно, циклично, волнообразно.

Дискретность развития мирового капитализма

«Периодическая система мирового капиталистического развития» (**рис. 1**) была разработана именно с опорой на принцип дискретности. Структурообразующей основой этой «Периодической системы» является целый комплекс наработок. Среди них теория больших экономических циклов Николая Кондратьева и основанная на ней теория эволюционных циклов Владимира Пантина, исследования по кондратьевским циклам Станислава Меньшикова, концепция формирования технико-экономических ценозов Лусинэ Бадалян и Виктора Криворотова, представление о технологических укладах Сергея Глазьева, Карлоты Перес и Масааки Хироока. В этом контексте следует особенно выделить созданную Джованни Арриги путем переосмысления наследия Фернана Броделя теорию системных циклов накопления капитала, теорию «созидательного разрушения» Йозефа Шумпетера и, естественно, «Капитал» Карла Маркса.

Если следовать «Периодической системе», в 2008 году мир вступил в фазу великих потрясений третьего эволюционного цикла индустриальной стадии капитализма, в процессе которой произойдут смены системных циклов накопления и лидера мирового экономического развития. По утверждению Арриги, мир входит в азиатский системный цикл накопления капитала, в котором главная роль в обеспечении роста экономики будет принадлежать государству. На смену пока еще господствующему неолиберализму придет усиление государственного вмешательства в экономическую жизнь, возродятся индикативное планирование и жесткое регулирование экономики государственными и надгосударственными органами. Вместо утвердившейся после Второй мировой войны и осуществлявшей последние 20 лет свою гегемонию в соответствии с доктриной «Вашингтонского консенсуса» однополярной системы мирового развития под эгидой США в ближайшее время возникнет новая планетарная архитектура, названная Джошуа Рамо доктриной «Пекинского консенсуса».

В основе этой доктрины лежит признание необходимости построения нового миропорядка на базе общей экономической взаимозависимости всех государств мира, но при соблюдении их политических и культурных различий, что в корне отличается от односторонности американской политики «Вашингтонского консенсуса». Более того, доктрина «Пекинского консенсуса» признает необходимость согласования развития отдельных государств с потребностями определенного региона, что входит в явное противоречие с единообразными предписаниями «Вашингтонского консенсуса», применявшимися для всех стран независимо от уровня их социально-экономического развития, а также от их культурных и цивилизационных различий.

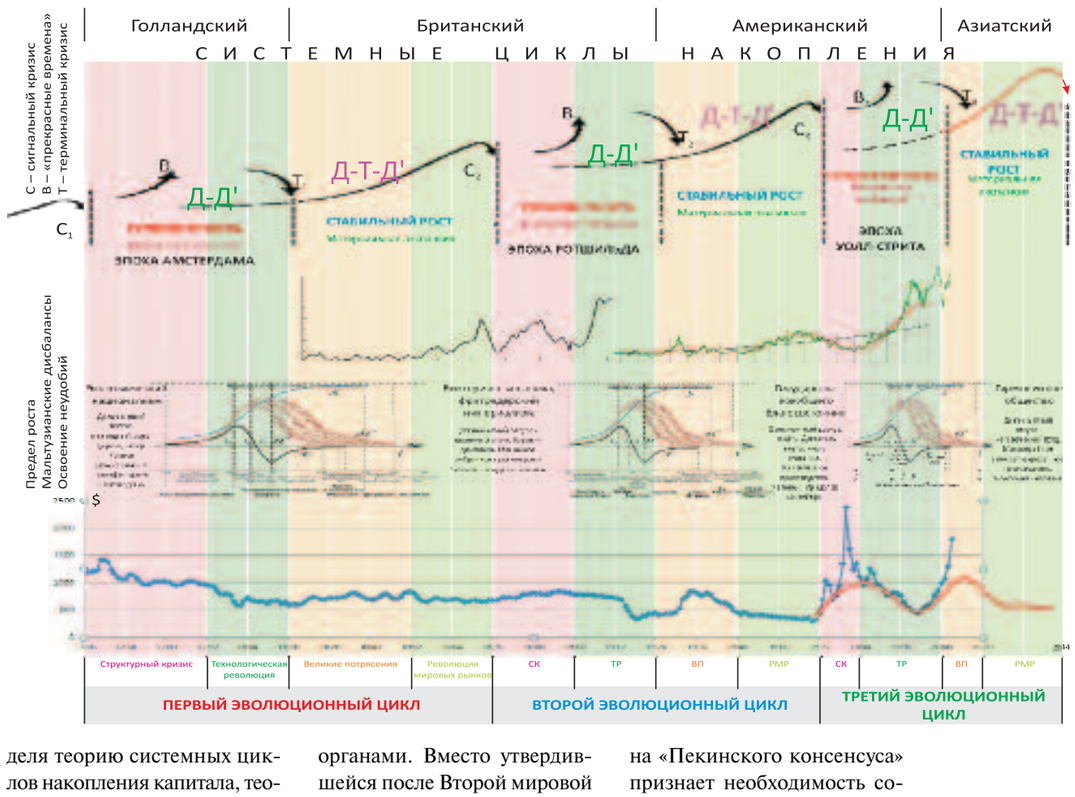
Доктрина «Пекинского консенсуса» признает необходимость согласования развития отдельных государств с потребностями определенного региона.

Джошуа Рамо

«Созидательное разрушение» Шумпетера

Исторический период гегемонии США и «Вашингтонского консенсуса» подошел к своему логическому завершению. Терминальные кризисы, из которых нет выхода в рамках данной модели экономи-

Рис. 1. Периодическая система мирового капиталистического развития



ческого развития, уже начались с кризиса перепроизводства 2008–2009 годов. Не за горами кризисы перепроизводства 2012–2015 и 2017–2018 годов. Терминальные кризисы перепроизводства происходят тогда, когда производительность труда растет значительно быстрее, чем реальные заработные платы, а спрос не поспевает за предложением, так как неолиберальная модель стимулирования предложения разрушает равновесие между спросом и предложением, порождая кризисы перепроизводства. Такие кризисы и поставят окончательную точку в развитии неолиберальной модели, господствующей в мировой экономике с 1980-х годов.

Необходимо различать кризисы перепроизводства и кризисы сверхнакопления. Последние происходят тогда, когда в результате бурного экономического роста образуется такой переизбыток капитала, стремящегося быть инвестированным, что конкуренция владельцев этого капитала приводит к постоянному падению нормы прибыли, то есть делает это производство нерентабельным. И капиталистам поневоле приходится сокращать производство, дабы избежать убытков, и многие при этом становятся банкротами. В поисках выхода из кризиса сверхнакопления капитал уходит из производства в финансовую сферу и начинается период финансовой экспансии.

Благодаря рейгановской неолиберальной революции США удалось преодолеть кризис сверхнакопления и не только сохранить, но и усилить свое господство в мировой экономике. Поначалу подобное положение Соединенных Штатов, казалось бы, способствовало сохранению и даже укреплению уже сложившихся капиталистических центров. Но со временем господство США стало источником политической, экономической и социальной нестабильности. Об этом свидетельствует не только тот факт, что мировой финансовый кризис начался в 2008 году именно в США, но и целенаправленное наращивание американцами политического хаоса в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке. Точно так же поступала Великобритания 100 лет тому назад, когда для сохранения собственного господства целенаправленно вела Европу к Первой мировой войне.

Процесс экономической мутации непрерывно революционизирует экономическую структуру изнутри, разрушая старую и создавая новую. Этот процесс «созидательного разрушения» является самой сущностью капитализма.
Йозеф Шумпетер

Постепенно в Азии начинает формироваться система во главе с новыми центрами накопления от Японии до Китая. Ее идеологией является «Пекинский консенсус». Поэтому мировую экономику ждут тяжелые времена перестройки всего мирового порядка в фазе «великих потрясений» третьего эволюционного цикла, когда на смену американскому циклу накопления капитала придет азиатский цикл.

Капитал разрушителен по отношению к традиционным методам и формам ведения хозяйства, национальным границам и предрассудкам, он революционизирует все, постоянно сокрушая преграды, тормозящие развитие производительных сил, расширение потребностей и многообразие производства, эксплуатацию природных богатств, духовных сил и обмен ими. Это бесконечное и безграничное движение ради бесконечного и безграничного накопления капитала неизбежно приводит к глубоким экономическим кризисам. Сфера материального производства, в которой формируется капитал, имеет свои пределы роста, обусловленные, с одной стороны, уровнем его технологического развития, а с другой – масштабами платежеспособного спроса населения в каждый определенный исторический промежуток времени.

Приверженцы либеральной модели развития капитализма утверждают, что возможна полная реализация произведенного совокупного общественного продукта и бескризисное экономическое развитие общества. Необходимо только довериться «свободной игре рыночных сил», а «невидимая рука» рынка сама расставит все по своим местам. Действительно, различные сферы производства постоянно стремятся к равновесию. Но такая непрекращающаяся тяга к равновесию является лишь естественной реакцией на постоянное нарушение этого равновесия. Такое постоянное нарушение равновесия Маркс называл временем фундаментальной капиталистической реорганизации, а Шумпетер – процессом «созидательного разрушения».

В соответствии с основным законом капиталистического накопления капитал постоянно стремится производить до пределов, устанавливаемых производительными силами, то есть до пределов, обусловленных производственными возможностями данного технологического уклада, не принимая при этом во внимание действительные пределы рынка или потребности, подкрепленные способностью платить. В отдельные периоды владельцы капитала так успешно повышают конкурентное давление на труд, что реальные зарплаты не успевают за ростом производительности труда, поэтому спрос растет медленнее предложения. В результате мировую экономику время от времени сотрясают кризисы перепроизводства, когда значительная часть произведенных товаров, опровергая аксиомы закона Сэя, не находит платежеспособного спроса.

В то же время на повышательных кондратьевских волнах, особенно в либеральные периоды развития мировой экономики, конкуренция владельцев капиталов за рынки сбыта уменьшает норму прибыли, доводя ее до отрицательных величин. Это, в свою очередь, приводит к массовому уходу капитала в финансовую сферу. Но парадокс заключается в том, что капитал, инвестированный в финансовую сферу, не только не производит материальных благ, но и не стимулирует общественный спрос. Поэтому падение нормы прибыли (а следовательно, и цен на товары) вследствие усиления конкурентной борьбы не только не ведет к стабилизации экономики, но и неизбежно провоцирует кризисы перепроизводства. В результате разрушаются социально-экономические структуры, в рамках которых происходило накопление капитала, и создаются новые аналогичные структуры. Это и есть шумпетеровское «созидательное разрушение».

Циклы накопления Арриги

В XVIII веке Британия стала новым мировым центром накопления капитала. Она создала новую – более эффективную – форму организации производства (в форме фабрики) и его концентрации в руках отдельных частных собственников. После Наполеоновских войн Британия стала и новым лидером мирового экономического развития. Таким образом, определявший почти два века мировое экономическое развитие голландский системный цикл накопления был замещен британским циклом. Затем на смену увеличения размера капитала в форме его концентрации в руках частных собственников пришла другая форма накопления капитала – его централизация в акционерных обществах. Такие общества представляли собой более эффективную форму накопления, нежели фабрики первой половины XIX века.

Акционерные общества получили наибольшее развитие в XIX веке в США и Германии в форме вертикально организованных акционерных компаний. Сравнительно небольшие размеры самой Британии не создавали благоприятных условий для развития акционерных обществ, в том числе для железнодорожного строи-

Николай Кондратьев

Фернан Бродель

Йозеф Шумпетер

Карлота Перес

Кто есть кто

В.И. Пантин – главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, еще в 2004 году точно предсказавший, что мировой экономический кризис начнется именно в 2008 году. **С.М. Меньшиков** – друг и единственный соавтор Дж.К. Гэлбрейта, он в 1984 году первым из советских экономистов обратился к научному наследию Н.Д. Кондратьева. **К. Перес** – экономист из Венесуэлы, в настоящее время она работает в Кембриджском университете. **М. Хироока** – японский исследователь, обладатель «Золотой медали» Н.Д. Кондратьева. **Дж. Арриги** – социолог и экономист, профессор университета Джона Хопкинса (США), совместно с И. Валлерстайном он организовал Фонд Фернана Броделя. **В.Ф. Криворотов** и **Л.Г. Бадалян** – экономисты из Высшей школы исследований Лондонского университета. Авторы теории технико-экономических ценозов – совокупностей технологических, экономических, организационных и других форм общественных отношений в определенный исторический период и на определенной территории (такие совокупности возникают в результате борьбы за существование, естественного отбора и других факторов социально-экономической эволюции).

Джованни Арриги

тельства, в то время как огромные и неосвоенные американские просторы как раз стимулировали мощное развитие вертикально управляемых акционерных компаний. А в Британии даже в начале XX века фабрики оставались основной формой организации промышленного производства. Британский же финансовый капитал перешел к фазе финансовой экспансии и начиная с 1860-х годов сократил инвестиции внутри страны, резко увеличив экспорт капитала за границу – в США и многочисленные колонии Британской империи. Этот исторический период (1866–1931) даже получил название «эпоха Ротшильда».

Усиление конкуренции постепенно приводит к падению нормы прибыли и кризисам сверхнакопления, когда капиталы не находят выгодного применения в материальном производстве и уходят в финансовую сферу.

Джованни Арриги

Уже к 1900 году США и Германия обогнали Британию по своей индустриальной мощи. Чувствуя, что его лидерство под угрозой, британский финансовый капитал во главе с Ротшильдом, с одной стороны, организовал в Европе Антанту («Тройственное согласие» Франции, России и Британии) против Германии. А с другой, убив трех американских президентов, в 1913 году с третьей попытки создал в США частный Центральный банк – Федеральную резервную систему, которая контролировалась лондонским Сити. Добившись поражения своего главного европейского противника – Германии – в Первой мировой войне и поставив под финансовый контроль денежную систему США, Британия постаралась удержать в руках лидерство в мировом экономическом развитии.

Но кризис 1930-х годов окончательно подорвал ее экономический потенциал, и британский цикл накопления капитала сменился американским, а Соединенные Штаты сменили Британию в качестве лидера мирового развития.

Со Второй мировой войны в США начался экономический подъем 1940–1960 годов в рамках повышательной волны четвертого кондратьевского цикла. Этот подъем захватил Европу и Японию. Но в 1970–1980-е годы, когда пошла понижательная волна пятого кондратьевского цикла, подъем сменился стагфляцией. С 1980-го по 2000-е годы экономика США и других стран Запада вошла в повышательную волну, завершающую американский цикл накопления. А с начала 2000-х годов нарастает понижательная волна шестого кондратьевского цикла, в ходе которой и произойдет переход к азиатскому циклу накопления капитала.

Каждый системный цикл накопления проходит в своем развитии три стадии. Первая стадия, или «весна» цикла протекает еще под крышей предыдущего цикла накопления капитала, который в это время переживает свою «осень». Вторую стадию Арриги назвал периодом материальной экспансии, когда свободный финансовый капитал устремляется в материальное производство, которое обеспечивает ему высокий уровень доходности на базе нового технологического уклада. Но усиление конкуренции постепенно приводит к падению нормы прибыли и кризисам сверхнакопления, когда капиталы не находят выгодного применения в материальном производстве и уходят в финансовую сферу. Начинается третья стадия, или «осень» цикла накопления, по терминологии Арриги – «финансовая экспансия», которая характеризуется высокой турбулентностью экономических процессов и которая завершается терминальными кризисами. То есть кризисами перепроизводства, когда давление капитала на труд приводит к сдерживанию роста реальной заработной платы и произведенный товар не находит платежеспособного спроса. В США реальная заработная плата 2000-х годов осталась на уровне 1968 года, после того как Рейган и Тэтчер расправились в 1980-х со своими профсоюзами.

Но в ходе наступления «осени» одного системного цикла накопления начинается «весна» другого. Так, на рубеже 1960–1970-х мировую экономику охватил кризис сверхнакопления, ставший первым симптомом грядущего заката американской монополии. Одновременно началось бурное развитие японской экономики, за которым последовало не менее стремительное становление «азиатских тигров» – Тайваня, Южной Кореи, Гонконга и Сингапура. Экономический рост Японии был резко заторможен в 1985–1990 годах Вашингтоном, увидевшим в Токио угрозу собственной абсолютной гегемонии в мире. Затем последовал азиатский финансовый кризис 1997–1998 годов, организованный США и МВФ руками Джорджа Сороса, который затормозил развитие и «азиатских тигров».

Но Америка (во всяком случае, до сих пор) не в состоянии помешать мощному росту экономики Китая – следующего лидера мирового экономического развития. Китай сумел не допустить ошибок, обеспечив открытость финансового рынка для западного спекулятивного капитала. И теперь у США уже просто недостаточно сил, чтобы затормозить мощный рост экономики Китая. Азиатский цикл накопления в текущем десятилетии окончательно вытеснит американский, а «майку лидера» мирового экономического развития примерит на себя Китай.

Технико-экономические ценозы Бадалян и Криворотова

Теория системных циклов накопления капитала Арриги удивительно точно дополняется теорией технико-экономических ценозов Бадалян и Криворотова и одновременно совпадает с концепциями Пантина и Кондратьева. Начнем рассмотрение этой концепции с британского ценоза, сформировавшегося уже в индустриальную эпоху. Его основной ресурс – уголь. Новая «система землепользования» – это индустриальное производство, фабрика и паровой двигатель, использование внутренних ранее недоступных для производства территорий становится возможным благодаря паровому транспорту.

Зарождение ценоза происходит одновременно с зарождением нового системного цикла накопления капитала под сенью предыдущего цикла, вошедшего в состояние финансовой экспансии. На базе нового технологического уклада в процессе формирования соответствующего ценоза и происходит дальнейшее накопление капитала именно в материальном производстве. Этот процесс продолжается до наступления сигнального кризиса сверхнакопления.

Новая фабричная система заменила старую мануфактуру, использовавшую гидроэнергию и потому располагавшуюся в ограниченном количестве мест – мануфактуры должны были стоять на берегах полноводных рек, как правило, за пределами городов с их изобильной рабочей силой. Паровая машина помогла использовать потенциал взрывного роста городов, в которых собрались люди, вытесненные сельским перенаселением. Во время кризиса 1830–1840-х годов проблемы в инфраструктуре были решены за счет массового строительства железных дорог, которые резко повысили производительность территорий путем снижения стоимости транспорта и улучшения возможности вывоза товаров. То есть произошло «освоение неудобий». (Аналогичный процесс имел место и через 100 лет при выходе из Великой депрессии 1930-х годов. Только тогда вместо железных дорог строили автомобильные.) С этого момента технико-экономический пакет индустриальной эры был полностью сформирован за счет значительного увеличения объемов производства и потребления в Британии.

Вслед за европейскими революциями 1848 года, которые смели остатки старого социального уклада, технологический уклад пара распространился в 1840–1860-х годах по всей Европе. Позиция Британии как «мастерской мира» была стабильной вплоть до достижения инфляционного пика в 1860-е годы. Когда высокие цены на ее основной ресурс – уголь – сделали ее товары неконкурентоспособными по сравнению с продукцией Германии и США, британский капитал перешел к финансовой экспансии. Через 100 лет то же самое повторится и в США, когда инфляционный пик 1970-х сделает американскую продукцию неконкурентоспособной по сравнению с продукцией Японии и других азиатских стран, и теперь уже американский капитал перейдет к финансовой экспансии.

Но сначала уже теперь в США сформируется следующий ценоз на основе массового конвейерного производства и двигателя внутреннего сгорания. Основной ресурс нового ценоза – нефть, а утвердившаяся «система землепользования» основана на массовом производстве и машинах с двигателем внутреннего сгорания. Внедрение конвейерного производства и появление дешевого трактора позволили распахать Великие Равнины. Уровень производственных потерь был значительно снижен за счет массового распространения автомобиля, что позволило осуществлять своевременную доставку товаров. Новая машинерия способствовала сокращению разрыва между механизированным городским и ручным сельским трудом.

Мировая торговля и глобализация основаны на доминантном энергоисточнике, которым сегодня является нефть, а столетие назад таковым был уголь. Ведущий энергоресурс времени — это основа валюты и мощи, доминанта эпохи, поскольку на нем построена глобальная инфраструктура конкретного исторического периода.

Л. Бадалян и В. Криворотов

Циклы Китчина – краткосрочные экономические циклы с характерным периодом в 3–5 лет, открыты в 1920-е годы английским экономистом Джозефом Китчином. В рамках этого цикла происходит нарушение и восстановление равновесия спроса и предложения товаров на рынке. Такому равновесию соответствует определенный уровень и соотношение рыночных цен. **Циклы Жюгляра** – среднесрочные экономические циклы, продолжающиеся от 7 до 11 лет. Названы по имени французского экономиста Клемана Жюгляра. В отличие от циклов Китчина в циклах Жюгляра наблюдаются колебания не просто в объемах товаров и товарно-материальных запасов на складах продавцов и производителей, но и в уровнях загрузки существующих производственных мощностей, безработицы, а также в объемах инвестиций в обновление активной части основного капитала. **Циклы Кузнеца** – долгосрочные экономические циклы протяженностью 20–22 года. Были открыты в 1930 году Саймоном Кузнецом, связывавшим эти циклы с демографическими процессами и изменениями в объемах строительства. Поэтому он назвал их «строительными» циклами. В настоящее время циклы Кузнеца рассматриваются в более широком аспекте – как инфраструктурные циклы. Кроме того, с ними полностью совпадают большие циклы цен на недвижимость.

Двигатель внутреннего сгорания сделал возможным включение в сельскохозяйственный оборот территорий экстремального климата за счет распространения крупной механизированной фермы. Механизация агрикультуры и транспорта в разы снизила потребность в тягловых животных и освободила для земледелия миллионы акров земли, которые прежде использовались для пастбищ и производства сена. Корабли, работающие на дизелях, постепенно заменили дорогостоящую угольную инфраструктуру морской транспортировки.

В своем анализе Бадалян и Криворотов остановились на ценозе, основанном на массовом конвейерном производстве, но из анализа Арриги и из «Периодической системы» видно, что в настоящий момент формируется новый ценоз в Азии. Толчком для его возникновения стало складывание пятого технологического уклада, основанного на микропроцессорной технике, IT-технологиях, Интернете и мобильной связи. На смену вертикальным корпорациям придут горизонтальные с широким использованием сетевых структур, а крупносерийное конвейерное производство сменит быстро перестраиваемое мелкосерийное автоматизированное производство.

В нижней части «Периодической системы» расположен график колебаний цен на золото, рассчитанный Сергеем Егишянцем в его работе «Тупики глобализации». Этот график доказывает, что золото было, есть и будет всеобщим эквивалентом и мерой стоимости всех товаров. Во-первых, колебания цен на золото происходят в очень ограниченных масштабах, несмотря на то, что товарные и финансовые рынки подвержены очень резким колебаниям. Во-вторых, эти колебания точно соответствуют кондратьевским циклам: на понижательной волне происходят сжатие товарной массы и рост цен на золото, на повышательной волне товарная масса резко увеличивается, а цены на золото снижаются.

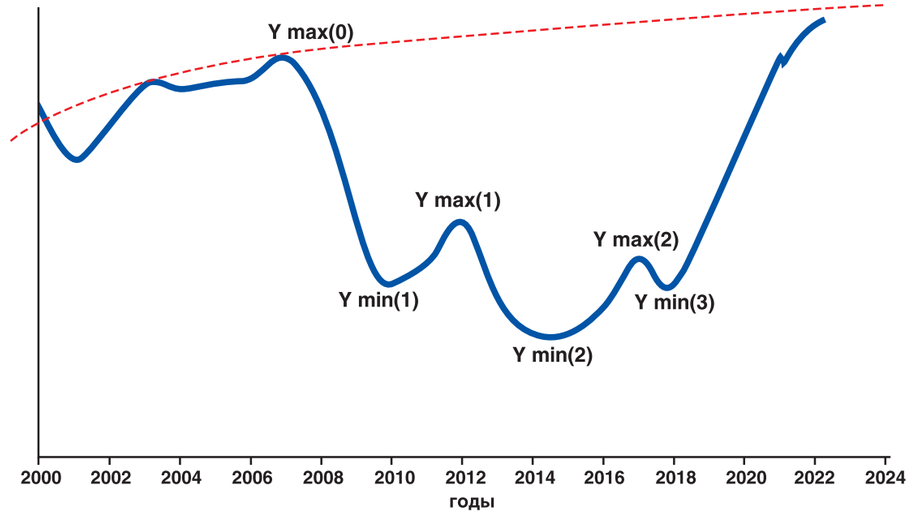
Но самое примечательное то, что все ценозы Бадалян и Криворотова формируются исключительно в «золотых ямах», когда в начале ценоза золото дешевеет, а по мере формирования ценоза оно начинает дорожать. Но как только в 1970-х годах была разорвана связь золота и денег, последние тут же стали то взлетать, то падать. Резкие пиковые значения стоимости золота в долларах начиная с 1972 года подтверждают, что разрыв доллара и других валют с золотом порождает не рост цен на золото, как это может показаться на первый взгляд, а обесценивание этих валют. В то же время колебания цен на само золото (на схеме выделено красным цветом) происходят в прежних небольших границах.

Большие циклы Кондратьева

В основе «Периодической системы» лежат большие кондратьевские циклы, состоящие из двух волн – понижательной и повышательной. Во время прохождения понижательной волны мировая экономика переживает тяжелые и длительные кризисы, а во время повышательной волны кризисы, как правило, бывают не очень продолжительными и не слишком глубокими. Чтобы экономика перешла с понижательной на повышательную волну, необходимо формирование базисных технологий нового – более высокого – технологического уклада.

Выше уже говорилось о неправомерности выводов закона Сэя о бескризисном и равновесном развитии капиталистической экономики. Кондратьев обосновал три вида равновесий, которые постоянно нарушаются и восстанавливаются в процессе мирового капиталистического развития. Нарушения и восстановления этих равновесий происходят в рамках циклов

Рис. 2. Мировой ВВП



Китчина, Жюгляра и Кондратьева. Позднее лауреат Нобелевской премии Саймон Кузнец исследовал еще одно постоянно нарушаемое равновесие в сфере строительства, которое получило название цикла Кузнеца.

Примерно раз в полвека все четыре экономических цикла одновременно проходят верхние пики своего развития и входят в фазу падения – возникает эффект резонанса. Это произошло после Наполеоновских войн, затем в 1870-х годах, повторилось в 1920-х и в 1970-х годах. В 2007–2008 годах все четыре экономических цикла снова синхронно вошли в фазу падения. Но все эти циклы имеют неодинаковую продолжительность и достигают своих нижних точек через разные промежутки времени. Поэтому после первоначального резонансного падения они начинают работать в противофазе, и после их одновременного падения возникает не какой-то однородный процесс, а сумма колебаний разных частот, амплитуд и направлений. До 2008 года мировой ВВП колебался вокруг пунктирной линии, обозначенной на графике Y(o) (**рис. 2**), но финансовый кризис и обвал на американском кредитном рынке привели к падению массового спроса и сокращению потребления в США и других развитых странах мира. Все это, в свою очередь, вызвало масштабное сокращение мирового производства. Вторая волна кризиса или второй кризис понижательной волны шестого кондратьевского цикла нас ожидает в 2012–2015 годах, когда циклы Жюгляра, Кузнеца и Кондратьева будут еще находиться в состоянии депрессии, а цикл Китчина снова войдет в фазу рецессии. Именно в период этого кризиса можно ожидать обвала нефтяных цен до уровня их рыночного равновесия в 35–40 долларов за баррель. Тогда же произойдет крушение нынешней мировой финансовой системы, основанной на долларе США как виртуальной денежной единице. Цены на золото взлетят до небес (не исключено, что до 2,5–3 тысяч долларов за унцию), так как огромная масса спекулятивных капиталов попытается переждать «экономическую бурю» в «тихой золотой гавани». Именно в тот момент и сложатся предпосылки для создания новой мировой финансовой системы на основе «Пекинского консенсуса», без которой мировая экономика развиваться дальше уже просто не может.

После 2015 года за счет подъема в циклах Китчина и Жюгляра, но на фоне продолжающейся депрессии в циклах Кузнеца и Кондратьева начнется оживление мировой экономики. В 2017–2019 годах нас ожидает новый серьезный кризис, связанный с переходом циклов Китчина и Жюгляра в новый спад, хотя в циклах Кузнеца и Кондратьева начнется медленное оживление. И только начиная с 2020 года, когда в циклах Кузнеца и Китчина начнется подъем и сформируется кластер базисных инноваций шестого технологического уклада, мировая экономика перейдет на повышательную волну кондратьевского цикла. А после 2025 года, когда подъем наступит и в цикле Жюгляра, мировая экономика перейдет к стабильному росту в рамках азиатского системного цикла накопления на базе окончательно сформированного нового технологического уклада и нового ценоза.

Эрнест Георгиевич Кочетов –
доктор экономических наук,
президент Общественной академии наук геоэкономики и глобалистики,
академик РАЕН

Единение **на евразийской платформе:** геоэкономический замысел

От того, в каком направлении двинется история евразийского ареала, будет напрямую зависеть, куда будет выстраиваться вектор мирового развития. Это вполне согласуется с общей «перекладкой» стратегических устремлений основных игроков на мировой арене. Так, уже сейчас начинает просматриваться фундаментальный вектор, связанный со сменой всей стратегической линии, – переход от евроатлантической стратегии на евразийскую, тихоокеанскую. И от того, как своевременно и точно участниками мирохозяйственного общения будет сделана расстановка акцентов и выверка новых ориентиров в их стратегических доктринах, будет зависеть роль и место евразийского ареала в национальных и глобальных балансах геоэкономических сил. Начало этому положено.

Евразийский государственно-доктринальный геоэкономический план

На постсоветском пространстве произошло событие огромной исторической важности: впервые в мировой интеграционной практике дан старт объединению государств на геоэкономической платформе. Тем самым подведена черта под длительным периодом двусторонних и многосторонних переговоров между странами постсоветского пространства о перспективах дальнейшего сотрудничества: Россия, Белоруссия и Казахстан 18 ноября 2011 года подписали Декларацию о евразийской экономической интеграции. Основная цель документа – полная реализация потенциала Таможенного союза (действует с июля 2011 года) и Единого экономического пространства (начало действие его правовой базы – 1 января 2012 года). Заложено институциональное снование для новой интеграционной фазы – учреждена Евразийская экономическая комиссия.

Это не спонтанное, не сиюминутное, не конъюнктурное решение. Оно медленно, но неуклонно вызревало в процессе экономического (хозяйственного) общения на фоне глобальных тенденций мирового развития. В этой ситуации все субъекты такого развития, будь то интеграционная группировка, страна или отдельная хозяйствующая структура, стремятся вовремя отреагировать на указанные подвижки с тем, чтобы занять конкурентные позиции в глобальном мире. Стратегия СНГ – наглядный пример движения в этом направлении.

Научно-концептуальным сопровождением при выстраивании интеграции стран-членов СНГ должен быть геоэкономический подход.

Геоэкономический подход как научно-концептуальное сопровождение при выстраивании интеграции стран-членов СНГ наглядно отображен в материалах Международного инновационного центра технического и гуманитарного сотрудничества, а также в материале руководителя рабочей группы по разработке Стратегии экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года Валерия Мунтияна «Стратегический замысел экономического развития стран СНГ». Анализ этих документов доказывает эффективность соединения научно-концептуальных и государственно-доктринальных начал при реализации тех или иных инициатив. Примером тому служит научное сопровождение Стратегии экономического развития СНГ при выработке ее общего замысла, обоснования характера (типа) интеграционной модели и механизмов ее реализации, путей достижения равновесия стратегических мотиваций и приоритетов участников интеграционного процесса и т.д. Следует особо отметить, что в основания Стратегии заложены научные принципы, методологические подходы и методы стратегического планирова-

Страна либо встраивается в мировую геосистему интернационализированных воспроизводственных ядер и тем самым имеет доступ к мировому доходу и диктует свои условия, либо выбрасывается на периферию.

ния, разработанные российской школой геоэкономики и глобалистики, а также учтены разработки других национальных школ в области геоэкономики.

Выделим десять главных геоэкономических блоков, составляющих каркас единения стран Содружества на геоэкономической основе в соответствии со «Стратегическим замыслом экономического развития стран СНГ».

Первый. Главная идея «Стратегического замысла» заключается в организации стратегического маневра стран СНГ по осуществлению прорыва к мировому доходу.

Второй. Поведение любой национальной экономики в геоэкономическом пространстве диктуется жесткими правилами постиндустриальной цивилизационной модели как высшей техногенной фазы мирового развития. Ни одна страна СНГ, находящаяся в геоэкономическом пространстве, не может избежать жесткого техногенного влияния. Она либо встраивается в мировую геосистему интернационализированных воспроизводственных ядер (ИВЯ) и тем самым имеет доступ к мировому доходу и диктует свои условия, либо выбрасывается на периферию, где она является подсистемой ИВЯ, и ей отводится роль обслуживания мировых воспроизводственных циклов. В конечном итоге такая страна становится объектом геоэкономических войн.

Третий. На развитие экономического взаимодействия стран Содружества влияют как внешние, так и внутренние факторы, которые должны быть учтены при разработке национальных стратегий с целью недопущения ошибок предшествующих лет. При организации работы необходимо видение внешнего мира через своеобразную призму – систему национальных интересов, приоритетов и внешнеэкономических институтов. Устойчивость позиции национальной экономики в современном мире должна определяться прежде всего согласованностью трех стратегических компонентов. Во-первых, ситуацией, складывающейся во внешней сфере. Во-вторых, состоянием системы национальных интересов, приоритетов и внешнеэкономических институтов. В-третьих, положением в национальной экономике. Мировая система бескомпромиссна. Малейшая рассогласованность этих компонентов ведет к выталкиванию национальной экономики, а значит и страны, с мировой арены, отводит ей роль аутсайдера мирового развития.

Четвертый. Технология вхождения национальной экономики в различные внешние системы (регионального или мирового значения) должна быть тщательно выверенной и обладать научно-обоснованной стратегией развития, адекватной современному миру.

Пятый. Расширение экономического и производственного сотрудничества государств-участников Содружества даст возможность получить стратегические эффекты в экономической, внешнеэкономической, экологической, инновационно-технологической, социальной сферах и сфере безопасности.

Шестой. Современный мир имеет техногенную окраску и переживает эпоху расцвета постиндустриализма. Поэтому поведение любой национальной экономики в геоэкономическом пространстве диктуется жесткими правилами постиндустриальной модели цивилизационного развития, его высшей – техногенной – фазой.

Седьмой. Геоэкономическое пространство постепенно переходит от техногенных цивилизационных координат к новым горизонтам цивилизационного развития – неоэкономического. Меняется геоэкономическое пространство и его отношение с геополитическими и геостратегическими пространствами. Соответственно меняется и система взаимоотношений национальных экономик с внешней сферой.

Восьмой. В рамках неоэкономической модели идет трансформация экономических категорий. Неоэкономическая модель предлагает новый подход к таким устоявшимся экономическим категориям, как мировой рынок, мировые цены, национальная безопасность, национальные интересы и т.п.

Девятый. Глубокую трансформацию претерпевает закон стоимости: он опосредует этноэкономическую транснационализацию, которая разворачивается в геоэкономическом пространстве под влиянием неоэкономических атрибутов.

Десятый. Степень заинтересованности государств-участников СНГ в экономическом сотрудничестве обосновывается балансом их стратегических интересов и целей, достижение которых с наименьшими затратами одинаково важно для всех государств.

Мозговой центр Содружества: генерирование стратегических новаций

Важнейшая сторона в решении новейших стратегических задач, стоящих перед Содружеством, – мобилизация интеллектуального потенциала для выработки фундаментальных инноваций, научно-концептуальное сопровождение стратегических решений по освоению единого геоэкономического пространства. Речь идет о формировании научно-исследовательской структуры новейшего типа, о принципиально новом мозговом центре. В современном глобализирующемся мире события развиваются стремительно, нужна быстрая, выверенная реакция на них. Иначе геоэкономическое пространство Содружества может быть разорвано на куски, тяготеющие к различным центрам «экономической силы» (как любят выражаться стратеги с «холодным», то есть геополитическим мышлением) с глухими, практически непроницаемыми границами. В этом случае геоэкономическое пространство Содружества как единое пространство может быть потеряно безвозвратно. И конъюнктура здесь уже не помощник, нужно объемное стратегическое мышление.

Все это предопределяет высокую интеллектуальную планку при формировании Мозгового геоэкономического центра Содружества (МГЦС). И здесь не отделаться традиционной информационно-аналитической службой – их сотни, они как правило мастерски «фотографируют» ситуацию, это уровень экспертов и не более того. Мозговой же центр – совершенно иное дело. Таких центров в мире немного, но именно они постоянно под-

к теме

Збигнев Бжезинский, американский политолог, бывший советник президента США по вопросам национальной безопасности

Эффективное глобальное политическое сотрудничество может возникнуть только на основе более широкого консенсуса. Для Америки, которая является одновременно и атлантической, и тихоокеанской державой, это означает, как минимум, возобновление амбициозных усилий, направленных на то, чтобы придать смысл понятию атлантического сообщества – включающего в краткосрочной перспективе и Америку, и Евросоюз – а в долгосрочной также постепенно и Россию, и Турцию. То, что Америка и Европа нужны друг другу, – очевидно, очевидно и то, что их связывают одни и те же политические ценности. Я утверждаю, что в долгосрочной перспективе – в течение следующих двух-трех десятилетий – этот взгляд должен начать охватывать и Россию в том числе.

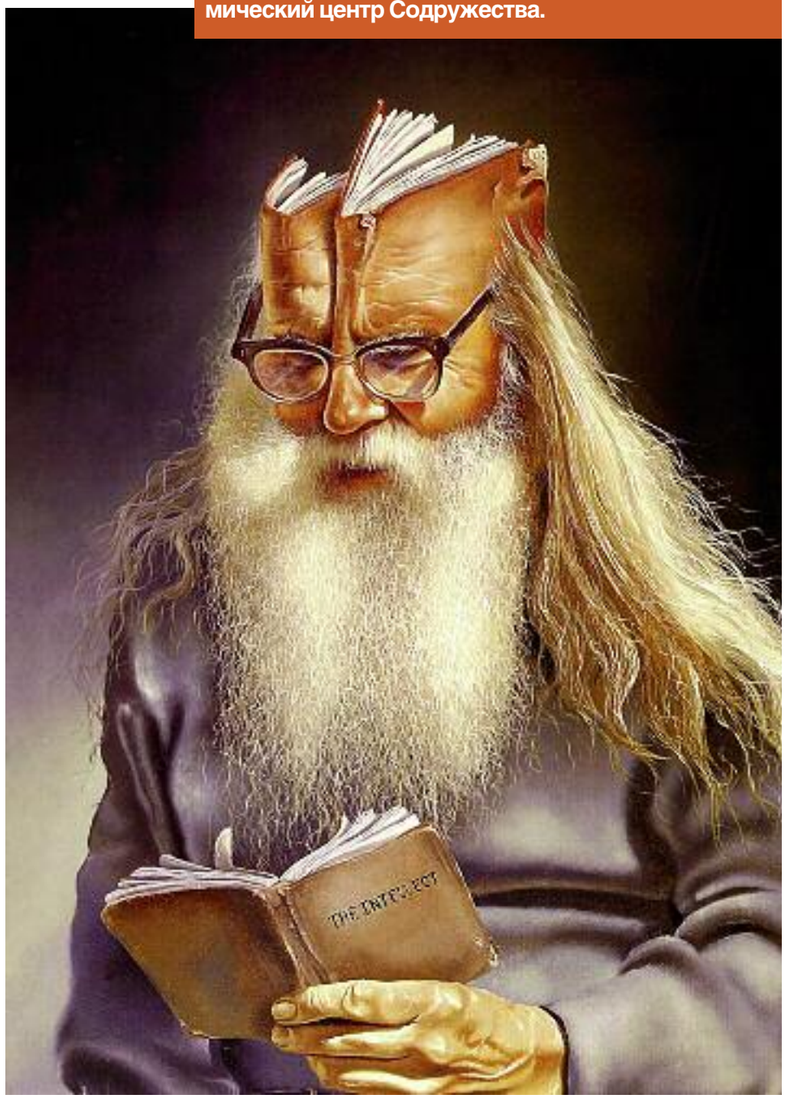
Из выступления на вручении премии Токвиля (Prix Alexis de Tocqueville), 14 октября 2011

питывают властные структуры новейшими прорывными инициативами, обеспечивающими продвижение к намечаемым целям. В нашей стране те или иные отраслевые структуры, определяющие стратегию национального развития, с первых шагов своей деятельности должны озаботиться организацией такого рода центров. Они обычно очень компактны и недороги. Там работают специалисты «штучного» класса, и они у нас есть.

Обозначим основные задачи Мозгового геоэкономического центра Содружества:

- ситуационная и сценарная проработка глобальных трендов мирового развития;
- выработка схем консолидации мировых и региональных ресурсов в целях национального развития;
- формирование полюса влияния стран СНГ в новой мирохозяйственной архитектуре;
- разработка моделей участия большого российского бизнеса в формировании и перераспределении мирового дохода;
- разработка высоких геоэкономических и геофинансовых технологий выхода СНГ к мировым ареалам (точкам) роста;
- формирование российских зон геоэкономического влияния ведущих отраслей национальной экономики на постсоветском и мировом экономических пространствах, закрепление таких зон на геоэкономическом атласе мира;
- формирование единого регионального геофинансового центра Содружества с единой рублевой зоной;
- разработка геоэкономического формата национальной, региональной и глобальной безопасности;
- создание электронной версии геоэкономического атласа мира и пространства СНГ, мониторинг геоэкономического пространства и формирование «штабных геоэкономических ситуационных комнат»;
- создание реестра российских ударных финансово-промышленных группировок стратегического статуса, которым делегируется реализация национальных геоэкономических интересов в мире и на пространстве СНГ;
- налаживание совместных фундаментальных научных разработок и издательской деятельности в области геоэкономики и глобалистики в ведущих научных и образовательных центрах постсоветского пространства (открытие в СНГ сети университетов, научных центров, лабораторий и т.п.);
- мобилизация деловой активности национальных диаспор на постсоветском пространстве на решение общих стратегических задач развития.

Необходимо сформировать Мозговой геоэкономический центр Содружества.



Россия в мировом интеграционном процессе: стратегические мотивации и приоритеты

Выстраивание евразийского геоэкономического пространства следует вести на равновесной основе – его западные и восточные фланги должны быть открыты для сотрудничества.

Россия должна стать одним из глобальных лидеров. Для реализации этой целевой установки требуется новая парадигма, основанная на следующих фундаментальных блоках.

Первый. Инновации затрагивают не только производственно-технологическую сферу, но и широкий спектр других общественных сфер: экономику, финансы, политику, культуру и т.д.

Второй. Ресурсный тип национальной экономики себя исчерпал. Он привел к глубокой структурной деформации.

Третий. Необходим стратегический курс на масштабную модернизацию всего промышленно-экономического комплекса России с выходом к 2020 году на постиндустриальную стадию развития.

Четвертый. Широкоформатная интеграция России в мировую глобализирующуюся систему должна стать одним из условий реализации намеченного стратегического курса.

Пятый. Должен произойти кардинальный поворот в воззрениях на роль и место внешнеэкономических связей и внешнеэкономической политики в реализации крупномасштабных стратегических задач.

«У России, как и у других стран мира, есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы. В этих регионах расположены страны, с которыми нас традиционно связывают дружеские добросердечные отношения, исторически особенные отношения. Мы будем очень внимательно работать в этих регионах», – отметил президент России Дмитрий Мед-

ведев через несколько дней после признания суверенитета Южной Осетии и Абхазии в августе 2008 г.

Содружество Независимых Государств – приоритетный регион российских интересов. А значит, именно здесь требуется выход на принципиально новые модели сотрудничеств стран-членов СНГ, заложенные в Стратегии экономического развития СНГ. В основание Стратегии легли научные принципы, методологические подходы и методы планирования, разработанные российской школой геоэкономики и глобалистики. Предстоит работа по претворению в жизнь и дальнейшему наращиванию заложенного в стратегии потенциала и смысловых блоков развития. Среди таких блоков можно выделить основополагающие.

Первый. Степень заинтересованности государств-участников СНГ в экономическом сотрудничестве обосновывается балансом их стратегических целей, достижение которых с наименьшими затратами одинаково важно для всех государств. Здесь проявляется эффект масштаба и синергетики. Центральный вектор, стратегический замысел и главная идея Стратегии экономического развития Содружества заключаются в организации на базе геоэкономического подхода стратегического маневра стран СНГ по осуществлению прорыва к мировому доходу. Потенциал Содружества позволяет выйти на формирование мирового дохода через его региональную (СНГ) составляющую.

Второй. При этом следует особо подчеркнуть: выстраивание евразийского геоэкономического пространства следует вести на равновесной основе – его западные и восточные фланги должны быть открыты для сотрудничества. Речь идет о тесном производственно-инвестиционном и инновационном переплетении формирующегося евразийского геоэкономического анклава как с Европейским союзом, так и с со странами тихоокеанского бассейна (Юго-Восточной Азии). Это соответствует сегодняшней тенденции: мир вступает в фазу смены технологического и производственного уклада, формирования технико-экономической архитектуры следующего поколения. Идет интенсивный процесс зарождения новых точек (очагов, ареалов) мирового роста на кластерно-сетевом принципе и инновационной базе.

Третий. В связи с этим особо возрастает роль евразийского геоэкономического пространства как глобального транспортного моста. Такая возможность приведет к глубоким коррекциям и преобразованиям существующей транспортно-коммуникационной сети, а также формированию новых сетей. И здесь особую роль должны сыграть российские геоэкономические инициативы по разработке и реализации глобальных инфраструктурных проектов – таких, как ЭНЕРГОНЕТ, ТРАНСНЕТ и др. Открываются широкие перспективы для инвестиционной деятельности.

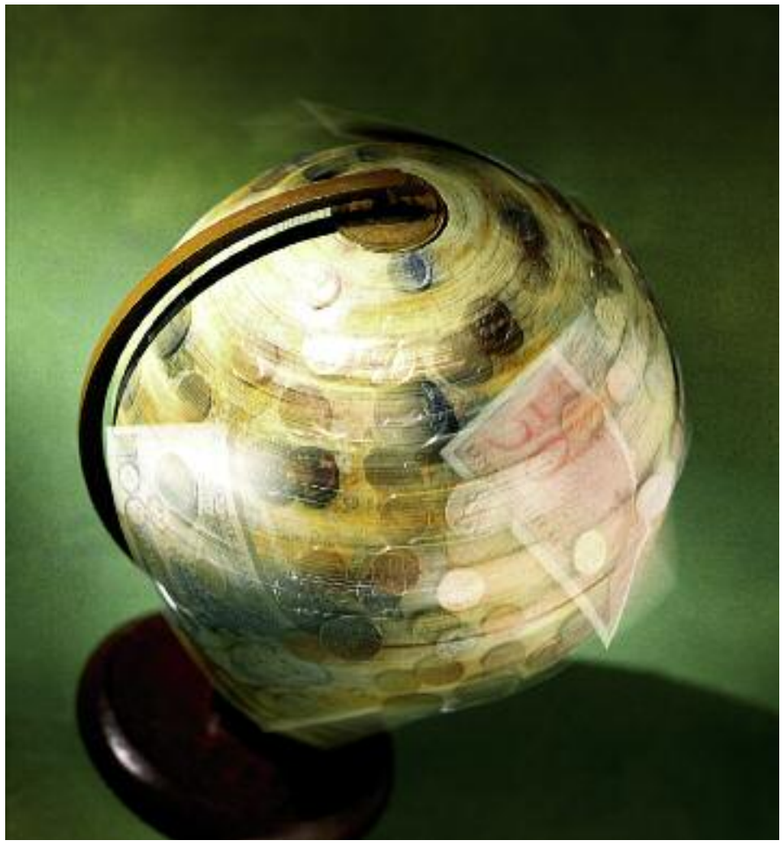
Четвертый. Новизна стратегического замысла экономического развития стран Содружества проявляется в использовании геоэкономического научно-категориального аппарата. Перечислим основные понятия такого аппарата: геоэкономика как центральный вектор глобальных перемен, геоэкономическое пространство, метод синтеза, стратегический эффект, инвестиционная модель развития, прорыв к формированию мирового дохода и его распределению, эффект масштаба и синергетики, стратегический маневр, техногенная фаза мирового развития, геосистема интернационализированных воспроизводственных ядер (ИВЯ), мировые воспроизводственные циклы, геоэкономические войны, геоэкономические (а также геостратегические и геополитические) интересы, геоэкономический потенциал, государство на мировой арене в условиях новой зарождающейся системы координат, неоэкономическая картина мира, этноэкономическая транснационализация, уровни экономического сотрудничества, сотрудничество на справедливых условиях и т.д.

Пятый. Следует держать в поле зрения закономерности изменения глобальных трендов мирового развития. Современный мир имеет техногенную окраску, переживает эпоху расцвета постиндустриализма. Однако мир стремительно меняется. Серьезные симптомы того – развернувшийся глобальный финансовый кризис. Геоэкономическое пространство постепенно переходит от техногенных цивилизационных координат на новые горизонты цивилизационного развития, которые придают геоэкономическому пространству новый дизайн, соответствующий неоэкономической картине мира XXI века. Пора отказаться от многих мифов, пересмотрев эти категории в новом качестве и новой плоскости. Меняются геоэкономическое пространство и его отношение с геополитическими и геостратегическими пространствами. Соответственно меняется и система взаимоотношений национальных экономик друг с другом и с внешней средой.

Глобалистика и геодисциплины провозгласили фундаментальные основания для выхода российской дипломатии на качественно новый уровень – уровень создания на мировой арене условий для реализации национальных геоэкономических интересов на путях диалога, поиска более эффективных форм взаимодействия и сотрудничества. Обоснован ряд внешнеполитических инициатив в виде пилотных (тестовых) проектов-программ. Глобалистика и ее центральная часть – геоэкономика – открыли новую страницу во внешнеполитической деятельности страны – экономическую дипломатию.

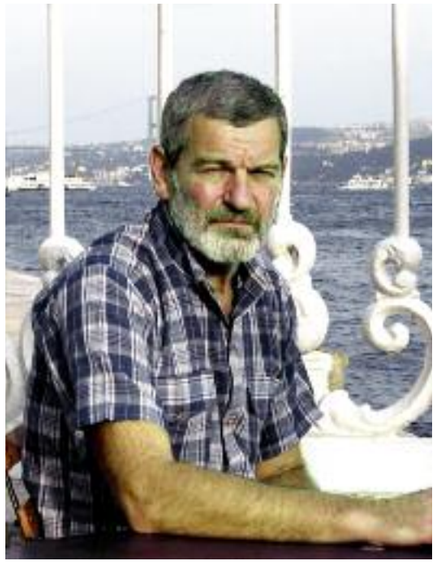
Российская школа глобалистики и геодисциплин уже широко представлена на мировой арене, ее фундаментальные постановки вызывают интерес на международных форумах, конгрессах, семинарах, круглых столах, где все рельефнее формулируется принципиально новый феномен – трансгуманизм как политическая логика сотрудничества и взаимодействия, снятия международной напряженности, нахождения взаимоприемлемых решений в конфликтных ситуациях с использованием геоэкономических методов.

На пространстве СНГ создана серьезная основа для формирования новейших российских структур на совместной основе – ударных финансово-промышленных бизнес-группировок стратегического статуса, призванных реализовывать геоэкономические интересы России и стран СНГ, а также крупнейшие национальных проекты по преобразованию инфраструктуры страны на основе инновационных прорывов. Мы вплотную подошли к формированию реестра таких структур, которым государство делегирует обеспечение национальных геоэкономических интересов, создает все условия для выхода на внешнюю хозяйственную арену и мировой рынок, а также защищает их самих. Большой бизнес должен быть оснащен самыми передовыми высокими геоэкономическими и геофинансовыми технологиями оперирования в глобальном экономическом пространстве в целях доступа к формированию и распределению мирового дохода.



Большой бизнес должен быть оснащен самыми передовыми высокими геоэкономическими и геофинансовыми технологиями оперирования в глобальном экономическом пространстве в целях доступа к формированию и распределению мирового дохода.

Перед Россией и Содружеством обозначились контуры исторических вызовов. Среди основных и масштабных вызовов – вызов геоэкономический. Центральная задача – не дать разорвать единое геоэкономическое пространство Содружества. Геоэкономическая парадигма развития внесла существенные коррективы в понимание нового класса вызовов, угроз и опасностей и в методы реагирования на них. Задан новый вектор – защита национальных геоэкономических интересов. Это должно найти более полное отображение в концепции и политике национальной безопасности, формировании новых взглядов на содержание военной доктрины, прояснить роль Вооруженных Сил в новом геоэкономическом мировом раскладе и направления военного строительства.



Александр Николаевич Белкин – профессор, заведующий кафедрой архитектуры Московского института коммунального хозяйства и строительства

Аравийское чудо

Стоял я на смотровой площадке «Бурж Халифа» – самого высокого в мире 828-метрового здания, смотрел вокруг и думал: «Нет, не в Каир и Афины, не в Рим и Париж надо бы свозить моих студентов, а сюда, в Дубай». Там – встреча со старыми знакомыми, там пыль столетий превратила шедевры в хорошо известную, даже любимую, но уже не поражающую сказку. Здесь – все новое, остро современное – молодость мира и, может быть, его будущее.

Когда более двадцати лет назад власти ОАЭ – в первую очередь шейх Мохаммед Бен Рашид Аль-Махтума – заговорили о необходимости создания в стране условий для различных видов туризма (делового, научного, рекреационного), о возможности создания в безводной пустыне не просто комфортной, но чрезвычайно привлекательной для многих видов деятельности среды, мало кто мог поверить в реализм этих намерений, казавшихся совершенно утопическими. В таких намерениях проявилось тогда глубокое понимание временности доходов от продажи исчерпываемых природных ресурсов. И как следствие этого понимания возникла необходимость замены этого основного источника благополучия страны на новый.

Однако понимания, благих намерений и даже колоссальных средств для осуществления столь масштабного проекта недостаточно. Нужна была исключительная политическая воля властей, без последовательного проявления которой был бы невозможен теперь уже в значительной степени достигнутый блистательный результат. Поразителен высочайший уровень проектности всего предпринятого, ведь строительство ведется в экстремальных природно-климатических условиях, где комфортной может быть только искусственная среда. Возникает одна на первый взгляд неожиданная аналогия – индустриализация СССР в годы первых пятилеток.

Вот четыре фрагмента реализации этого чудесного проекта: «Бурж аль Араб», пальмовый остров «Джумейра», «Бурж Халифа», парк «Джумейра бич».

Появлению каждого из этих новых объектов строительства города предшествовало опережающее развитие городской инфраструктуры – дорог, инженерных сооружений и коммуникаций, в том числе для озеленения территорий, и, наконец, метро. Как же это непросто, если вся вода – из опреснительных установок, и к каждому дереву и кусту подведены трубки для полива, а в каждом цветнике эти трубки с отверстиями уложены сантиметров через 40, образуя сплошную сеть под пологом растений.

Отель «Бурж аль Араб» (архитектор Том Райт) построен в 1999 году на насыпном островке в 280 метрах от берега. Помимо многих превосходных количественных характеристик (самый большой из отелей, семизвездочный, в высоту 321-метровый, полный остроумных технических решений – тефлоновая пленка вместо стекол, внешний каркас со стальными диагоналями креплений наружных стен), наиболее существенным представляется счастливо найденный автором образ постройки, навеянный формой паруса традиционной арабской лодки доу.

Пальмовый остров «Джумейра» – первенец среди целого ряда строящихся искусственных насыпных островов, его береговая линия должна добавить 520 километров к полосе пляжей Дубая. «Листья» пальмы используются по-разному. На них расположены многоэтажные жилые комплексы, виллы, парки, торговые центры, рестораны и, конечно, пляжи. На протяженном 11-километровом волнорезе – курортный комплекс «Атлантис» с большим и роскошным отелем. По «стволу» пальмы проходит монорельсовая дорога, остров соединен с материком 300-метровым мостом. Насыпные работы начались здесь в 2001 году, за десять лет многое сделано, сейчас строительство продолжается.

Первоначально самый высокий в мире небоскреб назывался башней Дубая. Затем он был переименован в «Бурж Халифа» – в честь президента ОАЭ Халифы ибн Зайда ан-Нахайяна. Возведение «Бурж Халифа» завершалось в 2010 году по проекту архитектора Адриана Смита. Работы велись шесть лет. Здание в плане имеет форму трилистника, причем «лепестки»-контрфорсы, внизу симметричные относительно центрального ядра, кверху неравномерно уменьшаются в своих размерах, создавая выразительный и меняющийся при движении вокруг башни силуэт. В здании 164 этажа (включая подземные), на 124-м этаже находится смотровая площадка. Помещения распределены следующим образом: гостиница на 37 этажах, квартиры с 45 по 108 этажи, на остальных этажах – офисные и торговые помещения. Фасады башни облицованы алюминиевыми и стальными пластинами,

Отель «Бурж аль Араб»

Пальмовый остров «Джумейра»

для уменьшения нагрева помещений применено отражающее стекло.

Парк «Джумейра бич» – общественный городской пляж с развитой парковой зоной – отличается хорошо продуманными планировочной структурой и функциональным зонированием. Две зоны – пляжная и парковая – разделены неглубоким оврагом и связаны четырьмя деревянными мостиками. В глубине широкой полосы песчаного пляжа выращены пальмы, за ними – парковая зона с прекрасным газоном, нарядными цветниками, богатой древесно-кустарниковой растительностью, а также детскими игровыми площадками, амфитеатром, множественными площадями для барбекю, теневыми навесами, перголами, красивыми и ухоженными ландшафтными композициями. Поразительна сама возможность все это вырастить и сохранять, поддерживать в условиях искусственного орошения и полива опресненной морской водой.

Эти четыре фрагмента поистине великой стройки можно умножить стократно. Интересна необычайно пестрая стилистика архитектуры города, которая не только отражает эклектичность эпохи постмодернизма и скромность местной национальной традиции, но и участие в проектировании и строительстве представителей многих стран мира. Интересны технические решения, связанные с преодолением климатических условий. Интересна типизация в архитектуре необычного метро. Интересна историческая часть города и активная жизнь залива Крик, снующие от одного берега к другому лодки с замечательным для русского уха названием абра (водная арба) и многое, многое другое.

Парк «Джумейра бич»

Небоскреб «Бурж Халифа»

Однако ощущение чуда возникает не от отдельных построек или даже их суммы. Оно возникает от такого преобразования городского ландшафта в целом, которое усложняет, а не упрощает природную основу. Ведь обычно у нас, в умеренных климатических условиях, антропогенный ландшафт проще природного: пшеница вместо сотен степных трав, «каменная пустыня» городской среды на месте наполненной жизнью, например, лесостепи. Здесь же природа усложнена человеческой деятельностью, обогащена ею. Удивительный случай – не деградация природы, а развитие ее человеком. Процесс, обратный образованию Сахары, которая, как говорят, была житницей Рима.

Нет, не только студентов, а всех, так или иначе связанных со строительством, надо отвезти в Дубай. А также тех, которым интересно и необходимо знать, как может выглядеть не прозябание, но развитие. Вдали от некрасовской Карабихи, на Аравийском полуострове нашлось подтверждение словам поэта: «Воля и труд человека дивные дива творят».

Юрий Васильевич Крупнов –
председатель Движения Развития, председатель наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития, лауреат премии президента Российской Федерации в области образования, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса

К дееспособному **Евразийскому союзу** на основе принципа **соразвития**

Сегодня мир стремительно приближается к полномасштабному глобальному финансово-экономическому коллапсу – катастрофе 2014 года. То, что мировая экономика постепенно втягивается в новую рецессию, уже ни для кого не является секретом. Однако многочисленные разговоры о второй волне глобального кризиса не вполне отражают масштаб того, с чем придется столкнуться миру. То, через что прошел весь мир (и в том числе постсоветское пространство) в 2008–2010 годах, не идет ни в какое сравнение с теми потрясениями, которые ожидают нас уже примерно через 2 года.

С точки зрения формальных экономических показателей неминуемыми в этот период будут три процесса.

Первый – резкое падение цен на нефть. Даже если формально они снизятся не очень значительно или вообще останутся на каком-то фиксированном уровне, с учетом инфляции это будет означать их фактическое уменьшение.

Второй – кардинальное повышение внутренних цен на энергоносители в Российской Федерации, в том числе планируемое уже сегодня «Газпромом». Как сообщали СМИ по результатам переговоров правительства и руководства корпорации, в ближайшие годы рост тарифов составит 15 процентов ежегодно, что само по себе представляет серьезную угрозу внутренним рынкам и промышленности стран, входящих в Таможенный союз и формирующих сейчас ЕЭП.

Третий – массированное падение спроса на всех внешних рынках с лишением значительной части экономически активного населения имеющихся у него сейчас и без того не столь качественных и доходных рабочих мест.

Мир стремительно приближается к полномасштабному глобальному финансово-экономическому коллапсу – катастрофе 2014 года. При этом прогнозные показатели и вся идеология евразийской интеграции, из которой они вытекают, не учитывают возможные негативные сценарии развития глобальной финансово-экономической ситуации.

В той или иной мере указанные угрозы находятся в поле зрения руководства стран-участников Таможенного союза. И заявленная Владимиром Путиным 4 октября инициатива по созданию Евразийского союза исходит из того бесспорного факта, что по отдельности страны постсоветского пространства выживать и развиваться в условиях глобального экономического коллапса уже просто не смогут.

Инициатива Евразийского союза: исторический шаг и очевидные ограничения

Несмотря на то, что консолидированное выступление белорусского, казахстанского и российского лидеров в поддержку проекта Евразийского союза является крайне своевременным, уже сегодня – и из заявлений высших должностных лиц, и из имеющейся небольшой практики – очевидны те ограничения, которые могут лишить данный проект перспективы с самого начала. В основе трехсторонней интеграционной инициативы лежит представление о том, что смысл и главный фактор конкурентоспособности нового образования может состоять в унификации условий хозяйствования и устранении административных барьеров для ведения бизнеса между тремя странами. Безусловно, подобный расчет имеет под собой существенные основания, что подтверждается уже имеющимися результатами. Так, в первом полугодии 2011 года на треть вырос общий товарооборот стран-участниц Таможенного союза. Прогнозируется, что по итогам года он достигнет уровня 100 миллиардов долларов, то есть составит 113 процентов от уровня предыдущего года. При этом наибольшую скорость роста (более 40 процентов) демонстрируют объемы приграничной торговли между Казахстаном и Россией. В целом же, по расчетам государственных структур, Таможенный союз позволит трем странам получить к 2015 году прирост ВВП свыше 15 процентов. А общий эффект от Таможенного союза составит для России 400 миллиардов долларов, для Беларуси и Казахстана – более 16 миллиардов.

Однако следует сразу и прямо указать, что приведенные прогнозные показатели и, более того, вся идеология евразийской интеграции, из которой они вытекают, не учитывают возможные негативные сценарии развития глобальной финансово-экономической ситуации. Даже если так называе-

Предполагать, что при устранении межстрановых барьеров автоматически, в силу действия «невидимой руки рынка», начнут создаваться новые производства и появится новое общественное богатство, по меньшей мере, наивно.

мая вторая волна кризиса в 2013–2014 годах окажется лишь незначительно сильнее рецессии 2008–2009 годов (хотя оснований для таких оптимистичных прогнозов просто нет), то и в этом случае 2014 и 2015 годы для стран Таможенного союза окажутся нелегкими. Произойдет резкое снижение промышленного производства, катастрофически упадет качество жизни населения, вырастет безработица. Остановить в этих условиях волну локального протекционизма будет просто невозможно, а политическое влияние внешних по отношению к ЕЭП потребителей продукции трех стран может оказаться более существенным, чем влияние союзного руководства. Если при этом недоступными для оперативного использования окажутся номинированные в иностранных ценных бумагах российские резервные фонды либо, что вероятней всего, их размера не хватит для смягчения последствий коллапса во всех трех странах на протяжении более-менее длительного времени, то евразийская интеграция может очень быстро смениться новой волной дезинтеграции и распада. Иными словами, в экономическом смысле наши экономики в их наличном состоянии – что вместе, что по отдельности – не способны к выживанию в условиях катастрофы 2014 года.

Показателен и другой аспект проблемы. В настоящее время под руководством Ярослава Кузьминова и Владимира Мау практически закончена разработка обновленной Стратегии-2020, она называется «Стратегия-2020: новая модель роста – новая социальная политика». Это очень важный документ с символическим названием, потому что в нем нанятые правительством эксперты предлагают ультралиберальный, ультрашоковый сценарий реформирования российской экономики и особенно ее социальной сферы. Трудно себе представить, как отреагирует российское население на серьезные попытки реализовать написанное в этой стратегии, но можно не сомневаться, что в Беларуси, сохранившей высокие стандарты социального государства, и в Казахстане, где в целом население уже успело вновь привыкнуть к относительной социальной защищенности, следствием принятия подобных рекомендаций однозначно будет политическая дестабилизация. Понятно, что Беларусь и Казахстан не обязаны перенимать эту модель. Но очевидно и то, что совсем игнорировать такой антисоциальный курс, если его примет Россия, они тоже не смогут.

Можно назвать и другие угрозы евразийской интеграции. В Казахстане, например, высказывается много скептических мнений в отношении Таможенного союза и ЕЭП. Это связано и с общим повышением для Казахстана таможенных тарифов в сравнении с ранее существовавшим уровнем, и с вытекающим из этого процесса ростом цен, и с ликвидацией или сужением некоторых возможностей реэкспорта китайской продукции. Остаются очень серьезные вопросы по унификации НДС в трех странах-участницах Таможенного союза, не отлажена система таможенного декларирования.

Кооперационные цепочки, оборвавшиеся в 1991 году, были по большей части утеряны окончательно и безвозвратно. Безусловно, при создании ЕЭП и Евразийского союза условия функционирования сохранившихся кооперационных цепочек улучшатся. Но предполагать, что при устранении межстрановых барьеров автоматически, в силу действия «невидимой руки рынка», начнут создаваться новые производства и появится новое общественное богатство, по меньшей мере, наивно.

Формула реинтеграции: восстановить цивилизационное единство и создать новую экономику развития (принцип соразвития)

Восстанавливать связи и реинтегрировать в экономическом смысле на постсоветском пространстве уже почти нечего. Реальной ценностью, которая еще не уничтожена и которую надо именно восстанавливать – хотя бы и на новых основаниях, – является цивилизационное единство постсоветского пространства. А вот экономику нам надо, по сути, выстраивать заново, создавать новую экономику – экономику развития.

Поэтому правильная и точная в методологическом и даже методическом плане формула евразийской интеграции: восстановить цивилизационное единство без утраты национальных суверенитетов и создать новую совместную экономику развития.

Отталкиваясь от такого подхода, можно определить и главный принцип евразийской интеграции – принцип соразвития, идею которого Движение Развития выдвинуло и обсуждает с 2006 года. Принцип соразвития означает, что интеграция двух или большего числа стран должна осуществляться за счет реализации общих для них проектов развития и создания нового общественного богатства и сверхстоимости, а не на основе перераспределения уже имеющихся благ и источников богатства. Иными словами в здании единого интеграционного образования надо начинать не с дележа имеющейся жилплощади, а со строительства нового – совместного – «верхнего» этажа, участие в котором и должно задавать действительный формат интеграции в целом, в

Реинтегрировать в экономическом смысле на постсоветском пространстве уже почти нечего. Правильная формула евразийской интеграции: восстановить цивилизационное единство без утраты национальных суверенитетов и создать новую совместную экономику развития.

к теме

Руслан Гринберг,
директор Института экономики РАН

Надо помнить, что интеграция в рамках Евросоюза основывается не только на экономических мотивах. Здесь есть некая социокультурная европейская установка, сплачивающая народы и государства. У нас пока такой нет. Классическая евразийская идея в данный момент непригодна. Я имею в виду ту идеологию, которую разработали в 1920-е годы русские эмигранты, пытаясь создать евразийскую политику как альтернативу Западу, который якобы обманул Россию, бросив ее на произвол судьбы. Такое евразийство не может быть восстановлено.

«Известия», 24 ноября 2011

Евросоюз в его нынешней форме является производной от двух функций – укрепления мощи транснационального финансово-спекулятивного капитала и – в меньшей степени – формирования геополитической формы под экономическое лидерство Германии. Переживаемый Европой экономический кризис является во многом результатом деиндустриализации и экономической деградации всех новых членов ЕС.

том числе – принципы аккумуляции в интеграционном образовании уже имеющихся у стран ресурсов.

Принцип соразвития вытекает не только из желания не затронуть ничьи интересы и стремления к «политкорректности». У интеграции всегда будут противники, и неверно было бы питать какие-либо иллюзии относительно того, чтобы предложить интеграционный проект, устраивающий сразу всех в равной степени. Приведенное соображение является важным, но основной смысл принципа соразвития – в конкретизации цели интеграции и уточнении того расхожего мнения, что успех интеграции зависит именно от ее цели.

Поэтому ключевой момент в создании Евразийского союза – ориентированность на развитие, нацеленность на создание новой экономики, экономики развития. Это реализация крупных проектов развития, формирование новых практик, резкое и принципиальное усложнение существующих практик и выход на новый мировой (и выше мирового) уровень качества жизни всего населения. Только в этом случае у интеграции будут осязаемая цель и соответствующая перспектива.

Сегодня много обсуждается так называемый «крах» европейской интеграции, много говорится о том, что Европейский союз не вынес той неоднородности финансовых, экономических и социальных систем, которые были объединены в этом образовании. Даже лидеры трех стран-членов Таможенного союза посчитали необходимым указать на учет ошибок евроинтеграции при строительстве Евразийского союза. И это, безусловно, правильно.

Однако следует более подробно и точно обсудить, в чем же состояли эти самые ошибки евроинтеграции. Ведь на самом деле весьма сомнительно, чтобы фактор неоднородности европейских экономик действительно сыграл ключевую роль в провоцировании нынешнего кризиса ЕС.

Исходно Европейское экономическое сообщество создавалось как экономическое и политическое объединение стран Европы в условиях холодной войны и под задачи холодной войны. Соответственно и начиналось оно с сугубо военных отраслей – угля, стали и атомной промышленности. В этом смысле можно сказать, что никакого отношения к нынешнему Евросоюзу это образование не имело.

Начиная с поздней «перестройки» и до заключения Маастрихстского договора в Европе был отвергнут целый ряд стратегических проектов, направленных на формирование единого экономического пространства Европы от Лиссабона до Тихого океана в интересах соразвития европейских и азиатских стран и народов. Это и проект «производительного треугольника», и «Евразийский сухопутный мост», и множество других. Вместо них был реализован объективно монетаристский проект, исходивший из интересов финансово-спекулятивного, сырьевого и лишь частично – промышленного – капитала.

Указанное обстоятельство очень важно зафиксировать вовсе не по каким-то «конспирологическим» соображениям. Просто необходимо понимать, что Евросоюз в его нынешней форме является производной от двух функций – укрепления мощи транснационального финансово-спекулятивного капитала и – в меньшей степени – формирования геополитической формы под экономическое лидерство Германии. Переживаемый Европой экономический кризис является во многом результатом деиндустриализации и экономической деградации всех новых членов ЕС и многих старых при раздувании сектора услуг, особенно – финансовых. И остается непонятным, причем тут разнородность входящих в ЕС государств. Да, неоднородность создает некоторые затруднения, но они к нынешнему европейскому кризису не имеют никакого отношения, поскольку помимо Греции уже на грани катастрофы Италия и Испания. Даже насчет Франции появляются алармистские суждения.

Кстати, в ситуации приближающейся глобальной катастрофы налицо отсутствие в мире в целом компетентных фигур и экономистов, которые могли бы хотя бы гипотетически предлагать какую-то серьезную альтернативу. И это действительно страшная ситуация.

Например, в США в ходе недавней дискуссии между администрацией президента и парламентом Обама и республиканцы предлагали две, казалось бы, противоположные, но абсолютно бессмысленные модели. Это либо «снижение социальных расходов» – та людоедская модель выживания элиты за счет массы населения, которую в России как раз предлагают Мау и Кузьминов, а в США – республиканцы. Либо повышение налогов на бизнес, соответственно, с разрушением бизнеса и разрушением в условиях глобализации качественных, дорогих рабочих мест для населения, что предлагают демократы.

Ни та, ни другая модель не может служить серьезным инструментом выхода из нынешнего жесточайшего кризиса. То есть никакие формальные псевдоэтатистские, дирижистские модели с увеличением просто формально фискальной функции государства, ни неолиберальные модели людоедского типа ни к чему хорошему для мира и постсоветского пространства не приведут.

Пора делать ставку на принцип соразвития – государственное планирование создания и развития производительных сил в наших странах, – на сквозные проекты развития, которые только и способны создать стоимость и сверхстоимость – а значит, и накормить население. Все же бесконечные старые одинаково убогие и бесперспективные модели надо оставить в прошлом.

Разноуровневость и разновекторность интеграции: 5 направлений интеграции и 5 разных проектов

Принцип соразвития как методологическое основание интеграции способен резко, в разы усилить евразийский интеграционный проект, его устойчивость к внешним потрясениям. Например, интеграция в интересах соразвития не требует слишком жесткого соблюдения общих макроэкономических параметров – соблюдения, которое сегодня ожидается от участников будущего Евразийского союза. Понятно, что добросовестное вы-

к теме

Степа Сафарян,
глава парламентской фракции оппозиционной партии Армении «Наследие»

Единственной целью России является усилить зависимость бывших советских республик и создать многоуровневую зависимость от Москвы. Цель состоит не в создании структуры наподобие Евросоюза с рядом входящих в него одинаково сильных государств, а просто в том, чтобы не дать странам СНГ слишком забыться и углубить свои отношения с Западом, что может привести к ослаблению их зависимости.

полнение этих условий проблематично и может обернуться для присоединяющихся стран тяжелыми последствиями, вплоть до политической дестабилизации. Принцип соразвития позволяет определить 3–4 ключевых стратегических проекта развития, которые, с одной стороны, объединят участников проекта значительно крепче, чем все макроэкономические условия вместе взятые, а с другой, помогут более гибко, с учетом местной специфики подходить к оценке экономической политики каждого из интегрирующихся государств. К слову, в Киргизии, в отличие от Беларуси, России или Казахстана, на первом месте стоят вопросы первичной реиндустриализации и декриминализации общества, разрушения связки между наркокартелями и политическими структурами. Без этого вхождение страны в ЕЭП может иметь очень печальные последствия для населения всего будущего Евразийского союза.

Необходимо максимально дифференцировать подходы к интеграции, которые будут применяться российским руководством на различных ее направлениях. Можно выделить пять особых направлений интеграции и пять соответствующих им интеграционных проектов:

- интеграция с Беларусью, строительство и развитие Союзного государства;
- интеграция со странами Центральной Азии при особом статусе Казахстана и нацеленности на формирование конструктивных отношений с Афганистаном – проект «Новый Средний Восток»;
- интеграция с кавказскими республиками в рамках проекта «Большой Кавказ»;
- интеграция с Украиной в ближайшем будущем – на прагматичной основе, исходя из интересов научно-технологической и промышленной кооперации;
- интеграция с Монголией с учетом задач формирования российского центра мирового развития на российском Дальнем Востоке, обеспечения полноценного присутствия России и всего Евразийского союза на тихоокеанском побережье.

У каждого из этих направлений есть своя специфика. Но общей основой работы является нацеленность на соразвитие, на выдвижение и реализацию сквозных, скрепляющих весь союз проектов.

Союзные проекты развития

Матрица союзных проектов развития включает прежде всего три созидательные революции, способные сразу же кардинально изменить ситуацию в Евразийском союзе, резко увеличить емкость его внутреннего рынка и создать пространство для наращивания промышленных мощностей стран-членов.

Первая революция – градостроительная. Она предполагает формирование новых типов поселений на основе современных технологий, переход от мегаполисной к ландшафтно-усадебной урбанизации и создание 1000 новых (обновленных) городов на постсоветском пространстве. Эта революция формирует колоссальный по своим масштабам заказ на продукцию совершенно новых либо загубленных на постсоветском пространстве отраслей промышленности (малоэтажное экологическое домостроение, электроника, технологии автономного жизнеобеспечения домов и поселений и др.).

Вторая революция – это полное преодоление энергодефицита на всей территории Евразийского союза преимущественно за счет опережающего развития ядерных технологий, включая модульные малые АЭС, создания и внедрения замкнутого ядерного топливного цикла и выхода на промышленную выработку и применение термоядерной энергии. В рамках такой революции должен произойти массовый ввод в строй распределенных систем малой энергетики за счет альтернативных технологий (малые ГЭС в горных регионах, геотермальные установки и др.). Данная революция также тянет за собой целый спектр отраслей – от приборостроения и машиностроения для нужд самой промышленности до высоких гуманитарных технологий, связанных с радиомедициной и другими «нетрадиционными» направлениями использования радиации.

Третья революция – формирование новой промышленной системы на собственных научно-технологических основаниях, переход в новый технологический уклад и развитие промышленности как средства производства мирового качества жизни населения. Сюда же относится и приоритетное развитие высокотехнологичного машиностроения и – главное – спасение авиационной промышленности, а также других отраслей, связанных с оборонно-промышленным комплексом.

Примыкают к промышленно-технологической революции, но все-таки представляют собой особое, отдельное направление промышленного и пространственного развития Евразийского союза **стратегические транспортные проекты** – трансъевразийские магистрали («Транссиб 2.0» и в целом новые транспортные системы). Для Евразийского союза потребуется полный спектр транспортной инфраструктуры, связанной не только с трансконтинентальными перевозками между Атлантикой и Тихим океаном, о которых все говорят, но и с внутренними перевозками, эффективность которых также должна возрасти за счет применения новых технологий (малой авиации, экранопланов, дирижаблей и др.).

В контексте союзной проблематики заслуживает отдельного упоминания российский космический проект. В настоящее время самым актуальным направлением развития космических технологий является решение проблем автономной социальности в космосе. Для того чтобы человечество смогло сделать следующий осознанный шаг в освоении космоса, необходимо обеспечить реалистичность его существования в экстремальных, изолированных от «большой земли» средах. Поэтому на повестку дня выходят сложнейшие фундаментальные проблемы, касающиеся самих основ человеческого общежития, возможных принципов его организации и т.д. Это новое поколение проблематики в освоении космоса можно назвать «Космос 2.0» –

Матрица союзных проектов развития включает три созидательные революции, способные сразу же кардинально изменить ситуацию в Евразийском союзе: градостроительную, полное преодоление энергодефицита, формирование новой промышленной системы.

к теме

Михаил Саакашвили, президент Грузии

Если ЕС – это будущее, то Евразийский союз – это прошлое, и именно поэтому он не оправдает себя. Такой же проект навязали Грузии и многим другим странам почти один век назад. Тогда его называли по-другому – Советский Союз. У сегодняшней России нет ресурсов для того, чтобы сохранить оккупированные территории; вообще, в каком состоянии находится Россия, все мы наблюдаем в эти дни; практически очень пошатнулась.

Радио «Голос Америки», 8 декабря 2011

в противоположность «Космосу 1.0», где главными были задачи физического передвижения в космическом пространстве.

Именно для «Космоса 2.0» Движение Развития добивалось и смогло добиться принятия решения о создании на базе пусковой площадки в Амурской области космодрома «Восточный», а сейчас продвигает идею создания на его базе Национального космического центра имени П.А. Флоренского. На примере «Космоса 2.0» можно очень ярко проиллюстрировать необходимую в рамках Евразийского союза кооперацию между нашими странами. Технологически «Космос 2.0» – это:

- передовые научные разработки (при безусловном научном и организационном лидерстве России), касающиеся автономной жизнедеятельности и автономных планетных поселений, для которых базовой экспериментальной площадкой должен стать космодром «Восточный» и Национальный космический центр имени П.А. Флоренского;
- многочисленные и регулярные запуски космических аппаратов, для чего в советскую эпоху была создана уникальная и незаменимая площадка в Казахстане – Байконур;
- сотрудничество российских и украинских ракетостроителей в работе над принципиально новым ракетоносителем;
- сотрудничество российских и белорусских специалистов в деле математического моделирования и обеспечения космических полетов и иных процессов на базе союзных компьютеров «СКИФ»;
- создание производств солнечных батарей рядом с месторождениями кремния в Киргизии.

Таким образом, «Космос 2.0» является проектом, для которого интеграция между нашими странами не только уместна, но и жизненно необходима. То же касается других перечисленных направлений.

Отдельно следует отметить такой безусловный приоритет в интеграции, как создание единого гуманитарного пространства, наращивание цивилизационной мощи Евразийского союза. Важнейшим аспектом этой работы является формирование своеобразного «Евразийского Шенгена» – общего пространства жизни граждан государств-членов Евразийского союза.

Можно выделить также два других важнейших направления в создании единого гуманитарного пространства.

Первое – формирование единого образовательного пространства под задачи промышленного и пространственного развития, основанного на собственных образовательных стандартах и составляющего конкуренцию западному «болонскому» проекту.

Второе – складывание единого социального пространства, пространства единой социальной политики, направленной на культивирование, усиление и реализацию личности каждого человека в Евразийском союзе. Эта новая социальная политика основана на работе с субъектностью сообществ граждан и опирается на самые передовые информационно-коммуникационные технологии, связанные с использованием электронных карт и ведением социальных регистров. Ценный опыт такой работы накоплен в России, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югра.

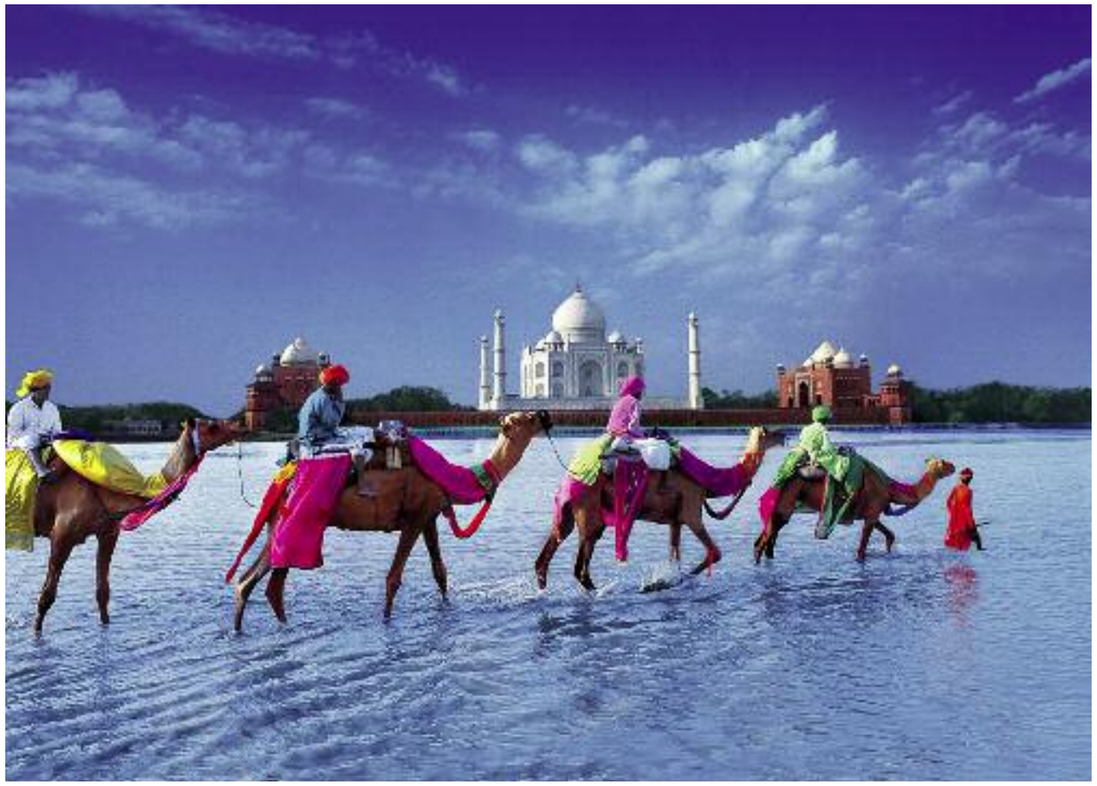
Для всего постсоветского пространства актуально преодоление тяжелых социальных последствий многолетней разрухи – деградации миллионов людей из-за наркотической и алкогольной зависимостей. Россия на сегодняшний день является безусловным лидером, официально заявившим о приоритетности создания национальной системы социальной реабилитации и ресоциализации наркозависимых. Однако взаимодействие со специалистами и общественными организациями стран Евразийского союза является для успеха этой работы крайне важным.

«Новый Средний Восток»

Предметом особого интереса для России, Беларуси и Казахстана является уникальный регион Центральной Азии. В настоящее время динамику ситуации в данном регионе определяют пять фундаментальных факторов:

- военное присутствие США и НАТО в Афганистане и наращивание этого присутствия в собственно Средней Азии и Пакистане;
- глобальный феномен афганского наркопроизводства – главного провокатора нестабильности в регионе;
- высокая активность других глобальных игроков в регионе, осуществляемая ими в своих эгоистических интересах, – Евросоюза, Китая, Индии, Турции;
- продолжающиеся и усугубляющиеся процессы инфраструктурной, промышленной и как следствие социокультурной деградации стран региона, что особенно значимо для густонаселенной Ферганской долины;
- практически полное отсутствие позиции и осмысленных действий России в регионе.

К сожалению, до самого недавнего времени в России было едва ли не принято относиться к Средней Азии примерно так же, как к Зимбабве или Парагваю, – мол, это дальние страны, в проблемы которых «нам незачем лезть». Но осознание масштабов угрозы (сначала наркоугрозы, а затем, после ошских событий 2010 года, и геополитической



угрозы, которую создает нестабильность в регионе) подтолкнуло российское руководство к более активному и заинтересованному обсуждению судьбы этого региона. Современная российская политика в отношении Центральной Азии еще только начинает формироваться. Важнейшей вехой на этом пути стало заседание правительственной комиссии по разработке и реализации антинаркотических программ, обеспечивающих интересы Российской Федерации в Центральной Азии 21 октября 2011 г., на котором были одобрены концептуальные подходы к закладыванию основ и проведению такой политики. Другой важной вехой, безусловно, является принятие Киргизии в Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России.

Необходимо превратить территории Средней Азии и Среднего Востока – от Казахстана до северной Индии и Персидского залива – в принципиально новый макрорегион: «Новый Средний Восток».

В то же время развивать постсоветскую Среднюю Азию в отрыве от ее южных соседей – Афганистана, Пакистана, Ирана – невозможно. Поэтому автором и Движением Развития в 2008 году был выдвинут интеграционный проект по созданию нового макрорегиона – «Нового Среднего Востока». Цель проекта – превращение территории Средней Азии и Среднего Востока – от Казахстана до северной Индии и Персидского залива – в принципиально новый макрорегион. Такой макрорегион должен стать стабильным. В нем должен произойти промышленный подъем на основе проведения ускоренной индустриализации и системного сотрудничества России, Индии, Китая, Ирана, Афганистана, Пакистана, Монголии, Казахстана, Туркмении, Киргизии, Таджикистана, Азербайджана и Турции. При этом ключевым смыслом создания подобного макрорегиона должно стать формирование единого геоэкономического и геокультурного пространства, целенаправленно избавленного от каких-либо геополитических переделов и разделов, равно как и от геостратегических эгоистических задач отдельных стран. Из плацдарма гео-

политических столкновений и инструментального использования в интересах отдельных стран макрорегион следует превратить в ядро центральноевразийского общего рынка и площадку для диалога укорененных здесь цивилизаций и народов.

Для России смысл данного проекта определяется тремя целевыми функциями:

- обеспечением выхода для сибирских регионов страны к южным морям и их участия в едином центральноевразийском рынке;
- ликвидацией военного присутствия США и НАТО в «южном подбрюшье» России, недопущением милитаризации и дестабилизации региона;
- военно-политической и социально-экономической стабилизацией региона за счет создания миллионов новых рабочих мест на местах, разрушения социально-экономического базиса афганского наркопроизводства, а также экстремизма и исламского фундаментализма во всем регионе.

В основе проекта «Нового Среднего Востока» лежит матрица проектов развития Центральной Азии, механизмом для разработки и реализации которых должна стать специальная стратегическая государственно-частная бизнес-структура – Корпорация развития Центральной Азии со штаб-квартирой в Бишкеке. В целом такой подход был одобрен на упомянутом выше заседании правительственной комиссии в октябре прошлого года.

Поэтому ключевой вопрос сегодня – содержательный: какие проекты могут составить основу для стабилизации и развития Центральной Азии? Кто в регионе сегодня способен принимать участие в их разработке и реализации?

Движение Развития совместно с Институтом демографии, миграции и регионального развития, а также экспертами, политиками, государственными чиновниками стран региона в рамках программы «Проектное государство» за последний год интенсивно прорабатывало вопрос о матрице проектов развития Центральной Азии. В настоящее время результаты этой деятельности позволяют нам говорить о следующих основных проектах совместного развития стран региона:

- индустриализации Центральной Азии;
- центральноазиатском рациональном водопользовании;
- белковой безопасности в Центральной Азии (через строительство сети птицефабрик);
- создании Центра многоуровневой подготовки кадров в интересах развития российско-центральноазиатского сотрудничества;
- ликвидации центральноазиатских наркопосевов и нарколабораторий;
- формировании союзной системы социальной реабилитации (СССР) наркозависимых, алкоголиков и лиц с другими видами зависимости;

и ряде других.

Особую роль в развитии Центральной Азии играют и будут играть транспортные проекты. Исключительное значение для региона будет иметь железнодорожная магистраль Сибирь–Казахстан–Туркмения–Иран. Она возникнет после ввода железной дороги длиной почти в 800 километров между казахстанским Узенем (Жанаозеном) и туркменскими станциями Берекет, Этрек и Гурген. Чрезвычайно важна и трансафганская магистраль от иранского города Мешхед через Герат и Кандагар до пакистанского города Кветта. Исключительное значение будет иметь и открытие полноценного железнодорожного сообщения между Киргизией и Таджикистаном.

Возникает возможность кардинально пересмотреть смысл, идеологию и географию широко пропагандируемого последние 15 лет международного транспортного коридора «Север–Юг». Куда более привлекательные возможности появляются у этого проекта с переносом «Севера» с крайнего Северо-Запада России на сибирское побережье Северного Ледовитого океана.

Указанные и другие экономические проекты должны быть дополнены инвестированием в социальную и гуманитарную сферы региона, прежде всего, в образование, которое является основой общественного воспроизводства. В итоге индустриализация региона, в котором проживает 400 миллионов человек, приведет к формированию нового общего рынка, который станет новым местом приложения капиталов и технологий – как для стран Таможенного союза, так и для внешних инвесторов. Поэтому необоснованными, хотя и внутренне понятными, являются опасения казахстанской стороны относительно присоединения к Таможенному союзу и ЕЭП Киргизии и Таджикистана. Участие этих стран в интеграционной инициативе и затем в Евразийском союзе крайне необходимо. Однако главный акцент во взаимоотношениях с ними должен быть сделан на реализации проектов развития, а не на унификации макроэкономических параметров.

Движение Развития – общественный субъект политики соразвития постсоветского пространства

Благодаря консолидированной поддержке со стороны глав Беларуси, Казахстана и России инициативы создания Евразийского союза, вопрос интеграции окончательно и бесповоротно внесен в политическую повестку дня трех стран и постсоветского пространства в целом. Уже не имеет особого смысла обсуждать, нужна ли нам интеграция: безусловно, нужна – и это теперь официальная позиция наших стран.

Исключительное значение для развитии Центральной Азии будет иметь железнодорожная магистраль Сибирь–Казахстан–Туркмения–Иран.

Главный вопрос, который сегодня стоит перед нами: какой сценарий интеграции будет реализовываться на постсоветском пространстве? Будет это инерционный сценарий, делающий упор лишь на централизацию механизмов управления экономиками трех стран и лишь усиливающий позиции тех экономических групп, которые за последние 20 лет продемонстрировали свою полную несостоятельность? Или же это будет сценарий соразвития наших стран, создающий новую экономику развития, новую сверхстоимость, новое общественное богатство и резко повышающий качество жизни наших народов?

Ответы на эти вопросы в очень существенной мере зависят от позиции общественности наших стран. Как показал уже многолетний опыт работы Движения Развития, нет такой ситуации, которую нельзя было бы изменить общественной структуре, если выстроить проект, учитывающий позиции всех субъектов процесса, и организовать на его основе правильное публичное действие. Поэтому в ближайшие месяцы ключевое значение для судьбы евразийской интеграции будет иметь позиция и активность общественных организаций.

Сегодня необходима серьезная работа в экспертном сообществе, средствах массовой информации и академических кругах по выработке полной матрицы сквозных проектов развития будущего Евразийского союза. Это, по сути, и есть гарантия эффективности союза, а также надлежащего учета интересов всех стран, входящих в него. На основе опыта реализации программы «Проектное государство» Движение Развития готово играть в этом процессе самую активную роль и приглашает к сотрудничеству государственные, общественные и коммерческие структуры, а также и аналитические центры, заинтересованные в продвижении евразийской интеграции в проектном ключе.

Судьба евразийской интеграции и планетарного развития находится в наших руках.

Светлана Владимировна Лурье – доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург)

Евразийский союз в оценках зарубежных обозревателей

Основной вопрос, который волнует зарубежные СМИ в связи с провозглашением Владимиром Путиным идеи создания Евразийского союза (ЕАС), можно сформулировать следующим образом: идет ли речь о воссоздании Российской империи (или Советского Союза) или дело тут в чем-то другом. Имперские перспективы, которые многим экспертам кажутся реальными, вызывают страх и трепет. И лишь немногие видят в идее Путина позитивное намерение, сводящееся к укреплению европейской цивилизации в ее противостояние с цивилизацией китайской.

Новая империя

Идея создать Евразийский союз – признак имперских замыслов российского премьер-министра, полагает журналистка Мириам Элдер из «Гардиан». «Путин, – подчеркивает она, – уже сформировал бесчисленные организации под руководством Москвы, стараясь удержать могущество, которое Россия утратила с распадом СССР». «Дейли Мейл» в статье «Назад в СССР? Планы Путина создать “Евразийский союз” вызывают страх перед возвращением холодной войны», подготовленной журналистами ее зарубежной редакции, утверждает, что «Путин пробудил страх перед возрождением СССР». «Путин отрицает, что это возрожденный СССР. Но, если отвлечься от коммунистической идеологии, сходство есть», – считает Нил Бакли из «Файнэншл Таймс». «Российский премьер-министр Владимир Путин вынашивает замысел создания Советского Союза “лайт”, который, как он надеется, станет новой мощной группировкой государств под руководством Москвы», – пишет Питер Леонард из «Сан-Франциско Кроникл». «Будущий президент Путин собирается отметить сотую годовщину Октябрьской революции в 2017 по крайней мере расширенным Таможенным союзом, который бы обладал силой <...> способной возродить российскую имперскую мечту. <...> Один опытный московский журналист прошептал однажды в частной беседе: “Владимир Владимирович хочет быть императором – императором чего-нибудь, чего угодно. Не ищите более сложных мотивов”», – утверждает в статье «Император возвращается» Джордж Уиттман из «Американ Спектэйтор».

Западные журналисты в большинстве своем полагают, что трудно было ожидать другого от человека, который назвал распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века». «Западная пресса сразу увидела торчащие уши. <...> Очевидно, что в основе путинского предложения лежит великодержавный концепт “собирания земель” под эгидой Москвы. Кремль не оставляет попыток создать хоть какой-нибудь суррогат СССР в “облегченном” варианте, меняя формы реинтеграции, – то ли Союзное государство, то ли ЕврАзЭС, то ли Единое экономическое пространство (ЕЭП), или вот сейчас ЕАС. <...> Поэтому есть уверенность, что едва ли не более весомым объектом предложения Путина является болезненный синдром российских граждан – чувство потери величия. Население страны ждет возвращения “несправедливо отнятого”, и накануне скорой предвыборной кампании так соблазнительно дать ему такие обещания, одновременно отвлекая внимание от спланированной преемственности на президентском посту», – пишет автор «Нью Юроп» (Бельгия) в статье «ЕС и Евразийский союз».

«Владимир Путин сказал Москве и миру, зачем он в будущем году вернется в Кремль и будет править оттуда наверняка еще следующие двенадцать лет. Он ставит перед со-

бой масштабную цель: собрать воедино земли, которые некогда составляли занимавший одну шестую часть суши Советский Союз. Если бы проект создания управляемой из Москвы сестры Евросоюза удалось осуществить, лидер нации занял бы почетное место в истории России – на высшей ее ступени. Ведь там место для тех, кого россияне называют "собирателями земли русской", то есть тех, которые объединяют разрозненные территории, воспринимаемые ими как свои. Так вошел в историю живший в XIV веке московский князь Иван Калита – мудрый, терпеливый и упрямый владыка. <...> Владимир Владимирович прославился фразой, сказанной им в одном из ежегодных посланий к народу, о том, что распад СССР был "крупнейшей геополитической катастрофой века". В мире восприняли эти слова как предостережение о возрождении московского империализма. Но для подавляющего большинства россиян и очень многих жителей постсоветских республик – это был бальзам на незаживающие раны. Даже те, которые родились уже в новой России, ассоциируют себя с великой державой, которая победила Гитлера, отправила человека в космос и приводила в ужас ядерным арсеналом своего извечного врага – Америку. Они продолжают считать, что то, что было советским <...> по сей день является единым пространством», – размышляет Вацлав Радзивинович из польской «Газеты Выборчей» в статье «Собирание земель русских». «Эта (Евразийского союза. – *С.Л.*) перспектива вновь пробуждает воспоминания о холодной войне. Утверждается, что этот союз по примеру еврозоны будет фокусироваться на экономике, однако можно себе представить, что на деле Россия возьмет на себя политическое и экономическое лидерство, как во времена холодной войны», – отмечает автор журнала «Форбс» в статье «Евразийский союз и нефть».

FT FINANCIAL TIMES

San Francisco Chronicle

ЕАС и ЕС: противостояние

«Может ли Евразийский союз быть создан без распада Европейского союза? Вряд ли. Чтобы Евразийский союз действительно имел вес, он должен будет расшириться и включить в себя страны с большим экономическим потенциалом», – утверждает автор цитированной выше публикации в «Форбсе». «Евразийский союз представляет собой попытку восстановить зловещее прошлое Европы. Его заветная цель – смести с международной арены Европейский союз, являющийся первым конкурентом, с которым надо расправиться, чтобы восстановить свой статус мировой супердержавы и позволить российскому медведю конкурировать с азиатскими тиграми и бразильской пумой во все более глобализованном мире, в котором даже у американского орла подрезаны крылья в результате недальновидной политики Барака Обамы», – пугается Маттео Каццулани из «Иль Леньо Сторто» (Италия).

В отдельной врезке «Дейли Мейл» утверждает: «Понятие "Евразия" – колоссальная область суши, в состав которой входят Россия и некоторые из ее европейских и североазиатских соседей, – впервые фигурировало в антиутопии Оруэлла "1984". В романе СССР аннексировал континентальную Европу и создал сверхгосударство Евразия».

Отсюда понятны дикие страхи, что Россия может поглотить, по крайней мере, часть Евросоюза. Александр Леви из «Ле Монд» в статье «СССР умер: да здравствует Евразия?» пишет: «На этот раз новый элемент заключается в том, что столь дорогое Путину "единое экономическое пространство", в которое войдут Белоруссия, Россия и Казахстан, может в перспективе включить в себя все остальные республики бывшего СССР, а также другие верные российским экономическим интересам государства. На этом этапе речь может идти о Финляндии, Венгрии, Чешской Республике, Болгарии, Монголии, Вьетнаме, Венесуэле и Кубе. Нельзя не отметить, что помимо традиционных союзников Москвы в этот список входят и четыре члена Европейского союза. В этом и заключается второй и самый важный новый момент в данном проекте: он вбивает клин в Европу, которая, по словам всех ее лидеров, переживает тяжелейший кризис со времен Второй мировой войны. Но на этот раз нужно признать, что идея не так уж и безумна, особенно учитывая, что она прозвучала в момент страшной слабости ЕС, последнего пока еще жизнеспособного крупного образования в Старом Свете».

В статье «Евразийский союз и нефть» в «Форбсе» отмечается: «На первых порах Путина интересует возможное участие Киргизии, Таджикистана, Белоруссии, Казахстана и России, однако взгляды этого политика на СССР и на его распад заставляют думать, что предполагаемый Евразийский союз, возможно, будет включать в себя все бывшие советские республики – в том числе Армению, Азербайджан, Эстонию, Грузию, Латвию, Литву, Молдавию, Россию, Туркмению, Украину и Узбекистан. <...> Необязательно собирать вместе старую компанию. Россия, скорее всего, не столкнется с конкуренцией со стороны ЕС на своих южных границах, и это значит, что борьба будет вестись за страны Восточной Европы и Причерноморья».

Общим местом становится сравнение Евразийского союза с Евросоюзом. Так, Маттео Каццулани в «Иль Леньо Сторто» отмечает: «Этот план на все сто процентов повторяет создание Европейского союза. Проект интеграции копирует не только название "Европейский союз", в русском варианте – Евразийский союз, но и все институты ЕС. С января 2012 года Евразийская комиссия, в которую войдут другие заместители премьер-министров стран-членов, займется определением тех компетенций, которые государства должны будут уступить Союзу. При ней будет создана Евразийская коллегия – исполнительный орган, занимающийся вопросами бюджета и субсидий сельскому хозяйству и промышленности. "Мы лучше, чем Европейский союз, поскольку русские, белорусы и казахи уже знают друг друга, имеют сходную экономику и в прошлом общую принадлежность к Советскому Союзу, – заявил Медведев. – В Европейском союзе, напротив, соединились различные типы экономик, а вся тяжесть оплаты членства новых государств в ЕС отразилась на евро, единой валюте в стадии острого кризиса. Мы же не собираемся заключать союз с закрытыми глазами, и наш проект окажется лучшим по сравнению с европейским, хотя мы и не скрываем, что он нас вдохновил на создание

«Форбс»:

«На первых порах Путина интересует возможное участие Киргизии, Таджикистана, Белоруссии, Казахстана и России, однако взгляды этого политика на СССР и на его распад заставляют думать, что предполагаемый Евразийский союз, возможно, будет включать в себя все бывшие советские республики».

собственного". Тем не менее в словах российского главы государства есть некоторые неточности. Во-первых, Евразийский союз не является полной копией Европейского экономического сообщества, так как ни одна страна ЕЭС не навязывала другим свой таможенный кодекс и контроль за общими финансами, как до сих пор делала Россия. Во-вторых, европейский проект представляет собой преодоление хода истории, когда в союз западных стран вошли страны Восточной Европы, полвека находившиеся под господством коммунистов, а до этого в течение нескольких веков под давлением царской власти. Их экономическое планирование эволюционировало в короткий период, перейдя к свободному рынку, хотя и не без видимых затруднений».

Как полагает Ричард Вайц в «Уорд Политикс Ревью», «если Путин действительно видит, как могла бы существовать подобная модель по типу Евросоюза, то ее существование было бы крепко завязано на необходимости ввести единую валюту и независимый бюрократический аппарат для управления и поддержания законодательства и принятых экономических правил. У стран ЕС ушли десятилетия на то, чтобы передать брюссельской администрации внушительные <...> полномочия – что требует приведения к согласию многих законов и сил внутри государств. Тем временем различные темпы роста и разница по другим экономическим показателям среди стран-членов Евросоюза показывают свой разрушительный эффект, и предполагаемый Евразийский союз столкнется с теми же проблемами. Кроме того, предложенный Путиным Евразийский союз столкнется с серьезной конкуренцией со стороны Шанхайской организации сотрудничества, основанной на расширяющемся партнерстве Китая и стран Средней Азии, и особенно с конкуренцией со стороны Евросоюза, чьи постоянные попытки сформировать Восточное партнерство уже привели к укреплению связей с бывшими советскими республиками. И хотя Брюссель никому не предлагает полнокровного членства в ЕС, он может привлечь бывшие советские республики серьезными экономическими выгодами за сближение и сотрудничество с Евросоюзом и странами, в него входящими. <...> Для того чтобы преодолеть центробежную силу, в которую облачены эти тенденции, Россия должна стать более привлекательным партнером. В принципе Москва могла бы получить больше поддержки своим программам по интеграции, разделив свое влияние с другими в рамках совместных институций и внедрения более дипломатичной и примирительной политики в диалоге с соседями. На практике же, чтобы стать более привлекательным экономическим партнером, способным вести торговлю с этими соседями и проводить взаимные инвестиции, Россия должна добиться большего успеха в модернизации на собственной территории, а также в проведении и других реформ. Команда Путина заявляла, что объединение не станет дублировать Организацию Договора о коллективной безопасности, Содружество Независимых Государств и другие существующие объединения и не станет их заменой. Тем не менее неясно, как Таможенный союз будет работать с другими структурами – или как ему придется обходить их».

«Нью Юроп» излагает собственное понимание отличий Евразийского союза от Евросоюза: «Главное отличие заключается в практически противоположных ценностях, лежащих в основе этих двух образований. Безусловно, впечатлило обещание строить Евразийский союз "на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемую часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов". Интересно, а что мешало тому же Путину в течение 12-летнего правления хотя бы начать в России движение в этом направлении? Неужели именно отсутствие ЕАС? Что касается собственно экономики, то, по мнению российских экспертов, в России пока не наблюдается никаких признаков того, что власти готовы пересмотреть принципы своей экономической политики в пользу европейских стандартов. Аналитики не верят обещаниям премьера, что вследствие конкуренции национальные правительства вдруг начнут улучшать деловой климат, ведь пока все происходит с точностью до наоборот. Наверное, было бы слишком рискованно исключать возможность образования некоего экономического объединения. Однако, кажется, уже каждому должно быть понятно, что никто не будет объединяться бесплатно. Поэтому, если будут российские деньги, какой-то экономический союз может быть построен, хотя, конечно, не в объявленных масштабах. А вот проект возрождения империи никаких шансов на реализацию не имеет».

ЕАС и ЕС: сосуществование

Эдуард Штайнер из «Ди Прессе» считает вполне реальным сосуществование Евразийского союза и Евросоюза: «В отличие от предыдущих попыток, перспективы сегодня лучше, поскольку реинтеграция по крайней мере с отдельными государствами уже продвигается вперед. Украина ведет себя гораздо более строптиво, чем это можно было ожидать. Для того чтобы не повредить договору об ассоциативном членстве и соглашению о создании зоны свободной торговли с Евросоюзом, украинские правители держат Москву на дистанции. Тем не менее шансы у Москвы неплохие. Если российское доминирование на постсоветском пространстве еще пять лет назад было спорным, то теперь его никто не может отрицать. <...> У Соединенных Штатов и Евросоюза другие приоритеты».

В редких случаях Евразийский союз рассматривается как полезное с точки зрения Евросоюза образование. Так, Стефано Грациоли из «Лимеса» (Италия) пишет: «Сегодня, по прошествии двух десятилетий после его распада, новый Союз, предложенный Владимиром Путиным, может стать вектором для будущего сближения между Европой и постсоветским пространством. Его будущий мандат станет определяющим. <...> Ближайшие шесть лет с Путиным в Кремле окажутся решающими в понимании не только того, по какой дороге пойдет Россия в своем внутреннем развитии, но и того, сможет ли этот новый международный игрок сопротивляться наступлению китайского дракона».

А Дэра Макдауэлл из «Уорд Политикс Ревью» в статье «Путинский Евразийский союз заслуживает более пристального внимания» утверждает: «Реакция западной прессы на прозвучавшее в начале октября предложение российского премьер-министра Владимира Путина о создании Евразийского союза оказалась более или менее предсказуемой для тех, которые давно уже наблюдают за Россией. Появилась масса уже всем хорошо знакомых обвинений в российском неоимпериализме, а также дикие заявления о "новом Советском Союзе". <...> Рефлекторная реакция легкой паники по всему спектру журналистского и общественного мнения Запада является необоснованной, причем не только потому, что предложения Путина нереальны, но и в связи с тем, что они на самом деле имеют большой практический смысл для Евросоюза. <...> Укрепление экономической интеграции – это вполне разумная и целесообразная идея для всего региона. Аналитики расходятся в своих оценках выгод и преимуществ, которые даст такая интеграция, но в целом они согласны с тем, что даже такая скромная перемена, как включение Украины в действующий в составе Белоруссии, Казахстана и России Таможенный союз, существенно

Стефано Грациоли («Лимес»):
«Сегодня, по прошествии двух десятилетий после его распада, новый Союз, предложенный Владимиром Путиным, может стать вектором для будущего сближения между Европой и постсоветским пространством. Его будущий мандат станет определяющим».

Александр Леви («Ле Монд»):

«На этот раз новый элемент заключается в том, что столь дорогое Путину “единое экономическое пространство” может в перспективе включить в себя Финляндию, Венгрии, Чешскую Республику, Болгарию, Монголию, Вьетнам, Венесуэлу и Кубу. Нельзя не отметить, что помимо традиционных союзников Москвы в этот список входят и четыре члена Европейского союза».

увеличит ВВП каждого из этих государств. Более того, поскольку бывшие советские республики все активнее интегрируются в глобальную экономику – как через ВТО, так и через укрепление сотрудничества с Евросоюзом, – возникают большие преимущества в преодолении опасных перекатов и порогов глобализации в составе блока. Таким странам, как Таджикистан и Узбекистан, будет гораздо легче модернизироваться и уходить от своего статуса сырьевого экспортера, если они войдут в глобальную экономику как часть единого постсоветского экономического союза. <...> Из-за отсутствия формальных правил игры Россия может использовать свои неоспоримые преимущества буквально по всем показателям государственной мощи и силы. Это не остается незамеченным для ее собеседников. В частности, Казахстан проявляет безграничный энтузиазм и готовность к членству буквально в любом постсоветском клубе, руководствуясь отчасти стремлением строить отношения с Москвой в таких форматах, где есть четкие институциональные правила и ограничения для российской власти».

В Японии считают, что Евразийский союз является вызовом не Евросоюзу, а Китаю. Так, «Дипломат» (Япония) утверждает: «Российский премьер-министр Владимир Путин бросил перчатку Китаю по вопросу соперничества двух стран в Средней Азии, объявив о планах создания Евразийского союза, чьи границы будут охватывать большую часть территорий к северо-западу от Китая и дадут России власть над пространством, через которое осуществляется доступ Китая к среднеазиатским рынкам и энергетическим поставкам».

Предложенную Россией интеграционную карту, которая удивительно напоминает очертания бывшего Советского Союза, подчас воспринимают и как вызов Европейскому союзу. Вот что утверждает «Файнэншл Таймс»: «Все это происходит на фоне ослабления попыток более тесной интеграции Европейского союза со своими восточными соседями. Даже если это случайное совпадение, статья Путина появилась через несколько дней после саммита ЕС в Варшаве, направленного на возобновление инициативы привлечения в свои объятия шести бывших советских республик, известных как Восточное партнерство. Это было неудачной шуткой».

Здесь, правда, недостает одной детали. Страны, уже подписавшие соглашение о союзе, дали проекту определенную восточную ориентацию, а Россия намного серьезнее озабочена китайским влиянием в регионе, чем раздающимися издалека пересудами Европы и Соединенных Штатов. В недавнем докладе Стокгольмского института исследования проблем мира говорится, что китайско-российские отношения ослабевают, так как Китай стремится разнообразить портфель поставщиков энергии и превращается из покупателя оружия в конкурирующего производителя. Обе страны имеют протяженные среднеазиатские границы, а также серьезные интересы в этом регионе. При этом Китай ищет поставщиков энергии и стремится контролировать потенциальные базы боевиков из мусульманского региона Синьцзян. Две главы новой книги американского Национального бюро азиатских исследований посвящены «Большой игре» в Средней Азии. Там содержится вывод о том, что вооруженный инфраструктурными проектами и с полными карманами кредитов, а также крупнейшим в мире рынком для ископаемых видов топлива, Китай производит впечатление страны, которая в длительной перспективе сможет предложить гораздо больше, чем Россия. Но, вероятно, Путин надеется, что, предлагая доступ к рынкам и политическую поддержку сегодня, Россия сможет привязать эти страны к сделке, которая сделает Москву привратником при реализации китайских энергетических и политических проектов в Средней Азии. Экономический и даже валютный союз с Россией в своей основе будет гарантировать его длительную актуальность в Азии, где в наступившем столетии, похоже, будет доминировать Китай.

■

Мнения западных обозревателей противоречат друг другу. Эксперты пока не разобрались, с чем имеют дело в лице Евразийского союза, но, как ко всему исходящему от России, относятся весьма настороженно. Странно одно: на фоне неудач уже нескольких интегративных проектов России зарубежные аналитики почти не сомневаются в осуществимости этой – евразийской – инициативы. Она представляется им или будущей, или уже даже существующей угрозой. Такая заданность оценок выглядит странной, поскольку, казалось бы, эксперты должны прежде всего задаваться вопросом: реально ли то, о чем говорит Россия? Но именно такая постановка в комментариях почти что отсутствует. Вряд ли это от действительной веры в мощь России, скорее – от недоверия к себе на фоне углубляющегося кризиса Евросоюза.

Олег Георгиевич Бахтияров –
генеральный директор Университета эффективного развития (Киев), разработчик концепции психонетики – технологий использования ресурсов сознания для решения различных задач, руководитель сети психонетической подготовки в Киеве, Москве, Санкт-Петербурге, Минске, Алма-Ате и других городах, автор книг «Постинформационные технологии: введение в психонетику», «Деконцентрация», «Активное сознание»

«Дикие карты»
и отклонения от хода истории

Время перемен

Конец эпохи (а мы явно присутствуем при конце сложившегося политического, геополитического, культурного порядка, по крайней мере, это становится общим местом в рассуждениях ведущих аналитиков) заставляет задуматься, какой порядок установится «после конца». Что наступит потом – после времени перемен?

Конец эпохи предвещает множество событий – очередную трансформацию политического режима в России, смену культурной и расовой доминанты в Европе, сдвиги глобальной геополитической конфигурации, наступление новой технологической эпохи, отказ от существующих финансово-экономических инструментов и, наконец, распад старой и появление новой идеологической карты. Все эти события увязаны друг с другом и могут быть поняты лишь как частные случаи одного большого цивилизационного Перехода, который может состояться (и тогда это действительно будет Переход) или не состояться (и тогда вместо Перехода произойдет Откат).

Аналитика и прогностика в условиях глобальных перемен уже не в состоянии опираться на методы обычной экстраполяции видимых трендов и нахождения точек ветвления исторических процессов. Любой прогноз новой эпохи, который дается в конце старой, будет ошибочным: тенденции прерываются, и таблицы мыслимых вариантов уже заполнены. Это означает, что место прогнозов занимают проекты, опирающиеся на совершенно иную аналитику – аналитику непредсказуемых и немыслимых событий, «диких карт» (Сергей Переслегин), «черных лебедей» (Нассим Талеб), не проистекающих из видимых процессов и тенденций. «Дикие карты» никак не проявляют себя в текущей реальности, они виртуальны, и потому аналитика «диких карт»/«черных лебедей» – это особая аналитика. Это выявление «материи» исторических мутаций, постулирование особого виртуального мутационного процесса, лишь изредка вторгающегося в актуальность. Такой процесс раньше улавливался только визионерами-фантастами, но сейчас он начинает попадать в поле зрения и аналитического сообщества (взять хотя бы уже упомянутые «дикие карты будущего» Переслегина или «теорию виртуальности» Сергея Дацюка).

Конец эпохи предвещает множество событий – очередную трансформацию политического режима в России, смену культурной и расовой доминанты в Европе, сдвиги глобальной геополитической конфигурации, наступление новой технологической эпохи, отказ от существующих финансово-экономических инструментов и, наконец, распад старой и появление новой идеологической карты.

Аналитика «диких карт» предполагает обращение к особой истории – истории не закономерных процессов, а отклонений от них. Признание возможности немыслимых событий как проекций виртуальных мутаций реабилитирует и немыслимые действия. Аналитике «диких карт» соответствует планирование отклонений от исторических нормативов. Во времена перемен такая возможность появляется.

Опыт предыдущих отклонений

Предыдущее время перемен (1914–1945 годы) подарило два ярчайших отклонения от исторических нормативов – советский коммунистический эксперимент и германский национал-социалистический проект. И на их примере (отвлекшись от сопровождавших реализацию этих проектов кровавых эксцессов) можно увидеть, как в нормативную реальность вторгается виртуальный мутационный процесс.

Начнем с того, почему мы рассматриваем это как отклонения. Безусловно, что считать отклонением, а что вариацией норматива, зависит от позиции, с которой рассматривается тот или иной феномен. Отклонением будем считать стабильное (то есть существовавшее длительное время) сочетание политического режима и культурных (в том числе и идеологических) форм, воспринимаемое окружающей социокультурной средой как экстремистское, «неправильное» явление, которое невозможно было предусмотреть, опираясь на предшествовавшие тенденции.

Время перемен начинается с кризисных явлений, разрушающих сложившиеся формы управления обществом. Для периода 1914–1945 гг. таким пусковым механизмом явилась Первая мировая война, подорвавшая основы стабильной жизни, разрушившая в

Уильям Блейк. Ветхий днями. 1794

Уильям Блейк. Сатана перед троном Всевышнего. 1797

Время перемен начинается с кризисных явлений, разрушающих сложившиеся формы управления обществом. Первая мировая война разрушила традиционные системы управления и выбросила на улицы городов критическую массу людей, освоивших ненормативные для мирной жизни формы коммуникации – военное братство и язык команд.

ряде стран традиционные системы управления и выбросившая на улицы городов критическую массу людей, освоивших ненормативные для мирной регулярной жизни формы коммуникации – военное братство и язык команд. В эту новую нестабильную реальность и прорвались «дикие карты» коммунизма и фашизма, изменившие ход истории и для отдельных стран, и для мира в целом. Мы считаем их отклонениями, поскольку они, во-первых, продекларировали создание нового типа цивилизации, основанной на иных ценностях и иных социальных технологиях, нежели те общества, на основе которых они возникли и которые их окружали, и, во-вторых, просуществовали относительно краткое время.

Характер отклонений определяется базовой идеологической картой – пониманием природы человека, общества и главных задач, стоящих перед ними. Они должны радикально отличаться от того норматива, по отношению к которому происходит отклонение. Поскольку отклонения идеократичны по своей природе, именно из этих идеологических отличий проистекают различия в технологиях социального управления.

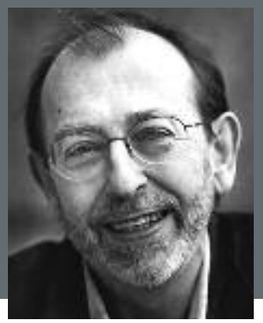
Человек есть существо, обусловленное культурно, а культура обусловлена духовно, социально и генетически. В какой-то момент приходит понимание тотальной обусловленности сознания культурными факторами, и появляется проект освобождения от этой обусловленности.

Факт социальной обусловленности был заострен марксизмом, использовавшим для отклонения упрощенные базовые технологии управления социальными структурами. Раз культура порождается социальными структурами, то именно они должны использоваться в качестве первого шага анализа и первого управленческого звена. Свобода понимается как принятие социальных механизмов формирования человеческого сознания. Слияние с этими механизмами и есть освобождение от культурной обусловленности сознания. Путь к освобождению лежит через отождествление с социальным («свобода есть осознанная необходимость»).

Но если социальные механизмы первичны, то спонтанная активность сознания, будучи противопоставленной им, становится враждебным фактором. Так, несмотря на существенную трансформацию коммунизма в советском проекте,

Фрэнсис Фукуяма

Раймонд Курцвейл



Ален де Бенуа

Юрий Мамлеев

проблематика культуры и сознания находилась под подозрением и признавалась лишь в той мере, в какой она была подчинена социальному. Проект мог бы быть продолжен следующим отклонением – преодолением социальности, но этого не произошло. В результате мы имеем то, что имеем.

Национал-социализм, пытаясь преодолеть обусловленность сознания социальными механизмами, сделал другой шаг: попытался перейти от традиционной культурной обусловленности сознания к антропологической, генетической, то есть расовой обусловленности. Расово обусловленному сознанию надлежало создавать собственные культурные проекции. Это был сильный ход в стремлении освободить сознание от господства внешних культурных факторов, но он был нерадикальным: преодолевая форматирование культурой, сознание сталкивалось со своей потенциальной свободой, но подчинялось внутренним факторам – расовой архетипике. Вначале это вдохновляло: освобожденная расовая архетипика создавала свои проекции – новые формы организации жизни и новые, ранее невиданные проекты. Но в какой-то момент пришло понимание, что это – все еще не свободное от обусловленности действие, а реализация пусть и самых близких, но все же внешних по отношению к нему стремлений архетипической оболочки. И тогда возникла потребность в новом отклонении, способном преодолеть старое.

Отклонения от отклонений

Когда мы говорим об отклонениях XX века, не надо забывать, что сам европейский путь, начиная с Просвещения и сопровождавшего его технологического сдвига, был отклонением по отношению к циклам традиционных цивилизаций. Можно рассматривать это отклонение как отказ от Традиции, но можно придать ему и значение прохода сквозь Традицию к реальности по ту сторону видимых культурных форм. Европейское отклонение, становясь уже не европейским, а западным, попыталось стать новым глобальным нормативом (собственно, об этом и повествует «Конец истории» Фрэнсиса Фукуямы), подавляя уже отклонения от европейского отклонения. Но это чревато тем, что 300-летний европейский зигзаг так же выправится, как 70-летний советский или 12-летний национал-социалистический.

Отклонение можно сохранить, лишь поддержав его цепочкой новых отклонений, уже не компромиссных, но основанных на понимании природы нового отклонения как тотального преодоления текущих обусловленностей, радикальным выходом за рамки обусловленности как таковой. Отклонения не регулируются законами. Законы предопределяют нормативные процессы и нормативный ход истории. Отклонения же по своей природе внезаконны (и потому вызывают совершенно иррациональное неприятие со стороны тех, сознание которых построено на принципах стабильности). Новое отклонение, которым чревато время перемен, должно быть понято как особое устройство общества, в основе которого лежат «дикие карты», заменившие нормативную реальность, и технологии их продуцирования. Но это означает особую внезаконную деятельность с особым центральным субъектом этой деятельности – свободной и ничем не обусловленной волей.

Основания для нового отклонения

Предвестники нового отклонения известны уже достаточно давно. Среди них интеллектуальные поиски четвертой политической теории (Ален де Бенуа) и того, что придет на смену Постмодерну (Александр Дугин), концепция технологической сингулярности, после которой никакие экстраполяции невозможны (Раймонд Курцвейл), метафорическая тематика «после конца» (Юрий Мамлеев) и многое другое. Сама тема «после конца» говорит уже не о вариантах, а о фундаментальном про-

Уильям Блейк. Суд Божий над Адамом. 1795

тивопоставлении отклонения нормативному ходу истории. Но потребность в новом отклонении возникает главным образом из-за неприемлемости гарантированной нормативным ходом истории нашей собственной судьбы. Все теории, выявляющие законы социального развития (циклические, стадиальные и другие), ничего хорошего нам не сулят. Все тенденции современности против нас: демографический спад, который невозможно преодолеть обычными методами, видимое снижение пассионарности народа, отсутствие базы для опережающего рывка в рамках шестого технологического уклада... Все это заставляет отнестись к грядущему кризису не только с опасениями, но и с интересом: что можно построить на обломках существующего мира? Какое именно будущее мы можем создать?

Потребность в новом отклонении возникает главным образом из-за неприемлемости нашей собственной судьбы, гарантированной нормативным ходом истории. Все теории, выявляющие законы социального развития – циклические, стадиальные и другие, – ничего хорошего нам не сулят.

Главное основание для планирования нового отклонения – нормативный ход истории против нас. Прежде всего должны быть выявлены и поняты как вызовы (как высокие вызовы, описанные Арнольдом Тойнби) нежелательные тренды и рассмотрены возможные ответы на них (тоже как ответы по Тойнби – без этого масштаба такая работа будет бессмысленной). Рассматривать следует надситуативно, без оценок в стиле био- и прочих этик.

Вызов № 1. Демографический кризис – главная угроза: исчезнет народ – исчезнут и остальные проблемы. Кризис не решается банальными методами, а небанальные требуют политической воли, которая будет признана преступной, если потерпит неудачу, или спасительной – в случае успешной реализации. Новое отклонение должно включать в себя технологии решения этой проблемы.

Вызов № 2. Потеряны высокие смыслы существования, а мелкие смыслы либеральных сообществ слишком несущественны для того, чтобы служить полноценными стимулами. В результате нация теряет волю к жизни. Это процесс естественной деградации. И значит, надо найти особые – «неестественные» – способы обращения вспять естественных процессов, ведущих к смерти. Отклонение становится связанным с особой идеологией преодоления естественных ограничений.

Вызов № 3. Исчерпанность классической рациональности. В микрофизике и космологии рациональность подошла к своим границам. Скоро подойдет и в биологии. В этих условиях аналитика переходит от каузальных зависимостей к зависимостям иного уровня – синхронизмам, инерции сюжетов, отклонениям от нормативов. Это требует небанальных решений, преодолевающих ограничения интеллектуальных схем.

Вызов № 4. Технологии контроля, нарушающие баланс контроля и свободы. Технологии контроля плохи не тем, что они превращают людей в марионеток (любая культурная система занимается этим, задавая людям извне язык, поведенческие нормативы, картины мира), а тем, что устраняют «дикие карты». Полный контроль неизбежно рационален. Абсолютная рациональность уничтожает непредвиденные ходы.

Можно разобрать еще десятки подобных вызовов, но все они сводятся к одному: с нами «что-то делают», и это «что-то» нам не нравится. Необходим фундаментальный выбор позиции: с нами что-то происходит – или мы сами создаем реальность. Причем выбор, проведенный на всех уровнях – вплоть до определения собственной метафизической позиции: принятие обусловленности всего и вся (в том числе и обусловленности своей жизни) – или особая позиция воли, понимаемой как ничем не обусловленная целепорождающая и целенаправленная активность.

Сквозь время перемен может пройти только нация, пробудившая в себе волевое начало, иначе это время вылепит новые народы как свой продукт, и это будут не свободные творящие нации, а инструменты неведомых нам сил. Где-то здесь проходит граница выбора одержимости тем, что приходит извне, и выбора свободы. И этот мотив становится ведущим в идеологии нового отклонения: если законы против нас, то нужно выйти за рамки законов и создать такой вариант построения будущего, который обеспечивает наше сохранение и наше доминирование в этом будущем.

Отклонение без оснований: креативный режим

Но будущее создается не только как ответ, как реакция на вызовы. Есть действия вне причин и оснований, действия, не обусловленные потребностями, действия в чистом виде – либо развертывание глубинных задач, потенций культуры определенного народа, либо ничем не об-

Необходим выбор позиции: с нами «что-то делают» – или мы сами создаем реальность.

Уильям Блейк. Элохим, создающий Адама. 1795 или около 1805

Уильям Блейк.
Ангел Откровения.
Около 1803–1805

Будущее создается не только как ответ, как реакция на вызовы. Есть действия вне причин и оснований, действия, не обусловленные потребностями, действия в чистом виде

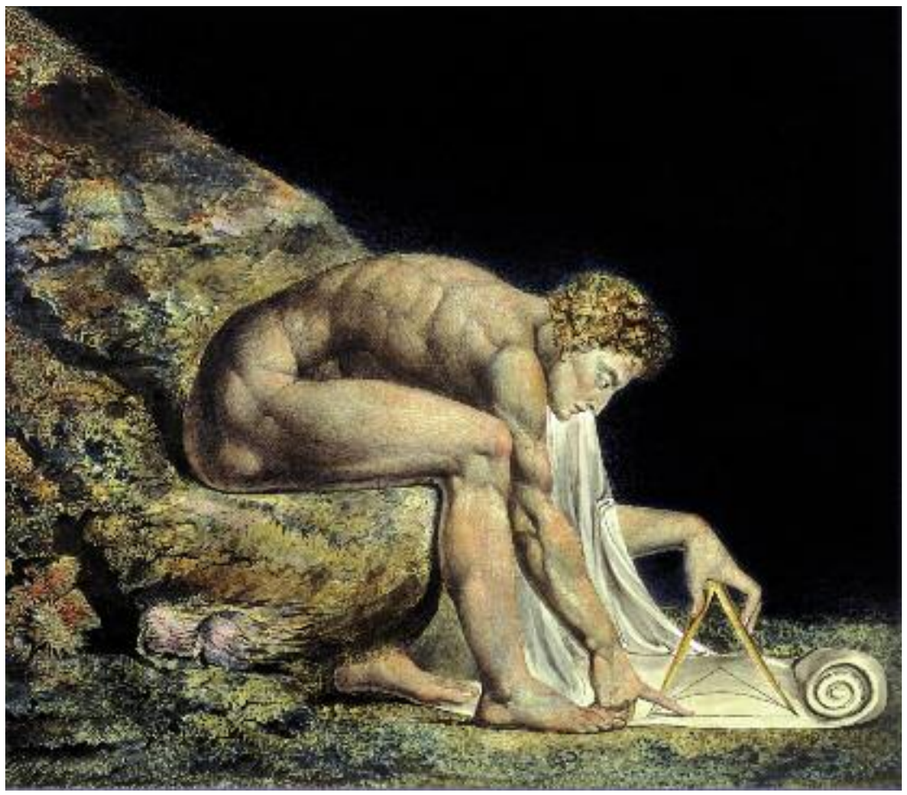
условленная целепорождающая активность. Это не реакция на угрозу. Само действие обретает статус не ответа, а вызова, причем первичного вызова. Новым вызовом может стать лишь осознание самой сущности, «субстанции» вызова, а не его причин, вызова не как реакции на «что-то», а первичного действия, вызывающего реакции. Система реакций на стимулы плюс анализ ресурсов дают возможность развиваться по предсказуемой траектории, но активные, не обусловленные определенным вызовом действия, которые сами становятся вызовом, порождают отклонения от нормативных траекторий и дают надежду на выход из безвыходных ситуаций.

Наблюдение за «дикими картами» ведет к созданию своего активного двойника – особой деятельности по целенаправленному сотворению не обусловленных вызовами проектов. Здесь «к чему ведут тенденции» и «что может случиться» превращаются в «чему следует наступить» и «что мы намереваемся создать».

Общепринятая версия реальности гласит: у всякого события есть причины, и для всякого действия есть основания. Но есть по меньшей мере два типа событий вне стимулов, причин и оснований – акт творчества и мистический экстатический опыт. Второе – вне нашей власти, но первое уже давно стало предметом пристального изучения.

В 2002 году вышла книга Ричарда Флориды, которая в русском переводе получила название «Креативный класс: люди, которые меняют будущее». В ней автор изложил ставшую тут же популярной концепцию креативного класса и креативного общества. Творческий класс создает новые идеи и новые технологии. К ним Флорида причисляет не только ученых, писателей и художников, но и всех тех, которые работают в отраслях, основанных на знаниях. Например, в высоких технологиях, финансах, праве, здравоохранении, управлении бизнесом. В США этот слой составляет 30 процентов населения, а в Росси – до 15 процентов. Конечно, речь здесь идет не о творчестве как таковом, а о методах получения новых продуктов.

Творчество всегда было ценностью для определенной группы людей. Но в постиндустриальный период именно творчество стало источником



Уильям Блейк.
Ньютон. 1795

новых экономических решений. Однако до сих пор творчество обслуживает социально-экономические структуры, далекие от творчества. Творческие продукты используют и находят для них место в существующих социальных структурах как правило далеко не креативные люди. Сохранится ли такое положение дел после времени перемен? Создание «диких карт» предполагает радикальное творчество. Творчество – творение не только продуктов, технологий и направлений мысли, но и событий, а это означает, что политика переходит из состояния сохранения стабильных политических форм к текучим, потоковым формам. И экономика следует за ней – развитие «по всем азимутам» представляет собой постоянное обновление.

Креативное общество основано на иной базовой экономической модели, нежели современное. Первичным становится не акт потребления, а акт создания нового. Не символическое значение товара, определяющее статус его владельца, а принципиальная новизна. Креативное общество – расточительное общество, но эта расточительность не выше расточительности современной потребительской экономики, навязывающей массу избыточных товаров.

Креативное общество основано на иной базовой экономической модели, нежели современное. Первичным становится не акт потребления, а акт создания нового.

Креативное общество управляется и иным типом элиты, для которой важна не власть сама по себе, но власть как основание для беспрепятственного творчества. Волевая творческая элита должна быть институциализирована, но ее институциализация означает не формирование системы мест, за которые борются разнородные элементы, а социальную проекцию определенного антропологического типа, для которого это место предназначено. Это влечет за собой иной способ разделения властей – способ, отражающий разные типы реализации людей – людей воли, людей жизни и людей социальных функций.

Такая утопическая модель – это, конечно, отклонение, но отклонение от предопределенной траектории к тому, что и является целью, аттрактором всех исторических отклонений – к необусловленному волевому существованию.

Параллельная история

Нужно признать наличие параллельной, виртуальной истории. То, что не случилось, но могло случиться, неизмеримо больше реализовавшегося. Параллельная история, в отличие от произошедшей, многомерна. Времена перемен образуют свою особую историческую линию, извлекая из виртуальной составляющей принципы, которые заканчиваются (уходят, исчезают) с концом очередного отклонения. Но эти принципы не устаревают – они лишь временно скрываются в виртуальности и ждут нового кризиса для своего нового воплощения. Предыдущее время перемен 1914–1945 гг. породило несколько универсальных принципов, которые излишни в стабильные периоды. Один из них – идея формирования нового человека. Его пытались создать, опираясь на социальную механику (СССР) и на отбор концентрированных расовых качеств (Германия). Теперь следует сделать следующий шаг – создать нового человека на основе пробужденной свободной воли.

Когда родившаяся естественным путем нация близка к гибели, ее следует воссоздать волей.

Это и «дикая карта», и необходимость. Прорыв многомерной виртуальной истории в актуальный мир, внезапная реализация скрытых избыточных возможностей требует людей титанического склада.

Творческая элита всегда подозрительна для классического национализма – создавая новое, она преобразует старые формы. Но приходит время кризиса, и для выживания становится важным именно нечто невиданное и неслыханное.

Уильям Блейк. Иов и его семейство, возрожденные к благоденствию. 1797

Первейшая технология, ведущая в этот мир, – технология производства таких людей. Примеры тоже извлекаются из истории «диких карт».

Одна из «диких карт», которая явно должна выпасть (и которая иногда выпадала в истории), – демографическая проблема. Она может быть решена созданием института «государевых детей», «новых янычар», когда государство берет на себя ответственность за воспроизводство определенного сегмента населения, его воспитание и образование. Грубые технологии такого воспроизводства (вплоть до суррогатного материнства) существуют (компромиссные варианты в наших СМИ предлагались Виталием Третьяковым и Игорем Бестужевым-Ладой). Однако проблема упирается в отсутствие технологий полноценного внесемейного воспитания, хотя исторические аналоги имеются – Спарта, корпус янычар. У этого подхода есть плюсы – решается проблема стимуляции пассионарности (в конце концов, пассионарность – не столько генетически заданный, сколько культурный феномен). Но есть и опасности: в условиях преобладания средств контроля это начинание через поколение впишется в систему контроля не только настоящего, но и будущего, исключая появление новых «диких карт».

Исторические аналоги возникали в других условиях, и реализация обнаруженной «дикой карты» требует многих новых компонентов. Так, контроль и управление столь сложными и неоднозначными процессами требуют и определенного культурного статуса управляющей системы, своего рода метауровня, иначе возможны злоупотребления и срыв культурогенеза как такового. Такой метауровень необходим и для противостояния давлению со стороны международной среды, которая может негативно отнестись к столь неожиданному решению проблемы по нескольким причинам: ассоциации с гитлеровским проектом «Лебенсборн», противоречия с принципом мультикультурализма и т.д.

Уильям Блейк. Искушение и грехопадение Евы. 1808

Новый волюнтаризм

Когда родившаяся естественным путем нация близка к гибели, ее следует воссоздать волей. Парадокс: движение вглубь сознания, освобождение от культурной обусловленности ведет к воссозданию и поддержанию национальной жизни, но уже в новом контексте – нация обретает не только жизнь, но и волю.

Творческая элита всегда подозрительна для классического национализма – создавая новое, она преобразует старые формы. Но приходит время кризиса, и для выживания становится важным именно нечто невиданное и неслыханное. Осознание этого факта ведет к пониманию того, что главным ресурсом цивилизации является ее волевой и творческий ресурс. А это означает, что ценности воли должны стать ведущей темой тех, кто хочет успешно пройти сквозь кризис.

Волюнтаристское общество глубоко парадоксально: порождая новые реальности культуры вне Традиции, оно стремится к цели Традиции – тотальной необусловленности сознания. До сих пор политика была, с одной стороны, искусством управления спонтанными социальными и витальными силами, с другой – стремлением лишить эти силы спонтанности. В волюнтаристском обществе появляется иная задача: порождение новых спонтанных сил.

Признаемся: наши дела обстоят удручающе плохо и будущее бесперспективно. И воля – то единственное, что может вывести нацию и государство из ситуации, где все против нас.

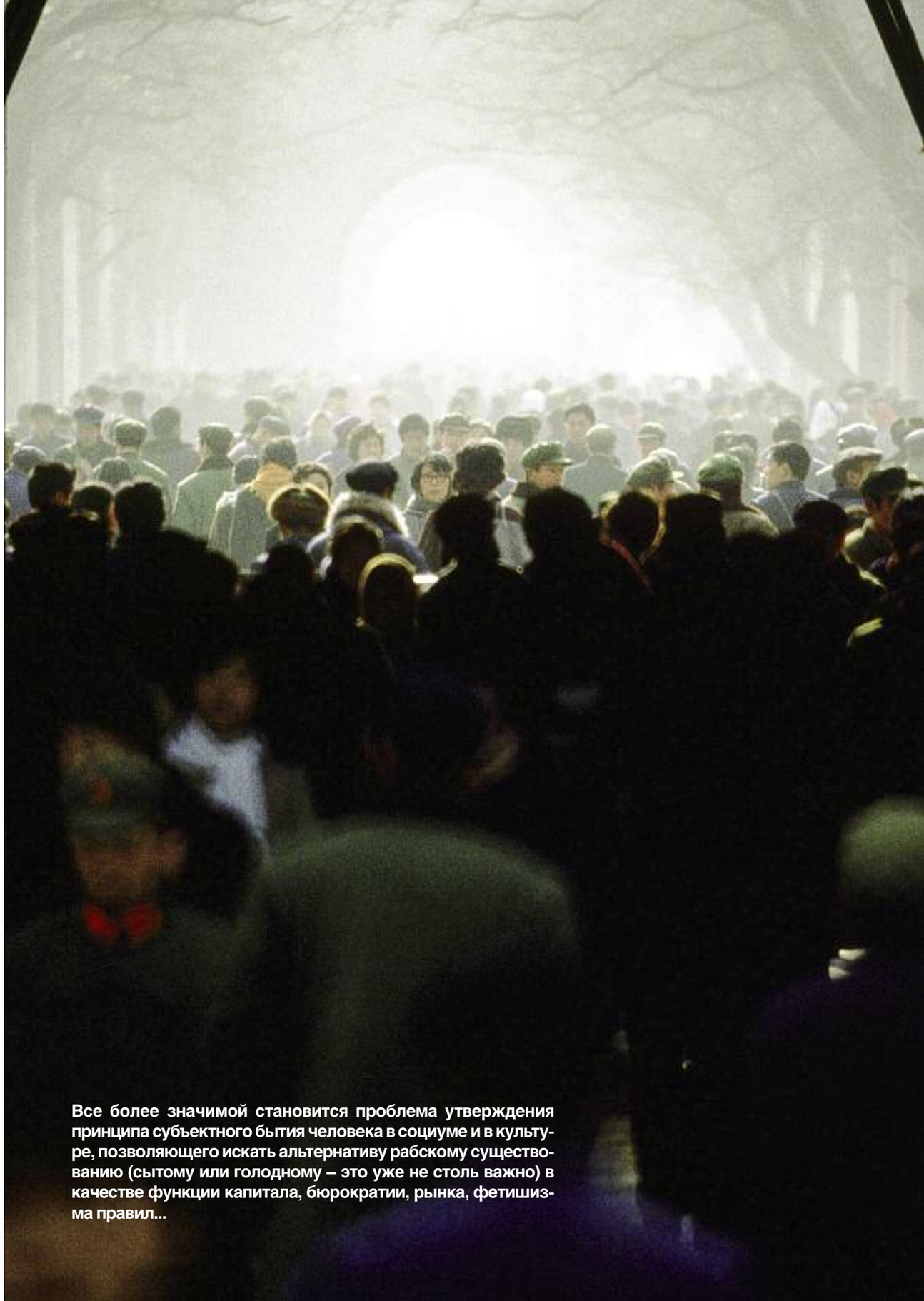
Для формирования волюнтаристского общества нет пока ни планов, ни четко выраженных программ. Но размышления на эту тему представляются продуктивными. Признаемся: наши дела обстоят удручающе плохо и будущее бесперспективно. И воля – то единственное, что может вывести нацию и государство из ситуации, где все против нас.

Людмила Алексеевна Булавка –
доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Российского института культурологии

Альтернативы глобализации отчуждения: поиск диалога культур

Уже двадцать лет не утихают дискуссии – куда идти России? На «Запад» или обратно в СССР?

Но процессы глобализации, не спрашивая ни правителей, ни народы России, все сильнее и глубже поглощают нашу страну, открывая перед ней новые формы сетевой интернет-цивилизации. И одновременно вовлекая ее в свои неразрешимые (в рамках этого типа глобализации) противоречия. Современная Россия в лице ее властного истеблишмента хотя и «комплексует» по поводу своего непрочного признания в глазах Запада, тем не менее уже давно включена (как и в качестве кого – это другой вопрос) в его социально-политические процессы, все более откровенно выражающие симптомы глубокого системного кризиса. Рост гражданского протеста почти во всех странах Европы и глубокий культурный кризис – свидетельства достаточно серьезные. Конечно, далеко не всегда политический кризис сопровождается кризисом культурным (пример – расцвет советской культуры в брежневский период), но последний всегда означает, что «подгнило что-то в Датском государстве». И события последнего времени подтверждают это все с большей очевидностью. Они показывают и то, что для современного западного сообщества (впрочем, как и для российского) все более значимой становится проблема, но уже не модернизации (этот «поезд» ушел), а перезагрузки самой его субстанции, самой его основы. Такой перезагрузки, которая исходила бы из утверждения принципа субъектного бытия человека в социуме и в культуре. Именно на основе принципа субъектного бытия индивида только и можно искать альтернативу рабскому су-



Все более значимой становится проблема утверждения принципа субъектного бытия человека в социуме и в культуре, позволяющего искать альтернативу рабскому существованию (сытому или голодному – это уже не столь важно) в качестве функции капитала, бюрократии, рынка, фетишизма правил...

Александр Блок:

«Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать нежданного; верить не в “то, чего нет на свете”, а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдаст нам это, ибо она – прекрасна».

ществованию (сытому или голодному – это уже не столь важно) современного человека в качестве функции (капитала, бюрократии, рынка, фетишизма правил).

Необходимость подобного субстанционального обновления общественной системы Запада (как и России) неизменно связана с поиском и нового вектора исторической перспективы. Такой поиск себя уже заявляет формулированием общественного запроса, правда, еще не столько на историческую перспективу, сколько на просматривание этой самой перспективы, причем независимо от предпочтения той или иной ее модели (линейной, сферической, обратной, панорамной). Человек сегодня ищет те горизонты, которые дали бы ему возможность обрести ту перспективу, которая стала бы для него онтологической опорой и которая позволила бы ему, говоря словами Александра Блока, «предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать нежданного; верить не в то, “чего нет на свете”, а в то, что должно быть». Не поэтому ли в общественных настроениях до сих пор существует активный запрос на тему «СССР»? Эта тема сегодня рассматривается не только через призму утраченных ценностей, но, может быть, еще в большей степени как некий прецедент того типа реальности, который нес в себе, хотя бы в масштабах полувековой истории, перспективу развития, определявшего в значительной степени магистраль мировой истории всего XX века. Неслучайно советская культура явила собою новый тип культуры – всемирной, став в определенном смысле «точкой схода» культур всех народов мира.

Содержание этой перспективы, противоречивое сопряжение ее с онтологическим вектором отдельного человека стало важнейшей составляющей драматургической основы отечественного искусства, а образ «дороги», «пути» – одним из сквозных в нем.

Так что сегодняшний интерес к советскому – это скорее попытка «навести мосты», но не только из настоящего в прошлое, но и из будущего в настоящее.

В любом случае проблема обретения исторической перспективы – такой, которая была бы человеку «на вырост», – сегодня одна из актуальнейших на повестке дня.

Сегодня новые социальные движения, охватившие почти весь Запад, пытаются обозначить хотя бы реперные точки новой исторической перспективы, в то время как его политический истеблишмент вместо этого продолжает и дальше фетишизировать **диктатуру правил** отчужденного бытия и человека, и культуры, и природы. И вот в этой кризисной ситуации политический истеблишмент не менее кризисной России пытается упрочить свои связи с Западом, но не с теми его общественными тенденциями, которые связаны с поиском альтернатив **глобализации отчуждения**, а с той политической институцией, которая, несмотря на свою историческую исчерпанность, продолжает и дальше настаивать на своем доминировании. Насколько продуктивной для народов и России, и Запада может быть такая интеграция, которая все сильнее и сильнее вовлекает и людей, и культуру в смертельную воронку жесткой конкурентной борьбы за геополитическое доминирование?

Может быть, России закрыться от Запада? Но ведь принцип всемирности был одним из несущих остовов трех достояний Советского Союза – революции, культуры и противостояния фашизму. Именно в этих трех взаимосвязанных ипостасях советского наследия как раз и рождалось великое братство народов не только нашей страны, но – что особенно важно – мира в целом. Без развития этого наследия нельзя говорить и о перспективах развития России.

Кроме того, перед Россией стоит еще одна важнейшая проблема – на какой основе развивать отношения с ее вчерашними братьями по Советскому Союзу или сегодняшними пограничными соседями? На основе своего прошлого исторического родства? Но как тогда быть с жесточайшими законами рыночной конкуренции, лежащей в основе либеральной модели глобализации, тотально утвердившей себя на всем постсоветском пространстве?

И, наконец, едва ли не самый сложный вопрос – на какой основе выстраивать отношения между разными народами с их разными культурами, религиями, традициями, обычаями уже внутри России? На основе административно-правовых светофоров? Но можно уже с уверенностью сказать – это не получится! Мы навсегда опоздали в буржуазность, исходящую из отдельного индивида и уже в силу этой отдельности вынужденного веками опираться на принцип прав и правил. Даже для постсоветского сообщества правовой императив будет иметь силу только тогда, когда он будет произрастать в культуре новым этическим отношением. Вне этого остается лишь принуждение, которое сегодня вменяется в форме правового фетишизма.

Именно на этом пути и происходит сегодня **глобализация отчуждения**, которая, с одной стороны, связывает проблемы в единую цепь (мир – Запад – постсоветское пространство – Россия). И решение каждой из них, в том числе и проблемы России, вне всей этой связки в целом – невозможно.

С другой стороны, **глобализация отчуждения** предлагает лишь одно решение – жесточайшую конкуренцию, оборачивающуюся в действительности тотальным уничтожением человека, общества, культуры, природы. Но сегодня в мире симуляционных смыслов и их проявлений все обретает превращенную форму – даже процесс уничтожения, который в действительности оборачивается принуждением к мутированию и человека, и культуры, и общества, и природы. В результате проблема самоотчуждения современного человека превращается в одну из центральных, вставая в один ряд с такими проблемами, как войны, терроризм, экологический кризис.

Владимир Маяковский:

«Смотрите на жизнь без очков и шор, глазами жадными хапайте всё то, что у вашей земли хорошо, и что хорошо на Западе».

В своей конкретной постановке проблема самоотчуждения переформатируется в вопрос: что необходимо для того, чтобы современный индивид, обреченный на анонимное бытие в социуме и в культуре, стал полноценным субъектом истории и культуры? Другими словами, что необходимо для того, чтобы современный индивид из согбенного объекта глобализации отчуждения превратился бы в «выпрямленного человека» (Анатолий Луначарский) мира культуры?

Здесь возьмем на себя смелость категорично назвать как минимум два условия для решения обозначенной задачи. Во-первых, преодоление отчуждения индивида от общественного управления. Во-вторых, преодоление отчуждения индивида от культуры, понимая под этим не только приобщение к культурным ценностям, но и их сотворение.

Да, именно так: не придумывание новых политических технологий и механизмов как очередных костылей института представительной демократии, а формирование основ **деятельностной демократии**, которая невозможна без утверждения двух ипостасей человека – как **субъекта общественного управления** и как **субъекта культуры**. Без этого творческого и гражданского начала – основы субъектного бытия индивида в культуре – ни о каком диалоге народов не может быть и речи. Это особенно значимо для постсоветского пространства, в котором еще живы и те люди, и та культура, которые хранят в себе и память, и живительную силу действительно имевшей место в СССР культурной общности проживавших в нем народов.

Но на пути становления человека как общественного субъекта сегодня встают два препятствия. Первое из них – отчуждение современного индивида от самой идеи субъектного бытии в истории и культуре. Эта идея для него оказалась ныне вне «зоны доступности», как когда-то гелиоцентрическая система Коперника для его современников. Субъектное бытие индивида теперь возможно лишь в рамках частного пространства, в любых других измерениях индивид низведен до функции: в экономике он существует преимущественно как агент рыночных отношений, в социальной сфере – как «человек правил», в культуре – как анонимный потребитель культурных услуг.

Кроме того, человеческое мировоззрение сейчас покоится, как правило, на признании

Виттории Реджианини. Сценка из буржуазной жизни. 1902

Мы навсегда опоздали в буржуазность, исходящую из отдельного индивида и уже в силу этой отдельности вынужденного веками опираться на принцип прав и правил. Даже для постсоветского сообщества правовой императив будет иметь силу только тогда, когда он будет произрастать в культуре новым этическим отношением.

господствующих отношений в качестве неких абсолютно неизменных трансценденций, определяющих его бытие, но от него никак не зависящих. Причем набор этих трансценденций может быть самым разнообразным по своему содержанию. Например: идея частной собственности, Бог как субстанция всего сущего, рынок как универсальный механизм регулирования всех отношений, государство как социальный патрон, «русская идея» как знак особой национальной интеграции, Сталин как символ сильного государства, права человека как теодицея современного либерализма и т.д. Индивид сегодня в значительной степени отчужден еще и от самого творчества, которое целенаправленно вытесняется из всех сфер его жизнедеятельности засильем разного рода технологизма. Обозначенная тенденция постепенно превращает индивида в функционера социальных, рыночных, политических институтов. В любом случае принцип субъектного бытия современным сознанием чаще всего воспринимается не иначе, как чуждая абстракция или идеологический знак прошлого тоталитарного нарратива.

Что касается культуры, то она оказалась во власти тотального рынка, отношений купли-продажи. В прошлом рынок если и влиял на культуру, то главным образом в опосредованной форме, например, через институт социального заказа (в лице мецената, двора, Церкви, государства, политической партии и т.п.). Но прямого рыночного диктата в сфере культуры (причем влияющего не только на ее форму, но и на содержание), как это наблюдается сегодня, еще не было. Ладно, существует рынок «рукописей», но реальностью нашего времени стал уже и рынок «вдохновения». При этом сам рынок сегодня не является неким автономным институтом. Вырастая из глобальной гегемонии капитала и базируясь на информационных технологиях и современных средствах телекоммуникаций, масс-медийной экспансии, он становится некой тотальностью, проникая во все сферы жизни человека и общества. Но идея вещи, тем более как товара, каким бы полезным и эстетичным он ни был, в любом случае не может быть основой человеческой жизни. Пафос потребительства, особенно в мире культуры, способен рождать лишь метафизику опустошения.

Доминирование принципа частного интереса в экономике, рост социального отчуждения и личной зависимости от расширяющейся сети бюрократических институтов власти, жесткий дрейф российской культурной политики в «ситуацию ноль», сужение коридора личной перспективы – все это загоняет индивида (независимо от его имущественного ценза) в формы (как правило, реакционно-консервативные) частного бытия.

В связи со всем этим возникает вопрос: с помощью какого социального устройства возможно тесное и творческое сопряжение индивида с культурой и без чего невозможно раскрытие его сущностных сил? Причем важно не забывать – связь с миром культуры должна быть «заземлена» на материальные интересы индивида, любые другие интересы – в обход материальных – рискуют рассыпаться при первом изломе социальной реальности.

Да, сегодня эти вопросы кажутся нам не решаемыми в принципе. Но в далекие 1920-е годы, еще на заре становления советской системы, они не только ставились, но и решались. И решались в практике социального творчества революционных масс, суть которого заключалась не просто в отрицании господствующих отношений отчуждения, но – самое главное – именно в их деятельностном и диалектическом преодолении (назовем этот процесс **разотчуждением**). В основе социального творчества, понимаемого как творчество новых общественных отношений по поводу решения самых разных насущных проблем, лежала не какая-то абстрактная идея (будь то религиозная, национальная или державная и даже не идея эгалитаризма). В основе его лежала даже не идея как таковая вообще, а – что принципиально важно – именно принцип деятельности по преодолению конкретно-исторических форм отчуждения (разотчуждение). Это **первая** особенность социального творчества. **Вторая** особенность: социальное творчество на тот период стало конкретно-исторической формой общественного управления революционных масс. По поводу чего возникало это социальное творчество? Да по поводу решения самых разных проблем: очистки железнодорожных путей от снега, налаживания сельских школ и клубов, разгрузки товарных поездов, организации фронтовых театров и т.д. И осуществлялось оно, как правило, в условиях жесткой борьбы низового энтузиазма с бюрократизмом и патриархальностью. **Третья** особенность: будучи деятельностью особого вида, социальное творчество предполагало и соответствующего субъекта – не исполнителя и не функционера, но именно творческого и сознательного субъекта культуры и истории.

Субъектное бытие индивида теперь возможно лишь в рамках частного пространства, в любых других измерениях индивид низведен до функции: в экономике он существует преимущественно как агент рыночных отношений, в социальной сфере – как «человек правил», в культуре – как анонимный потребитель культурных услуг.

Вот чем была продиктована востребованность нового онтологического принципа – субъектного бытия индивида. Бытия активного и напряженного, творческого и трагического. Это задавало и новый тип общественного противостояния **Нового человека** как творца истории и мещанина. И нередко это противостояние было более жестким, чем даже на гражданской войне. Гибель Маяковского – одна из тяжелых потерь в ходе такого противостояния. Борьба на этом фронте продолжается и сейчас.

В прошлом рынок влиял на культуру в опосредованной форме, через институт социального заказа: в лице мецената, двора, Церкви, государства, политической партии... Но прямого рыночного диктата, влияющего не только на форму, но и на содержание, как это наблюдается сегодня, еще не было. Ладно, существует рынок «рукописей», но реальностью нашего времени стал уже и рынок «вдохновения».

Как-то в одном из своих интервью Франц Кафка сказал: «<...> человек отказался от участия в созидании мира и ответственности за него <...> большинство людей живут без сознания сверхиндивидуальной ответственности, и в этом, мне кажется, источник всех бед».

Так что социальное творчество 1920-х несло в себе не только логику разрешения общественных противоречий, но и являлось формой развития субъектности индивида, востребованной во всем богатстве своих конкретных проявлений и потенциальных возможностей.

Например (да – противоречиво и зачастую примитивно), тогда решалась проблема снятия отчуждения рядового индивида от практики общественного управления. Необходимость включения революционного индивида в общественные преобразования рождала у него объективную потребность в культуре. Такая потребность диктовалась тремя вещами. Во-первых, необходимостью материального обустройства мира, разрушенного и покалеченного кризисами и недавно отгремевшими войнами. Во-вторых, стремлением сохранить те политические завоевания, которые ему пришлось защищать в тяжелой классовой борьбе. В-третьих, задачей понять, как обустраивать этот мир в соответствии со своим классовым интересом. Все это превращало культуру в самую насущную необходимость. Причем культуру в широком смысле этого слова, а именно: понимание социально-политического контекста, творческую организационную смекалку, управленческие способности и навыки, знание существа решаемого вопроса, умение вступать в диалог с представителями разных социальных групп и классов в условиях острой политической, а нередко и военной конфронтации.

Кроме того, включение революционного индивида в процессы социального творчества заставляло его постоянно решать многие вопросы, касавшиеся культуры: надо было разобраться, что из нее брать и самое главное – как это можно взять.

Социальное творчество открывало новые смыслы культуры, ее актуальность. Культура для трудящихся становилась не средством саморефлексии, не фетишем и не товаром, а в первую очередь – «рабочим инструментом» в деле (пусть порою примитивного, но от этого не менее великого) созидания новой общественной жизни. Понятие же «рабочий инструмент» для трудящихся – понятие непраздное, вот откуда у них объективно появлялось заинтересованное отношение к культуре и творческое – к решению самых разных социальных проблем. Более того, социальное творчество 1920-х стало той формой общественной практики масс, которая, выявляя всю меру их культурной недостаточности, одновременно становилась формой ее преодоления. По мере же развития революционного индивида как субъекта истории в нем возрастала и потребность в превращении себя уже в субъекта культуры.

Конечно, революционные изменения не обошлись и без «культурного» вандализма. До революции культура для эксплуатируемых выступала главным образом в отчужденных формах: либо как праздное занятие господ, либо как особый инструмент насилия, эксплуатации, либо как недоступный товар. Этот вандализм шел из дореволюционного общественного уклада, который, с одной стороны, не позволял человеку развернуть его творческие силы, но с другой – заражал мелкобуржуазным сознанием. На этой почве как раз и вырастала мещанская культура, которую критиковал Ленин и на борьбу с которой поднялся большевизм. Кроме того, было еще одно обстоятельство, о котором пишет Александр Бузгалин: «В условиях революции, когда установленный миропорядок рушится на глазах у звереющего от этого хама, все это вкупе вызывает у него неспособность к самоориентации и провоцирует стремление хама одновременно и к хаотически-разрушительным действиям (бандитизму и уголовщине), и к власти твердой руки. Именно такого обывателя-мещанина, взбесившегося от неопределенности и противоречий революций, от необходимости (но неспособности) самостоятельно, сознательно, со знанием дела принимать решения и действовать, мы можем назвать “Хамом”».

■

Завершая статью, сформулируем несколько выводов.

Первый. Включение революционного индивида в процессы общественного обустройства социума формирует у него объективную потребность в культуре, понимаемой не в узком национальном смысле, а во всей полноте ее всемирности.

Второй. Социальное творчество 1920-х годов стало формой нового типа демократии – деятельностно-креативной демократии «низов», которая столь актуальна сегодня уже в силу того, что является реальной альтернативой износившемуся институту представительной демократии. И, кроме того, она предполагает социально-креативный диалог «низов».

Франц Кафка:
«Человек отказался от участия в созидании мира и ответственности за него, большинство людей живут без сознания сверхиндивидуальной ответственности, и в этом, мне кажется, источник всех бед».

Третий. Социальное творчество становится основой решения национального вопроса, ибо в фундамент общества закладывается не национальная и не религиозная идея, а идея конструктивного преобразования реальности. Национальное становится одним из языков всеобщей культуры.

Четвертый. Социальное творчество выступало субстанцией и способом развития гражданского общества и гражданского самосознания нового типа.

На основе всего этого не только развивались национальные культуры СССР, но и осуществлялся культурный диалог его народов, вылившийся в полифонию такого уникального феномена, как советская культура. В советской культуре как форме всемирной культуры, выходящей за пределы СССР, всякое «другое–иное» становилось «своим».

Так социальное творчество 1920-х стало основой зарождения великого братства народов и всемирной формы культуры, которой до этого не было.

Неслучайно последующая сталинизация своим бюрократическим катком первым делом проедет по общественным и культурным движениям, возникших в первый революционный период. А ведь основой этих движений были живые люди, энтузиасты, убеждения, энергия и порыв которых устремлялись на то, чтобы, решая насущные проблемы жизни, растопить вековой лед отчужденных отношений между людьми и народами. И без всего этого никогда бы не появился фильм Григория Александрова «Цирк», ставший художественным символом культурного диалога представителей разных народов. И самое главное – диалога по поводу Человека.

Культура для трудящихся становилась не средством саморефлексии, не фетишем и не товаром, а в первую очередь – «рабочим инструментом» в деле созидания новой общественной жизни.

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор альманаха и портала «Развитие и экономика»,
член Союза писателей РФ,
кандидат физико-математических наук

Разговор с «отставным советологом»

У меня в жизни было совсем немного доверительных разговоров с иностранцами. Встреч было много, а разговоров – нет. И не потому, что я замкнутый или застенчивый человек. Просто мой английский язык – а о других языках и говорить не приходится – слишком беден, чтобы поддерживать серьезный, содержательный разговор.

Встреча и разговоры, о которых я хочу рассказать, состоялись потому, что мой собеседник довольно хорошо говорил по-русски. Назову его условно Робином Джеймсом. Он – гражданин США, ему 75 лет, по профессии – «политический аналитик». Всю жизнь занимается Советским Союзом и Россией. «Советолог в отставке» – как он отрекомендовал себя.

Наше знакомство произошло зимой прошлого года на пляже отеля в одной из стран Юго-Восточной Азии. Он первым захотел познакомиться, услышав русский язык, когда я разговаривал с женой. Сначала встречались за завтраками и ужинами, а потом стали общаться и в течение дня, то лежа у бассейна, то прогуливаясь по длинному пляжу.. Робин испытывал симпатию к русской культуре и неплохо был с ней знаком. Неудивительно, что он знал и любил Чайковского и Толстого, Достоевского и Рахманинова. Неожиданным было то, что он очень высоко ценил «советский проект» и считал, что его утрата – величайшая потеря для всего человечества. Более всего его удручало то, что он лично приложил руку и к развалу СССР и к инициации последующих процессов, приведших, как он справедливо считал, к угасанию русской культуры.

Я сдержанно соглашался с ним. Сдержанно – потому что не люблю говорить о бедах и проблемах своей страны с иностранцами. Это наша боль, и я могу сопереживать ее с

Василий Пукирев.
Неравный брак. 1862

близкими людьми, выстрадавшими все то же, что и я. Но Робин, похоже, огорчался искренне и столь же искренне хотел высказаться, облегчить душу, что ли. Наряду с его исповедями, в которых было немало интересного, но которые я пересказывать пока не собираюсь, он просил запомнить и рассказать другим его прогноз-предостережение о будущем России. Что я и делаю, формулируя по памяти запомнившееся.

Распад СССР и последующая деградация нужны для того, чтобы умертвить не только модель развития, но и саму способность мыслить в подобном направлении.

Многое из того, что говорил Робин, хорошо известно и тщательно исследуется нашими аналитиками и публицистами. Но кое-что показалось мне новым и в то же время важным. Прав я в этом или нет – судить читателям. Итак, вот мое изложение...

То, что современное положение США очень неустойчиво, общеизвестно. Среди очевидных факторов называют огромный внешний долг, избыточную и плохо контролируемую эмиссию долларов, осуществляемую ФРС, растущую мощь Китая, непомерные амбиции США, охватывающие слишком многие регионы, бесконечные военные операции и т.д.

То, каким образом США сумеют разрешить свои проблемы, – самая актуальная тема прогнозов. Обсуждаются разные варианты возможных стратегий: мировая война, локальные конфликты, столкновения исламского мира с Китаем, дальнейшее расчленение России с запуском бесконечного, но управляемого хаоса и т.д. Робин Джеймс посвятил меня в еще один, ранее мне не встречавшийся, вариант развития событий. При этом он утверждает, что именно эта стратегия реализуется всерьез. Все остальное – отвлекающие маневры или домыслы.

Этот проект давно находится в стадии реализации. Первый акт мистерии по переустройству мира состоял в уничтожении СССР. При этом, подчеркивал Робин, должна была решаться главная задача: дискредитация способа жизни, модели развития, предложенной СССР и его сателлитами. Вовсе не экономическая или военная угроза исходила из СССР. Даже в самые лучшие для Советского Союза времена армия США справилась бы с советской военной угрозой, хотя, конечно, военная мощь СССР еще не исчезла и задача по ее ликвидации по-прежнему актуальна. Про экономический фактор можно вообще не говорить: весь Восточный блок – только рынок потребления, но никак не конкурент. Опасность представляло распространение идеологии, точнее, модели развития, чуждой американским ценностям и англосаксонскому способу жить и управлять народами. Распад СССР и последующая деградация нужны для того, чтобы умертвить не только модель развития, но и саму способность мыслить в подобном направлении.

Вторая задача Америки – вполне традиционная – это контроль над развитием Европы. Европа, в отличие от России, не представляет угрозы как альтернативная модель развития. Ее угроза в экономической конкуренции. США и Великобритания дважды притормаживали экономику европейских стран с помощью мировых войн. Но технологии совершенствуются: сегодня можно добиваться лучших результатов более гуманными методами. Суть нового подхода в том, чтобы обеспечить удовлетворение политических и национальных амбиций европейских стран и народов – но в то же время не дать им чересчур успешно развиваться.

Хороший способ контроля над скоростью развития – подарить им проблемы. Причем не навязать их подло исподтишка, а вручить им в руки именно то, чего они хотят, не понимая при этом, что получат не выгоду, а обузу. Речь идет о странах Восточной Европы – жутком троянском коне, вобрав который Старая Европа будет тащить их, как чемодан с оторванной ручкой. При этом все эти бывшие «страны народной демократии» станут самыми верными шавками Америки. Именно Америки, а не своей «новой родины» – Евросоюза. Так что вторая задача – вовлечение в Евросоюз балластных стран – решена. К этому добавляются проблемы сдерживания мусульманских стран Северной Африки и Турции. Европа тем самым надолго выключена из конкуренции с США, однако сохраняет возможность для контролируемого развития, сберегая для всех нас образцы великой мировой культуры.

Третья задача – сохранение и укрепление контроля над нефтеносными мусульманскими районами. В этом вопросе после уничтожения такого центра силы, как СССР, и последующего политического и финансового контроля над Россией особых сложностей нет. Одни политические режимы будут сменять другие, неустанно и агрессивно ведя поиск черной кошки в темной комнате, которой там к тому же нет. Эти страны погружены в управляемый хаос, и пока такой технологии управления вполне хватает. Решению задач способствуют и религиозные

Россия – до поры до времени – будет искать «свой путь». И когда это понадобится США, она его получит.

Кадр из фильма «Лабиринт Фавна». Режиссер Гильермо дель Торо. 2006

Сегодня Россия не является суверенной страной. И никогда уже ей не станет. У нее нет главного – собственной модели развития. А в рамках чужой модели Россия как суверен существовать не может.

особенности региона: ислам – легковоспламеняющаяся и взрывоопасная субстанция.

Четвертая задача – Китай. Это наиболее сложная проблема из всех, какие приходилось когда-либо решать Америке. Ранее применявшиеся технологии оказываются неэффективными. Китай потребовал создания новых политико-экономических инструментов и коррекции некоторых фундаментальных принципов существования англосаксонского мира. С Китаем придется еще долго считаться, сегодня обеспечить требуемый контроль над его развитием не удается. Как сказал Робин, «пришлось придать гибкость нашим основополагающим доктринам и извиниться перед Джеймсом Монро и Джоном Куинси Адамсом». Речь идет, конечно, не о допущении колонизации США кем бы то ни было, а о принятии как неизбежного периода экономического квазисимбиоза, «сосуществования двух систем». При сохранении, однако, высших уровней управления в руках США. Сейчас все наблюдают неуклонный рост экономики Китая, весь мир потребляет продукцию это мировой фабрики, и нарастает беспокойство: а не поглотит ли Китай их страны и народы, не станет ли Китай новой мировой империей?

Четвертая задача США состоит в том, чтобы этого никогда не произошло. Инструментами и факторами здесь остаются и политическое лидерство англосаксонской модели развития, и мировая финансовая система, и технологическая, энергетическая и сбытовая зависимость Китая от остального мира. Задача США заключается в сохранении этих зависимостей и в управлении ими. Потому что период «сосуществования» должен быть завершен полной победой США. А суть победы в том, чтобы все развитие и весь регресс на планете управлялись в соответствии с целями тех, которые способны это делать, то есть США.

Россия же – до поры до времени – будет искать «свой путь». И когда это понадобится США, она его получит. Судьба России лежит в русле решения последней – четвертой – задачи и, частично, задачи энергетического управления. «Частично», потому что в своих основных параметрах энергетическая задача уже решена.

Роль России в организации управления развитием Китая состоит в том, чтобы: а) не стать Китаем, б) контролировано и дозировано поставлять в Китай сырье для производства продукции, в) оставаться самоокупаемым рынком потребления. Россия должна возвращать как минимум столько, сколько расходуется на ее существование. Этот процесс запущен и идет полным ходом. Сейчас у США нет проблем с Россией. Мелкие противоречия – следствие политических атавизмов, присущих политической элите США и некоторым слоям российского населения. Это скоро пройдет.

Сегодня Россия не является суверенной страной. И никогда уже ей не станет. У нее нет главного – собственной модели развития. А в рамках чужой модели Россия как суверен существовать не может. У нее нет для этого экономических конкурентных преимуществ. Она не может даже контролировать цены на вывозимое с ее территории сырье и продукцию первого передела. А другой продукции у нее просто нет. У нее нет даже механизма управления курсом «собственной» валюты – что есть, скажем, у Китая и что делает его не полностью управляемым. Россия как субъект международного права существует лишь постольку, поскольку это никому пока не мешает. И, более того, позволяет сей факт использовать как «действующий макет суверенного государства» там, где это нужно. Но пройдет некоторое время – лет, видимо, двадцать – и наступит срок Великого Объединения: США объявят Россию частью конфедерации. Рабочее название этого объединения – Северное Содружество Наций (ССН), или по-английски The North Commonwealth of Nations – NCN, или «Эн-Циан», как «по-химически» прочитывал аббревиатуру Робин. В него также войдут Канада, Мексика, Украина, Беларусь, Казахстан.

У этого проекта довольно долгая история. В послевоенные годы в США возникла группа, лидером которой был Рокфеллер, создавшая Трехстороннюю комиссию по слиянию экономик США и СССР. Задуманное Северное Содружество Наций должно стать весьма могущественным и благополучным государством с целостной экономической инфраструктурой. Будут проложены дороги через Берингов пролив, Чукотку и Аляску – они уже давно спроектированы. США, Канада и Россия будут нависать над всем миром. «Эн-Циан» возьмет в клещи Европу – и ей от этого станет только лучше: Европа сможет-таки реализовать свою модель «устойчивого», но контролируемого развития. «Эн-Циан» установит полный контроль над Центральной Азией, над «Хартлендом» – а, значит, и над всем миром! Сегодня это не удается сделать никому: СССР упустил свою возможность, а США пока не справляются с проблемой. Китай будет окружен и управляем, все пути к источникам сырья и рынкам сбыта будут контролироваться ССН. И китайская фабрика заработает в заданном извне ритме. Исламский нефтеносный мир находится под контролем уже сегодня, а в будущем этот контроль усилится. Они будут столько, сколько нужно ссориться друг с другом, шарахаться от исламского фундаментализма к западным ценностям и строить планы собственного «Великого Объединения» – но этого никогда не произойдет.

Ваши «западники» – закомплексованные идиоты. К тому же клептоманы. К тому же – лакеи-клептоманы. Они не знают ни самих себя – что естественно, ни русский народ – что противоестественно, ни американцев – что просто глупо.

Вот, собственно, краткое изложение того, что рассказал мне «отставной советолог» Робин Джеймс. Возможно – даже наверняка – для кого-то из читателей в сказанном нет ничего нового. Но я и не претендую на сенсационную новизну, равно как, кстати сказать, и на достоверность изложенного: не в том смысле, что я переврал Робина, а в том, что Америка действительно руководствуется подобным планом. Этого я не знаю, но косвенно многое подтверждается.

Меня, как я говорил, гораздо более заинтересовало то сожаление, которое явно выражал Робин. Ему этот план не нравился. Точнее – не вполне нравился. Я же, кстати говоря, не испытывал подобных сожалений. Мне казалось, что стать частью мощного союза государств, стать частью «золотого миллиарда» не так уж плохо. Мне казалось, что остальные перспективы гораздо хуже. Россия сейчас слаба, ее могут развалить на мелкие конфликтующие квазигосударства: я помню все эти «проекты» типа «Казакии» или «Идель-Урала». «Стать Китаем» меня тоже как-то не привлекает. Так что план, вроде бы, и неплохой. Во всяком случае, он лучше многих других, в которых России уготована роль просто раздербаниваемой добычи.

– Так что же, – спросил я, – Россия станет членом этого пресловутого «золотого миллиарда»?

– Ну, не сразу, – ответил Робин. – Как говорил ваш Хрущев: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»? Так, конечно, не будет. Адаптация России и, главное, самих русских к равноправной и полноценной жизни в Содружестве «золотого миллиарда» займет время. Сколько? – Не знаю... Опыт покажет.

Я, конечно, понимал, что есть в этом проекте и издержки. Например, говоря об объединении стран и народов, я усомнился в безболезненности подобного процесса. «Мы – коллективисты, а вы – индивидуалисты, – говорил я. – Мы видим, как это столкновение болезненно на собственном примере. Наши “индивидуалисты”, наши “либералы-западники” через колено ломают русскую ментальность, унижают традиционные ценности, и это весьма болезненный процесс, чреватый чуть ли не гражданской войной».

Робин засмеялся и ответил примерно следующее:

гуманитариум

Великий Советский Союз сделали коллективисты, и великую Америку сделали коллективисты. Такие результаты достигаются не простым сложением усилий, а благодаря кооперативным, синергетическим эффектам. Это метафизика, это сверхволя. У нас она есть. Вы ее утратили. И немцы ее утратили. Китайцы – не утратили. Индийцы – никогда ею не обладали и обладать не будут.

– Ваши «западники» – закомплексованные идиоты. К тому же клептоманы. К тому же – лакеи-клептоманы. Они не знают ни самих себя – что естественно, ни русский народ – что противоестественно, ни американцев – что просто глупо. Начну с американцев. Во-первых, это самый коллективистский народ в мире. Ни один народ не способен к такому объединению вокруг единых ценностей, вокруг общей мечты и цели. Разговоры об индивидуализме американцев – чушь, распространяемая болтунами. Мы индивидуалисты в личностном росте, но мы коллективисты в общем деле. Посмотрите на Америку и на ее место в мире: этого индивидуалисты сделать не могут. Индивидуалисты вообще ничего сделать не могут. Только украсть или убить. Ваш великий Советский Союз сделали коллективисты, и нашу великую Америку сделали коллективисты. Такие результаты достигаются не простым сложением усилий, а благодаря кооперативным, синергетическим эффектам. Это метафизика, это сверхволя. У нас она есть. Вы ее утратили. И немцы ее утратили. Китайцы – не утратили. Индийцы – никогда ею не обладали и обладать не будут. Конечно, объединение России и США в общее государство не такая простая задача. Но если подойти к этому грамотно и неспешно, она решаема. В первый период, который уже начался, речь идет о союзничестве суверенных государств. Разговоры о «национальном интересе» и «особом пути» не должны пока прекращаться. Эта стадия может длиться долгое время, в ходе которого осуществляется полный экономический симбиоз не просто России и США, а России и остального мира (контролируемого США). В России вырастает поколение, чувствующее себя естественной частью «цивилизованного мира»: у них общий Интернет, общие компьютеры и программы, общее кино и телевидение... Они прилично говорят и понимают по-английски, им доступна Америка: они свободно туда приезжают, могут там работать и т.д. У них сформируется раппорт на сигналы, исходящие из американского общества. Это во многом уже произошло. Причем этого никогда не произойдет между Россией и Китаем и даже между Россией и Европой. В случае с Китаем этого не произойдет по глубинным ментальным причинам. А также потому, что Китай этого делать не станет, да и не умеет. Европа тоже не может сформировать подобную связь с коллективным подсознанием россиян, потому что она сама продолжает оставаться расколотым искусственным сообществом. У Европы нет ни языка для формирования раппорта, ни образа. А у Америки все это есть.

Надо не изменять культурный код покоренных народов, не ассимилировать их, а лишь слегка подкорректировать иерархию ценностей. Не менять всю систему ценностей, а лишь чуть-чуть переставить ценности местами.

Я спросил: «А сохранит ли при этом Россия свой язык, культуру, религию?» «Я считаю, – ответил Робин, – что следует это сохранять... Мы же не обиженные прибалты. Это никому не мешает, это умиротворяющее средство, да это и высокая ценность. Это фактор нашей общей капитализации, наш актив. Наличие второго языка не помеха. Это вопрос технологии обучения. В Америке живут, например, миллионы испаноязычных граждан. Нельзя сказать, что из-за этого нет никаких проблем, но нет проблем нерешаемых. Должен, правда, сказать, – добавил он, – что по этому вопросу в экспертном сообществе имеются принципиальные разногласия. Одни считают, что, говоря упрощенно, русских надо превратить в американцев "полностью", то есть целенаправленно привить им американскую ментальность. Это сродни генной инженерии, когда в наследственную структуру одного вида встраиваются фрагменты генома другого вида и вместе с этим передаются определенные свойства. Я не сторонник такого подхода, хотя не отрицаю, что это возможно. Я считаю, что сохранение определенного культурного разнообразия в пределах новой Великой Империи только на пользу. Тем более что ваша религия чужда поиску новых моделей развития, то есть она вполне гармонична целям проекта. Надо не изменять культурный код покоренных народов, не ассимилировать их, а лишь слегка подкорректировать иерархию ценностей. Не менять всю систему ценностей, а лишь чуть-чуть переставить ценности местами. Например, повысить в русских значимость материального комфорта, денежного благополучия. Понизить ранг метафизически воспринимаемой справедливости как некоего высшего мерила и т.д. Это интересная задача: тонкая модификация отдельных параметров социокультурного кода нации... Целью, однако, непременно станет и вот еще что: достижение неспособности к построению и, главное, попыткам воплощения альтернативных парадигм жизнеустройства. Америке уже известна идеальная парадигма жизнеустройства, и только она должна существовать в мире. Вот это, Сергей, меня и огорчает больше всего...

– Не понял, что именно? – спросил я. – То, что русских больше не будет?

– Ну, конечно, если русских больше не будет – это плохо само по себе. Но гораздо хуже для всего человечества, это то, что исчезнет, возможно, последний народ на земле, способный породить и воплотить в жизнь альтернативную модель развития. А ведь именно она может стать единственным спасением, когда начнут исчерпываться природные ресурсы, когда Земля станет мстить за то, что мы с ней сделали. Мы, англосаксы, можем покорить весь мир. Но мы можем его и уничтожить. Я бы даже сказал жестче: мы не можем его не уничтожить, если кто-то не будет препятствовать. И этот «кто-то» – Россия. С той встречи прошел год. То, что я вижу в политике и экономике России, очень напоминает подготовку к «слиянию и поглощению». И меня охватывает тревога. Странное дело: мне «предлагают» светлое будущее, а я все что-то рефлексирую... «Над ним струя светлей лазури... а он, мятежный, ищет бури». Внутри себя я вижу глаза моих покойных родителей, вижу глаза фронтовиков и их вдов. Почему их глаза грустны? Разве они боролись не за светлое будущее? Не за удобную, комфортную, мирную жизнь? Разве не ради этого они прожили аскетичные жизни, гордясь и веря, радуясь и терпя, видя и мудрость, и глупость правителей? Неужели все дело именно в «полете наших птиц»? «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». Но ведь в сказке есть не только молочные реки и кисельные берега, но и победа добра над злом, есть героизм. «В жизни всегда есть место подвигу», «жизнь прожить надо так, чтобы...» – это что, засевшая в подсознании пропаганда, которую вместе со мной не жалко выбросить на свалку истории или это просто одно из словесных выражений неизменной сути, передающейся от поколения к поколению?

Почему я по-прежнему жажду «все выше, и выше, и выше» и не хочу довольствоваться надежным – «сытнее, сытнее, сытнее»?

Мы, англосаксы, можем покорить весь мир. Но мы можем его и уничтожить. Я бы даже сказал жестче: мы не можем его не уничтожить, если кто-то не будет препятствовать. И этот «кто-то» – Россия.

EDITOR'S-IN-CHIEF COLUMN

S.N. Belkin

– editor-in-chief and co-founder of literary miscellany and portal *Development and Economics*, member of the Union of Writers of the Russian Federation, Candidate of Science (physics and mathematics)

Indefinite Integral – 4

INTERVIEW

M.Yu. Baydakov

– chairman of the Board of the Millennium Bank, co-founder of literary miscellany and portal *Development and Economics*

"The association like the Eurasian Union has a no small spiritual component, which cannot be measured by roubles" – 6

EURASIAN DEVELOPMENT

A.I. Neklessa

– chairman of the Commission on social and cultural problems of globalization, bureau member of the Scientific Council *History of World Culture* under the Presidium of the Russian Academy of Sciences, deputy general director of the Institute of Economic Strategies, director of the Center for Geoeconomic Research of the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences

The Russian World: Civilization of Numerous People – 10

A.G. Dugin

– philosopher, Doctor of Politics, professor, head of the department of sociology of international relations and head of the Center for Conservative Research of the sociological faculty of the Moscow Lomonosov State University, leader of the International Eurasian Movement

The Eurasian Union: Principal World Outlook Bases – 18

D.I. Vydrin

– writer, politologist (Kiev)

Eurasianship – Between Problems of Europe and Mistakes of Russia – 26

V.I. Karpets

– member of the Union of Writers of Russia, Candidate of Science (law)

The Eurasian Project and the Russian Question – 34

S.V. Khatuntsev

– Candidate of Science (history), author of papers on history, philosophy and geopolitics including monograph *Konstantin Leontiev: Intellectual Biography (1850–1874)*

Ideas of the Eurasian Union for All to Hear – 44

P.B. Salin

– director of the Center for Politological Research of the Financial University under the Government of the Russian Federation, expert of the Center for Political Situation, Candidate of Science (law)

The Eurasian Union – Geopolitical Counteroffensive of Russia – 52

V.L. Bliznekov

– philosopher (PhD), lawyer specializing in international law, publicist

The North Asian Union – 60

V.M. Korovin

– director of the Center for Geopolitical Expert Examinations, leader of the Eurasian Union of Youths

The Eurasian Union – the Only Chance for Russia – 68

THEORY OF DEVELOPMENT

Yu.M. Osipov

Doctor of Economics, director of the Center for Social Sciences at the Moscow Lomonosov State University, president of the Academy of Philosophy of Economics, vice-president of the Academy of Humanitarian Sciences, full member of the Russian Academy of Natural Sciences, editor-in-chief of the *Philosophy of Economics* magazine

Russian Restructuring as Inevitable Urgency – 76

O.T. Bogomolov

– academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, professor, honored scientist of the Russian Federation, honorary director of the Institute for International Economic and Political Research of the Russian Academy of Sciences, honorary president of the International Association of Economic Sciences, honorary professor of the Budapest Economic University and Nanking University (People's Republic of China), full member of the Bulgarian Academy of Sciences

V.M. Simchera

– Doctor of Economics, professor, honored scientist of the Russian Federation, director of the Scientific research institute of statistics of the Federal State Statistics Service (2000–2010), vice-president of the Russian Academy of Economic Sciences, editor-in-chief of the *Economics. Entrepreneurship. Environment* magazine (1999–2005), head of the department of statistics of mutual trade of countries-members of the Customs Union of EurAsEC

Economy Needs Reliable Indicators – 84

A.V. Buzgalin

– Doctor of Economics, professor at the Moscow Lomonosov State University, editor-in-chief of the *Alternatives* magazine

Disintegration of the USSR: Lessons and Challenges for New Integrations – 96

V.Ye. Lepskiy

– Doctor of Psychology, professor, chief researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Subject-Oriented Analysis of Integration Project's Problems for Eurasia – 108

V.M. Simchera

Why Integration Slips (experience of critical assessment of non-observed barriers) – 116

A.A. Oleynikov

– Doctor of Economics, professor of the economic department at the Orthodox Svyato-Tikhonovskiy (Saint Tikhon's) Humanitarian University, full member of the Russian Academy of Natural Sciences, honored scientist and educator of the Russian Academy of Natural Sciences, full member of the Academy of Philosophy of Economy and Philosophic and Economic Scientific Assembly of the Moscow Lomonosov State University

To the Matter of Creation of Eurasian Theory of National Economy – 126

R.R. Vakhitov

– Candidate of Science (philosophy), senior lecturer at the Bashkirskiy State University, political publicist

Russia-Eurasia and the World Market – 134

A.E. Ayvazov

– independent analyst

Periodic System of World Capitalist Development – 140

PROJECT APPROACH

E.G. Kochetov

– Doctor of Economics, president of the Public Academy of Geoeconomics and Globalistics, academician of the Russian Academy of Natural Sciences

Unity on the Eurasian Platform: Geoeconomical Plan – 148

A.N. Belkin

– professor, head of the architectural department at the Moscow State Academy of Municipal Economy and Construction

Arabian Miracle – 156

Yu.V. Krupnov

– chairman of the Development Movement, chairman of the Supervisory Council of the Institute of Demography, Migration and Regional Development, prize winner of the President of the Russian Federation Award in the field of education, active state advisor of the Russian Federation of the 3rd class

To Capable Eurasian Union on the Basis of Co-Development Principle – 160

COLUMNIST

S.V. Lurie

– Doctor of Culturology, leading research associate of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg)

The Eurasian Union Assessed by Foreign Columnists – 172

HUMANITARIUM

O.G. Bakhtiyarov

– general director of the Efficient Development University (Kiev), developer of psychonetics concept – technologies of employment of conscience resources, author of the books *Post-Information Technologies: Introduction to Psychonetcs*, *Deconcentration*, *Active Conscience*

"Wild Maps" and Deviations from the Course of History – 180

L.A. Bulavka

– Doctor of Philosophy, leading research associate of the Russian Institute of Culturology

Alternatives of Globalization of Alienation: Looking for Dialogue of Cultures – 190

S.N. Belkin

Talking to "Discharged Sovietologist" – 198

Итоги и перспективы

В этом номере альманаха перспективы создания Евразийского союза проанализировали 24 автора статей, помимо этого приведены взгляды на проблему более двух десятков экспертов и политических деятелей. К каким же выводам можно прийти, познакомившись с широким спектром суждений?

Большинство аналитиков считают, что объединение Белоруссии, Казахстана и России сулит этим странам и народам благоприятные перспективы во всех сферах жизни – в политике, в экономике, в культуре. Этот союз стран и народов оценивается как естественный, обусловленный как историческими корнями, так и реалиями сегодняшнего мира. Критические замечания, высказанные авторами, редко относятся к самому существу обсуждаемого проекта, его главной цели. Никто не предъявил аргументов, доказывающих, что объединение стран приведет к их ослаблению. Напротив, перспектива дальнейшего усиления и развития видится как вполне реальная и достижимая цель. Расхождения в оценках касаются в основном перспектив участия других стран в проекте либо обусловлены политическим атавизмом – страхом перед воссозданием СССР.

Вторым номером альманаха мы продолжили нашу линию на создание площадки, на которой анализируется развитие страны и общества, представлены различные подходы и в результате идет формирование определенной позиции. Естественным продолжением этой линии является необходимость конкретизации образа будущего, которого мы хотели бы достичь в результате развития. Этой теме мы планируем посвятить третий номер альманаха.

Третий номер по плану выйдет в период, когда уже будут видны первые шаги того нового курса, который мы все ожидаем в связи со сменой президента страны. Поэтому тема третьего номера может быть сформулирована так: «Россия: образ желаемого будущего и способы его построения». Мы видим свою задачу в формировании конструктивного «наказа президенту», имея в виду, разумеется, не одного человека, а общество в целом и его властные элиты. А для этого рассмотрим различные аспекты жизнеустройства. Оставаясь на позициях целостного взгляда на жизнь страны и общества, мы будем стремиться к раскрытию динамики трансформации, ее движущих сил, описанию желаемых целей и свойств возможного будущего, анализируя следующие грани и сущности общественного развития.

Ценности и цели. Это основной вопрос – именно его осознание может и должно дать критерии выбора модели развития страны. К сожалению, в политической практике место подлинных, глубинных ценностей занимает то, что должно быть инструментом их достижения. «План», «рынок», «демократия», «вертикаль власти» и т.д. – не более чем такие инструменты.

Власть и государственное устройство. Говоря о власти, надо внимательно проанализировать ее внешние и внутренние движущие силы, структуру и центры возникающих взаимодействий и тенденций, ее ценностную, социальную и экономическую основу. Говоря о государстве, его институтах и социальной роли, надо соотносить их с верно определенными целями, реальными возможностями и свойствами той органичной и естественной среды, в которой реализуются названные феномены. А вовсе не плестись в колее поверхностного заимствования чужой теории или практики.

Социально-экономический уклад. Выбор экономической модели должен производиться на основе целостного, системного, «организменного» восприятия жизни страны в реальных условиях взаимодействия с внешней средой. Народ должен строить и воплощать в жизнь не ту или иную экономическую доктрину, а собственную судьбу во всем ее многообразии и сложности.

Наука, техника и образование являются не только средствами и инструментами, призванными «облегчить труд» или «повысить эффективность». Они сами по себе оказываются целью и ценностью, изменяют жизнь, наполняют ее новыми возможностями развития и роста.

Говоря об **обществе будущего**, мы с неизбежностью будем разбирать общество настоящего – его пороки, проблемы и несовершенства, от которых хочется избавиться. И это может стать конструктивным подходом, если наряду с констатацией проблем указываются пути их разрешения и цели, к которым надлежит стремиться.

Весь этот круг вопросов неразрывно связан с той животворящей средой, которую мы называем **культурой**. Чрезвычайно важными аспектами, без которых невозможно адекватное рассмотрение проблемы и описание «образа желаемого будущего», являются проблемы **антропологии**, социальной и личностной **психологии**.

Мы планируем дать слово не только специалистам, исследующим перечисленные вопросы, не только политикам, стремящимся повлиять на ход событий, но и деятелям культуры и искусства, чей взгляд на проблему бывает порой не менее проницательным и действенным, чем у профессиональных экспертов.

Приглашаем к сотрудничеству всех заинтересованных авторов.

Редакция

ДРЕВО ЖИЗНИ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД ВОЗРОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО, КУЛЬТУРНОГО И ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ

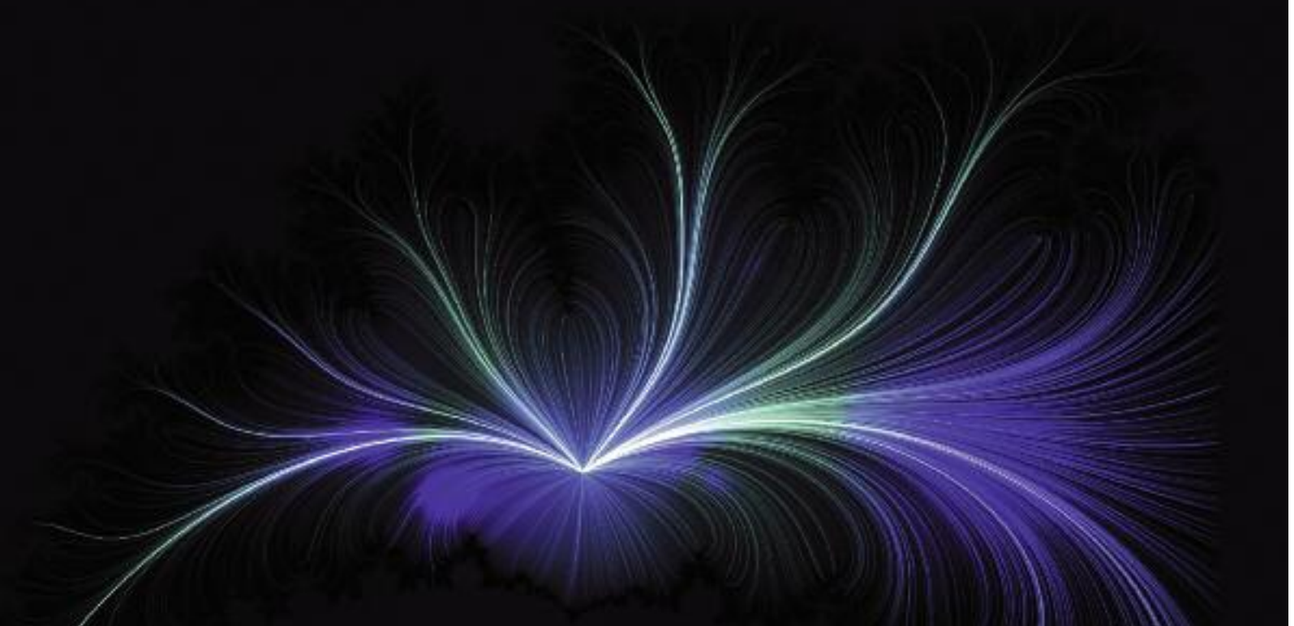
Благотворительный Фонд возрождения национального, культурного и духовного наследия «Древо жизни» основан в 2011 году. Его учредителями стали частные лица и Международный Благотворительный Фонд «Премия Древо Жизни».

Среди учредителей – предприниматели и общественные деятели, священнослужитель, юрист, писатель, искусствовед... Всех этих людей объединила не только любовь к своей стране и её многоликой и древней культуре, не только глубокая личная привязанность к её духовным корням, но и искренняя озабоченность будущим страны и той системы ценностей, которая и является основой и смыслом её существования.

Основное направление деятельности Фонда – образ России, складывающийся в мире. Этому посвящен проект Фонда «Россия и мир». Его цель – создание и популяризация позитивного образа нашей страны, достижений её культуры, науки, духовности.

АДРЕС ФОНДА: 109012, МОСКВА, УЛ. ВАРВАРКА, Д.14 | +7 (495) 698-37-37 | WWW.FONDDREVOZHIZNI.COM

www.devec.ru



интернет-портал

«Развитие и экономика»

Сайт является электронным СМИ (Рег. № ФС77-45891 от 15 июля 2011 г.).